

МАКСУТ
КАРИЕВ

Тробоғлы
Небесты

1/2
K23

МАКСУД
КАРИЕВ

Прободы Невесты

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Перевод с узбекского

20044-54046
Тодди
прод
дочка

Yashnobod Qurilish-kasb-hunar kolleji
Axborot-resurs markazi
№ 2354

11927

ОПИСАНО

Среднеазиатск. ЦБС
Ташкентской области

МОСКВА СОВЕТСКИЙ ПЕЧАТНИК 1985

Yashnobod Qurilish-kasb-hunar kolleji
Axborot-resurs markazi
№ 1099

Художник Ефим Скакальский

Кариев М.

К 23 Проводы невесты: Повести, рассказы. Пер. с узб. — М.: Советский писатель, 1985. — 296 с.

В новую книгу Максуда Кариева «Проводы невесты» вошли повести «Проводы невесты», «Сердце мое — факел», «Серебристые листья» и рассказы.

В первых двух повестях автор обращается к прошлому, к 20-м годам в Средней Азии утвердилось ~~«жестокое»~~ власть.

«Серебристые листья» — повесть о наших современниках, сельских ~~и городских.~~

336—85

ББК 84.Уз7

© Перевод на русский язык. Издательство «Советский писатель», 1985 г.

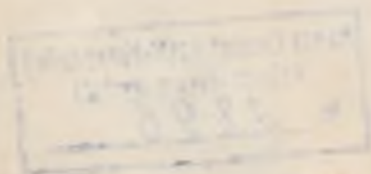

Побести

СМ

Мамза Қуритиш қаш. - ҳunar коллеж
Аxborot - resurs markazi
№ 28/95

* TOSHKENT SHAHAR YASHINOBOD TUMANI *
№ 9025
* AXBOROT - KUTUBXONA MARKAZI *

Историю эту я воскресил благодаря матери.

В далекую, незабвенную пору, когда в наших краях в борьбе и муках рождалось новое общество, была она юной

девушкой, но все, что происходило у нее на глазах, запечатлелось в памяти навсегда. Так вот: нужно ли вспоминать? Говорят же в народе: «Закрылась раиа — забыл о боли». Но говорят и другое: «Свет луны дорог до рассвета, а свет разума дорог всегда».

Размышлял я об этом в начале весны, накануне женского праздника. В последние годы его отмечают особенно тепло.

В тот день я повез свою старушку в большой магазин, чтобы выбрать подарки ей и внучкам.

Во всю мощь били фонтаны на площади перед стеклянным фасадом универсама. На гранитной ограде сидели люди: колхозники из ближних кишлаков, мужчины, дождавшиеся, пока жены осматривают все товары на всех четырех этажах. Рядом играли дети.

Мы направились к широкой лестнице. Я держал мать под руку и потому явственно ощутил, как она вздрогнула.

— Что это вы, ойи¹? — спросил я.

— Да так, — неопределенно ответила мать и, лишь когда мы поднялись к входу и смешались с людским потоком, обернулась и показала головой на человека, который сидел у воды: — Вон взгляни-ка на того, в черном пиджаке.

Я посмотрел на человека, который как раз в этот момент снял тубетейку, чтобы отереть платком голову. Она была серовато-белая. «Сед как лунь», — подумал я, вглядываясь в лицо мужчины, изрядно помятое жизнью.

— Сидит, как все порядочные люди, — говорила между тем мать. В голосе ее слышались осуждающие нотки. — И денег у него небось побольше, чем у иных.

Поневоле я засмеялся и, чтобы мать не обиделась, обнял ее за плечи.

— Да что вы имеете против него? Чем он других-то хуже?

¹ Ойи — мама.

Мать вздохнула.

— Оно и правда, сынок, — сказала она. — Можно ли корить пса за то, что родился слепым.

Мы приближались к эскалатору, и старушка моя забавно замешкалась.

— Нет ли рядом обыкновенной лестницы? — спросила она.

Я подхватил ее под руки, она поужасалась для виду, и оба мы в самом веселом расположении духа поднялись в торговый зал.

Но вечером, подчиняясь безотчетному побуждению, я сам вспомнил о том человеке с помятым лицом и седой головой.

— Почему вы с такой неприязнью говорили о нем, ойджан? — спросил я. — Даже прощая за неведомые грехи, и то уподобили его псу.

Мать ответила не сразу. Она застыла с вышиванием в руках (заканчивала тюбетейку для младшей внучки), отставила в сторону натруженную руку с иглой и свисающей голубой нитью. Глаза ее потемнели. Она отложила свою работу и просто сказала:

— Слушай...

То, что я узнал от матери в тот мартовский вечер, надолго лишило меня покоя. История была похожа на многие другие, но именно потому почувствовал я жгучую как жажда потребность восстановить все, что было связано с событиями ушедших, но не умерших лет. Едва выдавался свободный денек, отправлялся я в родной кишлак, благо теперь туда ходит городской автобус, да и сам кишлак очень мало похож на тот, каким его помню я, а тем более мать. И дома новы, и люди выглядят иначе. Те, с которыми я разговаривал подолгу за неспешным чаем в придорожной чайхане, все уже далеко не молоды. И у всех одинаково грустнели и теплели глаза, когда по просьбе моей вспоминали они двадцатые годы. Люди эти сохранили в своих сердцах то, что не сберегут самые надежные архивы. Не умирала в их душах воистину светлая память о первом комсомольце Нигмате. Коротка была его жизнь — факел, который вспыхнул однажды, в ночь лунного затмения. Но вместе с тысячами других огней он дал жизнь пламени, которому не угасать вовеки.

О нем, о Нигмате, эта повесть.

Нигмат вернулся домой к вечеру.

Норхон-апа хлопотала у очага. Она сразу же подозва-

ла сына, достала из-под вытертого плюшевого жилета сложенный вдвое почтовый листок бумаги и подала Нигмату.

Нигмат пробежал глазами неровные строки, выведенные арабской вязью, и покачал головой.

— Какой-то парень сунул в дверную щель. — Мать обеспокоилась, заметив, что сын встревожился. — Там нехорошее что-то, сынок?

— Что за парень? — спросил Нигмат, еще раз перечитывая записку.

— Не знаю, — словно оправдываясь, произнесла мать. — Пока я успела выглянуть на улицу, он уже убежал. Только в спину я и увидела его. Щуплый такой. Сапоги на нем рваные. — Она помолчала, еще раз посмотрела на сына и добавила неуверенно: — Вроде бы не наш он. Нездешний.

Как всегда неожиданно, появилась Муборак. Не замечая, что старшим сейчас не до нее, вся во власти своих девичьих переживаний, она, подпрыгнув, обняла мать сзади. Норхон-апа едва не упала грудью на доску, на которой раскатывала тесто для чучвары.

— Чтоб тебя ветром унесло, никудышную! — воскликнула она.

В ответ Муборак поцеловала мать в шею у самого уха, бросилась к брату и начала шарить в карманах его халата.

— Что вы мне сегодня принесли? — лукаво спрашивала она.

— Ничего, — рассеянно ответил Нигмат, но сестренка не верила:

— Ну-ка, покажите мне это «ничего»...

Обычного гостинца у брата не оказалось, и Муборак деланно захныкала, посмотрела с тоской на крупные пельмени, которые мать выстроила в ряд на подносе, и объявила:

— Я сейчас буду плакать.

— Плачь, если хочется, — сердито ответила Норхон-апа, вновь занявшись стряпней.

— Так вы же на меня не смотрите, — не унималась Муборак, все еще не понимая, что баловство ее, обычно развлекавшее всех, сейчас некстати.

— Вон самовар стоит, — сказала мать. — Стунай поплачься ему.

Муборак, продолжая игру, и впрямь уселась перед дымящимся самоваром.

— А-а-а... О-о-о... — деланно зарыдала она, чтобы привлечь к себе внимание.

Нигмат посмотрел на нее невидящим взглядом, зашел в дом и тут же появился в новом бекасамовом халате, накинутом на плечи.

— Пройдусь немного, — сказал он матери.

— Ужиш почти готов, — сказала мать, делая робкую попытку удержать сына. — Смотри не задерживайся! — крикнула она уже вслед Нигмату. — Чучвару полагается есть горячей!

— Ладно! — ответил Нигмат уже с улицы.

— Перестань реветь! — прикрикнула Норхон-апа на дочку. — Ты уже и в самом деле расплакалась.

— Еще немножко, мамочка, — попросила, сложив ладони, Муборак.

— Горе ты мое, умолкни, не то всыплю тебе!

Норхон-апа не могла отделаться от мыслей о той загадочной записке и о сыне, который встревожился и убежал, не сказав, — впрочем, как обычно, — к кому идет и надолго ли. «Дела есть». Вот и весь разговор, едва мать начнет несмелые вопросы.

Наконец-то Муборак смекнула, что не все ладно у них в доме. Но узнать у матери, что произошло, девочка не решилась. Она лишь присела рядом с Норхон-апа и спросила:

— Можно, я тоже буду лепить? У меня рука легкая. Все говорят.

— Добро бы так, — откликнулась мать, вздохнув.

Нигмат торопливо шагал берегом Захарыка. Накануне, вслед за снегопадом, ударил морозец. Редкая листва, которая оставалась на деревьях еще с осени, сморщилась, от малейшего дуновения она осыпалась с шелестом, и потому глубокие мартовские сумерки казались еще более жуткими.

От Захарыка, одарявшего в летнюю пору радостной прохладой, сейчас веяло такой пронзительной сыростью, что невольно хотелось съежиться. В верхушках голых топей беспокоилась воронья стая: то взлетит с шумом, то снова опустится на деревья.

Скоро — ночь затмения. На два часа луна скроется. Но именно эту необычную ночь выбрала сельская партия для того, чтобы созвать митинг. Пусть дехкане сами убедятся, как сильна наука, способная предсказывать явление, которое испокон веков считалось сверхъестественным. Как только луна покажется снова, от-

кроются и женщины: активистки, а вслед за ними и те, кто не решился до сих пор сбросить закрывающую лицо волосяную сетку — чачван.

Вот уже более месяца ходили комсомольцы из дома в дом, рассказывали дехканам о лунном затмении то, что сами узнали от городского товарища, приехавшего в кишлак с лекцией о небесных явлениях. Призывали женщин включиться в худжум — в борьбу за раскрепощение, охватившую всю молодую Туркестанскую республику.

Из темноты послышались шаги. Кто-то шел навстречу Нигмату. Человек приблизился, и Нигмат узнал Камала — батрацкого сына. Беден был Камал, по упорно держался той стороны в сельской общине, где верховодили бывший бай Закир и имам Руфатилла. «Чтоб я, мусульманин, да разрешил своей жене открыть лицо? Не дождетесь!» — неизменно повторял он.

Не однажды пытался Нигмат разубедить Камала:

— Ну кто же первый подаст пример, если не ты, бедняк и сын бедняка? Это только муллам и богачам на руку, чтоб народ жил без света, чтоб женщина была рабой.

— Советская власть дала мне землю и воду, — отвечал Камал. — Низкий поклон ей и благодарность. Но я — мужчина. Я не могу выставить свою жену всем напоказ. Это бесстыдство.

Нигмат находил все новые доводы, напоминал Камалу, что вот и соседи, на него глядя, не разрешают женам сбросить паранджу. Батрацкий сын упрямо стоял на своем:

— Легко тебе корить меня. Женисься, сам запоешь по-другому.

Стычки эти бывали подчас весьма жаркими и нередко проходили при свидетелях.

— Все равно будет твоя жена ходить открытой, — говорил, прекращая разговор, Нигмат.

— Не дождешься! — бросал ему вслед разъяренный Камал. — Будь ты хоть рассекретарь всяких там ячеек.

Сейчас, поздним вечером, на обрывистом берегу Захарыка Камал встал лицом к лицу с Нигматом, загородив ему путь.

— Ну что, друг, опять убеждать меня начнешь? — спросил Камал и засмеялся тихонько от остроумной, как ему показалось, мысли. — Давай-ка договоримся: моя жена при всем народе откроет лицо, а ты другое место, то, что пониже. — Теперь он захохотал, довольный собой. — Что же ты молчишь, комсомолец?

Кровь вскипела в жилах Нигмата, но он сдержал себя.

— У кого в гостях был? Не у Закирбая ли за кальяном посиживал? — спросил он.

— Ага-а, — протянул Камал, — так ты уже и мне указываешь, как я жить должен?

— Смотри, бедняк, как бы голова у тебя не закружилась от байской анаши¹, — сказал Нигмат и отстранил Кемала с тропинки. — Пусти! А о политике поговорим потом. На сельском собрании.

— Не трожь! — вскрикнул Камал, будто прикосновение Нигмата обожгло его. — О своей голове пекись, а о себе я сам подумаю.

Испуганный шепот донесся с другого берега Захарыка.

— Не иначе, Нигмат с Камалом снова сцепились, — приглушенно произнесла женщина.

— Ой, соседка, как бы беды не было! — откликнулась другая. — Ночь-то какая зловещая, и луна то пропадет, то появится. Вчера же еще она была круглая как блюдо и всю ночь светила. Не зря, видно, говорят: совсем луна погаснет скоро.

— И не говорите, дорогая. Карает нас аллах. А то-то еще будет, если послушаемся большаков да лица перед чужими людьми откроем!

— Чур! Чур! — поспешно произнесли обе.

— Слышал? — спросил Нигмат у Камала. — Убедился, к чему невежество приводит? — И он закричал громко, так, чтобы слышали его и во дворе, что напротив, и во многих других дехканских усадьбах: — Женщины! Люди! Разве мы, комсомольцы, не предупредили вас, что лунное затмение произойдет только через неделю?

На другом берегу умолкли.

— Что же вы напрасно сеете страхи? — продолжал Нигмат. — Вам же объяснили: луна будет закрыта тенью от земли. Ненадолго. Через два часа она будет светить опять во всю силу. Это говорю вам я, Нигмат, и все вы, кто придет на митинг, убедитесь, что не я прав, а наука, к которой зовут нас Советы.

Наступила тишина, а потом раздался властный мужской голос:

— Ну-ка — в дом, бесстыдницы! Дождались: мужчины с ними среди ночи переговариваются!.. А вы там

¹ Анаша — вид наркотика.

умолкните, комсомолы! — крикнул хозяин усадьбы Нигмату. — Не то и мы поможем Камалу испытать, крепка ли у тебя шея.

Замелькали на той стороне тени. Теперь уже добрая половина кишлака не спала. Все ждали, что ответит Нигмат.

Он расправил плечи. Рывком отстранил Камала, вскочил на пригорок. Нигмат понимал, что его не увидят, но голос сверху разносится дальше.

— Люди! Я хочу, чтоб все вы знали: я не боюсь угроз, — громко и внятно произнес он. — И никто из моих товарищей ничего не боится. Потому что мы, большевики и комсомольцы, стоим за правду. Новая жизнь для трудящегося люда пришла в наш край. Она непобедима. Мы будем жить свободно, и женщины будут равны с мужчинами. И счастливые лица их будут открыто смотреть на мир.

— Умолкни, выродок! — громко произнес Камал.

С крыши тоже прокричали трубно:

— Заткни-ка ему глотку, Камалджан.

Нигмат прыгнул вниз и положил ладонь на плечо Камалу:

— Придешь домой, батрак, хорошенько подумай обо всем.

Камал не откликнулся, но руку Нигмата не отстранил.

— Ну, я пошел, — сказал Нигмат. — Тут еще кое-кто обещает со мной расправиться. Не забывают меня земляки. — Он нащупал записку, спрятанную на груди, и зашагав вперед.

В обширной усадьбе Кадыркула тоже не спали.

Во дворе у деда голоса звучали тихо, будто люди боялись привлечь внимание злых сил.

Едва Нигмат постучался, как к калитке подбежал Мурад, младший сын Кадыркула.

— А, это вы, Нигмат-ака, — произнес он успокоенно. — Заходите. Отец дома.

— Он что: ждет меня? — спросил Нигмат.

Паренек замялся.

— Не знаю, — ответил он, потупившись.

— Ты приносил мне записку? — в упор спросил Нигмат.

— Какую записку?

— Ладно, — сказал Нигмат и отстранил плечом паренька.

Во дворе при свете керосиновой лампы тетушка Лазокат, держа над широким тазом сито, просеивала муку. Жизнь продолжалась, невзирая на все бредни о предстоящей вскоре каре небесной, которые в этом доме, где частым гостем был Руфатилла, принимались на веру.

Нигмат поздоровался с тетушкой и по привычке поинтересовался взглядом Айгуль. Ее не было. Спрятали от него Айгуль. Нигмат подавил в себе беспокойство и пошел навстречу дяде Кадыркулу, который показался в дверях мехмонханы — комнаты, предназначенной для гостей.

— Спасибо, заглянул к нам, — сказал Кадыркул. Голос у него был недовольный. — Все некогда тебе, все некогда, — продолжал он. — Время, значит, нынче такое: почтенные люди — не у дел, а безбородые юнцы знай себе начальствуют.

Не переставал дядюшка ворчать и тогда, когда оба они уселись у горячего сандала.

С удовольствием ощущая босыми ногами жар, исходящий от раскаленных углей, Нигмат слушал старшего, не возражая, как велели обычаи предков.

— Рано вы нынче сандал начали топить, — произнес он, убрав ноги с деревянной перекладины под одеяло.

— Ничего не поделаешь — старость, — все так же хмуро откликнулся Кадыркул. Он долго сидел, отвернувшись, пока наконец не спросил: — Что это снова затевает ваша ячейка, или как там она называется?

— Извините, дядя, я вас не понял.

Кадыркул вздохнул, потерял бороду.

— Нужно ли повторять, — сказал он, — ты мне как сын, Муборак, твоя сестра — как дочь.

— Я не забываю об этом, — сказал Нигмат, — и Муборак — тоже. Она-то совсем не помнит отца. Сколько ей было, когда он надорвался? Год, наверное. Она и дома так говорит о вас: «Дада подарил колечко. . .», «Дада бо-сиком ходить не велел. . .»

— То-то, — произнес Кадыркул, и голос его потеплел. — Я же добра желаю. И тебе, и ей, и маме вашей.

Нигмат почувствовал, что вот-вот дядюшка начнет нескончаемую песню о благодеяниях своих, и потому сказал прямо:

— Я пришел посоветоваться, дядя. Мне снова прислали записку. Опять — без подписи. Вот, посмотрите.

Кадыркул взял бумажку, подслеповато взгляделся в

нее, крикнул Мураду, чтобы тот принес очки, и, водрузив их на переносице, начал читать, то и дело перебивая себя восклицаниями: «О аллах праведный, помилуй нас!»

— Что же это такое? — спросил он с искренним недоумением у Нигмата и перечитал еще раз вслух: — «Ты обещаешь, большевистский выродок, ночью согнать в кучу наших жен и вместе со своими приспешниками обесчестить их. Ты хочешь красавицу Айгуль сделать в эту почь грязной комсомолкой. Не ищи ее ни в кишлаке, ни на Караташе¹. И знай: голова твоя будет валяться на свалке, рядом с собачьими потрохами. Одумайся, пока добрые мусульмане не потеряли терпение».

— Это уже третье предупреждение, — сказал Нигмат. — Первое было, когда байскую землю делили, второе — когда школу открывали.

— Да, да, — рассеянно повторял Кадыркул. — О аллах! Сколько врагов у тебя, мой сын, сколько недругов у всей нашей семьи.

— Не у меня, — твердо возразил Нигмат. — У Советской власти.

Кадыркул помрачнел еще больше.

— Так, — произнес он и покачал головой. — Что ж, хорошая, выходит, у тебя власть, коли за нее помереть не жалко.

— Именно такая, — упрямо сказал Нигмат.

Глаза Кадыркула сверкнули.

— Своей жизни не жаль, о нас бы подумал. О матери, о сестре.

— О них-то и думаю прежде всего, — спокойно возразил Нигмат. — Хочу, чтобы они людьми себя почувствовали. Чтоб грамотными стали. Чтоб на мир открыто смотрели.

— А толку! — закричал Кадыркул. — Кому польза от образованности этой, от распущенности! — Дядюшка распался все больше. Он благоговейно прикоснулся к толстой книге, которая лежала в нише на резной деревянной подставке. — Устами Мухаммеда аллах предписал мусульманам, как надлежит им жить в земной юдоли. За веру эту, за ислам реки людской крови пролиты. И вот тебе! Приходит Нигмат со своими комсомольцами и вступает в спор с заветами самого аллаха и с делами пророка его. — Произнеся столь кощунственную фразу, дядюшка

¹ Караташ — местечко в Ташкенте.

вскочил и убежал в соседнюю комнату, пал на колени и начал истово молиться.

Вернувшись к дастархану, он долго молчал, а потом сказал так, будто только об этом и думал во все время молитвы:

— Айгуль в школу не пущу. Тетушка твоя согласна со мной.

И, как бы подтверждая это, в комнату, тихо ступая, вошла Лазокат, поставила на скатерть миску с лагманом¹, винный уксус и вышла, удрученная тем, что дядя и племянник снова не глядят друг на друга.

— У нее, у самой Айгуль, тоже не грех бы справиться: хочет она учиться или нет, — сказал Нигмат.

Кадыркул сверкнул глазами:

— Хлеб ест чужой, а умом будет жить своим. Так, что ли, по-вашему полагается?

— В город поедет. Государство и учить и кормить ее будет.

— Богатое у тебя государство.

— Народное, — сказал Нигмат. Он выглянул в окно, услышав легкую поступь во дворе.

— Не ищи, не ищи ее, — зло произнес Кадыркул. — Я уже отослал ее. Только не в школу вашу, где парни с девками на одной скамье сидят да тискаются, а к брату своему, в Ташкент. Восемь дочерей у него. Айгуль будет девятой. Хвала аллаху, мусульмане друг друга в беде не оставляют. — Он занялся лагманом, со свистом втягивая в себя горячую лапшу, макал в соус лепешку и заедал ею.

Нигмат хоть и был голоден, к пище не притронулся. Он встал, дождавшись, когда дядя закончит есть, и сказал:

— Я пойду.

— Нет, нет! — быстро возразил Кадыркул. — Никуда я тебя не пущу: час поздний, да и время нынче такое, что доброму человеку лучше в одиночку не ходить. Заночуешь у нас.

Дядя был нынче сам не похож на себя. Говорил торопливо, тряс бородой, руки у него дрожали.

— Мама беспокоиться будет, — сказал Нигмат, — я не предупредил ее, что останусь у вас на ночь.

— Ничего, ничего! Я Мурада к вам пошлю.

— А он-то как же? Ночью, один? — Нигмат впервые за вечер улыбнулся.

¹ Лагман — мучное блюдо.

— А-а, — дядя махнул рукой, — мальчишка он. Кто на него внимание обращает.

— Вот как, — тихо произнес Нигмат. — Сына родного опасности подвергаете. Ради меня.

— Да! — сказал Кадыркул, выпрямившись. — Да, Нигматджан. Потому что и ты мне дорог не меньше родного.

— Вам что-то известно, дядя, чего не знаю я, — сказал Нигмат.

— Одного письма этого, которое тебе подкинули нынче, достаточно для опасений, — сказал Кадыркул и крикнул во двор: — Эй, одеяла Нигмату!

Лазокат явилась с ворохом цветастых покрывал. Глаза у нее были опухшие, и она прятала их. Отвернувшись от мужчин, она начала готовить постель. Молчание становилось невыносимым, и, чтоб нарушить его, Нигмат произнес шутливо:

— Вы так тщательно расстилаете одеяла, дорогая тетушка, будто опасаетесь, что в складках прячутся скорпионы.

— Откуда быть скорпионам? — вскинувшись, ответила Лазокат. — Едва ли не ежедневно я одеяла проветриваю. — Она бросила на кошму матрац, покрыла его бекасамовым одеялом, а поверх постелила одеяло из черного атласа, сложив его вдвое. Затем хотела убрать со стола, но Кадыркул жестом остановил ее.

— Поешь, — сказал он Нигмату, — и отдохни.

Он удалился, бормоча про себя молитву, а Нигмат никак не мог уснуть. Свинцовой тяжестью легла на его сердце весть о том, что Айгуль отправили в Ташкент. Айгуль. . . Сам того не заметив, он уже давно стал ее пленником.

Айгуль было три года, когда ее взяли к Кадыркулу. У девочки внезапно умерла мать, и Лазокат, самая старшая сестра Айгуль, привела ее в дом к своему мужу. Кадыркул поначалу не одобрил этого поступка, но Лазокат убедила его, что ей нужна помощница, а у них с Кадыркулом, хвала аллаху, одни лишь сыновья, и хозяин примирился с тем, что рядом с женой, держась за ее подол, постоянно топчется крохотная девчушка. Вскоре Кадыркул привык к ней и перестал считать чужой.

Незаметно Айгуль выросла, похорошела. Однажды она по приказу Кадыркула, которого искренне звала отцом, принесла в кумгане воду, чтобы слить на руки Нигмату. Он вечером, в пятницу, как водилось, зашел к дя-

дюшке в дом. Парень взглянул на нее и понял, что являлась его судьба.

А жизнь бурлила. Нигмат едва поспевал за ее стремительным бегом. Заседания комсомольской ячейки — Нигмат был секретарем ее — затягивались за полночь. Комсомольцы устраивали агитпоходы, объясняли бывшим батракам, что принесла им Советская власть, разоблачали происки ишанов и богачей, открывали курсы для неграмотных, сами учились, ставили революционные спектакли. . . Но в круговороте дел и забот Нигмат то и дело замирал, представив в воображении своем Айгуль: нежную, словно в молоке ее купали. А ведь росла она — он то знал это хорошо — у очага дымящего, рядом с сестрой, сперва помогая, а потом трудясь наравне с ней от рассвета дотемна. При всем при том находила Айгуль минутку, чтобы поплясать или песенку спеть, на удивление всем такую, какую здесь никогда и не слыхивали.

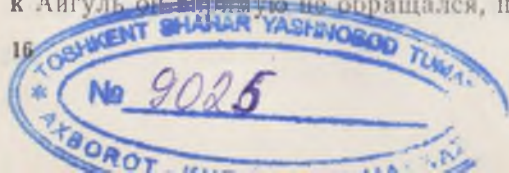
— Кто тебя учит этим песням? — спрашивала, восхищаясь и удивляясь, Лазокат.

— Птицы! — смеясь отвечала Айгуль. — Они прилетают издалека, приносят на крыльях песни. Во-он видите — сизоворонка, — Айгуль показывала на яркую птичку, мелькнувшую в винограднике. — Сейчас она прячется, а когда никого нет, учит меня своим песням. У нее их — не счесть.

Не раз украдкой наблюдал за девочкой и Кадыркул, прислушиваясь к ее пению. Однажды он позвал жену в дом и спросил, управится ли она со стряпней одна, без Айгуль. Лазокат испугалась, не зная, что и ответить. Кадыркул, видя ее смятение, расхохотался и сообщил, что Айгуль будет по утрам ходить в школу для девочек.

Очень быстро научилась Айгуль читать и писать, и Кадыркул рассудил, что в школе ей больше делать нечего. Грамотна — и того с женщины довольно.

Как-то собираясь в город, он спросил у нее, как у всех, какой гостинец привезти. Думал, попросит, как обычно девочки, зеркальце или бусы. Айгуль сказала: толстую тетрадь и карандаши. Кадыркул нахмурился: дал ей грамоту на свою голову! — но привез то, что она захотела. Потом, следя за ней, он обнаружил, что Айгуль красивым почерком записывает стихи. Первым побуждением Кадыркула было сжечь тетрадь, но, сам того не желая, он сперва прочел стихи, и рука у него не поднялась уничтожить их. Он только улучил время и рассказал семье — к Айгуль он ~~ни разу~~ не обращался, но полагал, что она

неглупа, все поймет, — об ослушнице и вероотступнице Нодире, писавшей стихи и казненной по приказу кокаидского хана восемьдесят лет назад.

— Хан повелел, чтоб и семени Нодире не осталось, — жестко закончил свой рассказ Кадыркул. — Поэтому все ее дети были убиты вместе с ней.

Айгуль сидела рядом с сестрой, сжавшись в комочек. Она молчала, подавленная, и только в ичкари, когда они ложились спать, решила и сказала сестре: «Разве птица виновата в том, что ей хочется петь? Разве можно убивать за песни?»

Уставшая за день Лазокат не поняла, к чему сестренка на ночь глядя задает ей такие мудреные вопросы, и больно шлепнула Айгуль по спине: «Спи!»

Тетрадка исчезла, но Кадыркул замечал, что Айгуль по-прежнему шепчет про себя стихи.

«Мужа ей нужно. Такого, чтоб острастку давал, — решил он. — Да детишек побольше. Тогда блажь живо пройдет».

И вдруг оказалось, что в Айгуль влюбился Нигмат, племянник Кадыркула и комсомольский секретарь. Вот это уже было совсем ни к чему. Тем паче что однажды Кадыркул подслушал разговор, очень не понравившийся ему.

Похоже было, Айгуль в тот раз сама искала встречи. Нигмат только было попрощался с дядей — весь день они месили глину с саманом для кирпичей, — вышел за калитку и столкнулся лицом к лицу с Айгуль. Она, как водится, вскрикнула, Нигмат успокоил ее:

— Что вы, сестричка! Это же — я. Не узнаете?

— Темно уже, — пролепетала Айгуль.

... Может, и пропустил бы Кадыркул тот разговор мимо ушей, да уж больно резануло его по душе то, что племянник и тут не преминул свернуть на свое:

— Не закрывались бы от света чачваном...

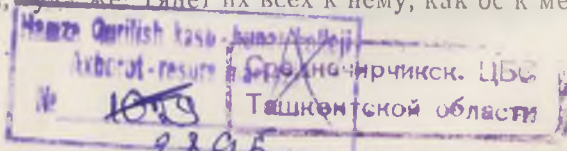
И она, негодница, не возразила, не ответила, как приличествует: дескать, можно ли? Грешно даже подумать о таком.

— Я бы рада, — сказала, — да отец велел носить паранджу. Разве ослушаешься его?

— Ничего, — пообещал Нигмат, — скоро сожжем все эти лохмотья. Пойдешь в школу, в комсомол вступишь.

— А разве девушек принимают? .. — и запнулась.

Слово-то это — комсомол — вымолвить не может, а гляди, куда же! Тянет их всех к нему, как ос к меду!

— У вас же одни парни собираются, — говорит.

А Нигмат обладаживает:

— Вот ты и будешь первой в нашем кишлаке комсомолкой.

— Боюсь, — сказала Айгуль. — Ой как страшно!

А сама небось земли под собой от счастья не чувствует!

Нет, решил окончательно Кадыркул. Не бывать этому. Счастливая мысль осенила его: надо выдать Айгуль не за своего кишлачного парня, а за кого-либо из ташкентских. Увезут ее в город, а Нигмат — ищи-свищи. И Кадыркул вознамерился в самую ближайшую пятницу отправиться в Ташкент на базар, а заодно повидать там нужных людей, но начался пост, и пришлось волей-неволей переждать.

А время шло, и любовь не давала Нигмату покоя. И было это чувство гораздо сильнее, чем предполагал Кадыркул, хотя он понимал, что не зря зачастил в его дом племянник и что не только родственная привязанность руководит им. Сидит, сидит допоздна да все через плечо Кадыркула в окно поглядывает: не покажется ли во дворе она. Не вытерпит, выйдет сам из комнаты, около тетушки Лазокат остановится, похвалы ей всякие говорит, как, мол, мастава ваша вкусно пахнет, только и у Лазокат рот на замке, твердо помнит мужнин наказ: об Айгуль — ни слова!

И вдруг посещения на время прекратились.

«Слава богу, — вздохнул с облегчением Кадыркул. — Парень упрям, но, зная, не так уж глуп, коли понял, что не для него, не для комсомола ихнего моя Айгуль».

На время он успокоился.

Нигмату хватало и дел и забот, но таких, что не тяготят, а окрыляют. Занят он был с рассвета дотемна и был счастлив.

Сельские партийцы — сухой, сутулый, с простреленной грудью Хабиб Аблаев да председатель сельсовета Ахад Койбакаров — поручили комсомольцам, чтобы те как наиболее сознательные разъясняли темному населению суть революционной борьбы пролетариата, призывали женщин к раскрепощению, привлекали людей к учебе.

А тут появилась главная для времени забота. Хабиб Аблаев прочитал в газете о том, что в начале марта луна закроеется тенью от земли. Он разумно рассудил, что лучшего случая для того, чтобы дать бой невежеству, не найти.

— Имам Руфатилла от досады сам себя казнит, как скорпион, — с удовольствием предсказывал Абласв и, дождавшись, пока уляжется постоянно терзавший его кашель, добавлял уверенно: — Поймет народ, даже самый темный, что сила и правда — за наукой, за большевиками.

Из усадьбы в усадьбу ходили ежедневно комсомольцы. Объясняли, что такое лунное затмение, звали людей на предстоящий митинг.

Речами кончалось не всегда. Люди, не понимавшие новых порядков, сбитые с толку врагами, пускали в ход кулаки, плети, а то и ножи. Жил Нигмат и его товарищи по ячейке среди опасностей и угроз. Но страшное дело: чем больше втайне и открыто злобствовали враги, тем больше крепло в парне бесстрашие, граничащее с бесшабашностью. Мрачнел только, если в подметных письмах упоминалась Айгуль.

Такая записка пришла снова. Вырванный из конторской книги клочок разграфленной бумаги Нигмат обнаружил в кармане своего халата.

«Забудь об Айгуль, голодранец, — было написано на этом клочке. — Ищи невесту среди своих бесстыжих шлюх-комсомолок, не то не сносить тебе башку».

Несколько событий предшествовало этому, и Нигмат, естественно, связал их с этой злобной угрозой. Измятый клочок, казалось ему, был обрызган бешеной слюной.

Сперва он был намерен попросить мать: пусть разузнает, как отнесется дядя к тому, что Нигмат попросит руки Айгуль. Но сразу же Нигмат пристыдил себя: «Комсомолец, а туда же: к старым обычаям. Да разве не свободны мы оба — и я, и Айгуль! Кто запретит нам, если мы любим друг друга, стать мужем и женой? Да никто на свете! Сама Советская власть за нас».

И он написал письмо:

«Любимая моя Айгуль!

Простите меня: наверное, не следовало бы в такое тревожное время, когда идет беспощадная борьба с лютыми врагами трудового народа, беспокоить вас этим письмом, но сил не хватает молчать. Я полюбил вас. Полюбил на всю жизнь. Это — веление сердца, а потому виноватым себя не считаю.

Многое хочу вам сказать, но слов не могу пайти, а потому кончаю тем же: я полюбил вас. Навеки.

С уважением, Нигмат».

Нигмат давно не был в доме у дяди Кадыркула, но сейчас он пошел туда: письмо надо было передать ей.

Айгуль подметала двор. Она не подняла глаз на парня. Он бросил письмо ей под ноги, но, едва Айгуль наклонилась, послышался голос Кадыркула: дядя спешил из сада навстречу племяннику.

Нигмат схватил письмо и спрятал на груди.

— Это что там у тебя такое? — спросил вместо приветствия Кадыркул.

— Да вот, справку уронил, — смешавшись, ответил Нигмат.

— Гляди, парень, — со значением произнес Кадыркул, — не бросай где не надо свои справки. — Он помолчал, внимательно осматривая Нигмата, и сказал: — Редким гостем стал ты в моем доме. Попросту не заходишь.

— Почему же? — Нигмат пожал плечами. — Я как раз без всякого дела. Проведать вас с тетушкой решил, — он повернулся и, как бы ненароком, посмотрел в глубь двора.

Айгуль исчезла.

— Садись, коли пришел, — пригласил дядюшка. — Пшалу-другую чаю выпьем, потолкуем о том о сем. — Беспокойство Нигмата, разумеется, не укрылось от него. «Опять за старое принялся», — Кадыркул вздохнул про себя. а вслух сказал: — Передай матери, пусть к нам заглянет, с хозяйкой моей побеседует. Большие заботы предстоят. Без женщин тут никак не обойтись.

Нигмат слушал, догадываясь и холодея.

— Да-а, — протянул Кадыркул, — и расходы тоже немалые у меня впереди. — Он долго рассказывал, какими путями намерен собрать весьма значительную сумму. Больше всего говорил о двух подросших за зиму жеребчиках, которых можно выгодно продать на конном базаре. — Никак ты уснул, Нигматджап? — воскликнул он недовольно. — Который раз спрашиваю тебя: поедешь с нами коней продавать?

— Поеду, — быстро ответил Нигмат, — то есть я хочу сказать, если буду в тот день свободен. Вы извините, дядюшка, я сейчас вспомнил: Хабиб-ака просил, чтоб я заглянул к нему нынче.

— Ну что ж, — не скрывая раздражения, сказал Кадыркул, — иди, коли твой сильный велел. Он же у тебя начальник, а я кто тебе? Дальний родич. Всего-навсего вскормил тебя. Даже воспитать и то как следует не сумел.

— Напрасно вы обижаетесь, дядюшка, — поспешно произнес Нигмат, он чувствовал, что говорит невпопад,

но ничего с собой поделывать не мог. — Я пойду. Будьте здоровы.

Как во сне побрел он прочь от усадьбы Кадыркула.

Но так уж устроена жизнь: неожиданно-негаданно счастье улыбнулось Нигмату.

Он, как обычно, засиделся допоздна в глиняной пристройке позади бывшего байского дома, в котором теперь помещался сельсовет. Пристройку парни слепили своими руками. Там собиралась комсомольская ячейка.

Нигмат сидел за столом, сколоченным из грубых досок.

На дворе темнело, и свет едва проникал сквозь маленькую оконницу, вмазанную прямо в стену.

Нигмат зажег светильник, плавающий в плошке с жиром.

Вдруг приоткрылась со скрипом и тут же снова хлопнулась дверь.

— Да входите же! — крикнул Нигмат, слыша, как кто-то в нерешительности топчется у входа. Дверь приоткрылась, и просунулась голова, закрытая чачваном.

— У вас дело ко мне, тетушка? — спросил Нигмат. — Пожалуйста!

Женщина вошла и замерла у стены. «Чего ей от меня понадобилось, этой старухе?» — подумал Нигмат, но, увидев край атласного платья, выглядывавший из-под паранджи, и новые лакированные кауши на ногах у гостьи, он понял, что ошибся, назвав ее тетушкой.

— Слушаю вас, сестра, — сказал Нигмат, стараясь, чтобы прозвучало это как можно вежливей.

— Я думала. . .

Нигмат вскочил. То был любимый, единственный на свете голос. Перед ним, закрывшись поношенным покрывалом, стояла сейчас та, что лишила его покоя.

— Вы ли это?

— Да, я.

Нигмат спохватился, заметив, что носится из угла в угол по тесной комнатушке. Он остановился в полушаге от Айгуль и тихо спросил:

— Снимите паранджу. Никого, кроме меня, здесь нет.

— Нельзя, — она помотала головой.

— Я же говорил: вы еще и на комсомольское собрание в парандже явитесь.

— Сейчас же не собрание.

Он почувствовал, что она улыбается.

— Садитесь, пожалуйста, — Нигмат подвинул ей скамеечку. Себе он взял колченогий стул и уселся напротив.

Айгуль подняла чачван. Нигмату показалось, что сумрачная комната озарилась светом. Он онемел и только смотрел, волнуясь все больше, на девушку. Она была смущена и тоже долго молчала.

— Тогда... Это было письмо? — спросила наконец Айгуль. — Мне?

— Да, — вздохнул с трудом Нигмат.

— Зачем же вы забрали его? Верните, коли оно для меня.

— Я порвал его, — сказал Нигмат, чувствуя, что у него пылают щеки.

— Зачем же?

— Я напишу другое.

— Новым шрифтом?

— Да.

— Я не умею читать по-новому.

— Потому я и советовал: поступайте в школу. Некоторые девушки уже учатся, — он посмотрел в глаза, которые могли бы сделать счастливым все будущее его, и растерялся еще более. Хорошо, что письмо не попало в руки Айгуль! Она к нему за помощью пришла, как к комсомольскому секретарю, ей хочется вырваться на волю из душного дома, а он будет ей о любви говорить. Будто воспользоваться ее доверчивостью намерен.

— Я хочу учиться, — тихо произнесла Айгуль. — И жить хочу по-новому. Только уговорите отца, чтобы не сердился. Обещаете?

— Придумаем что-нибудь, — неопределенно ответил Нигмат.

— Спасибо! — воскликнула Айгуль. — Большое спасибо!

— За что? Я же пока ничего для вас не сделал, а вы заслуживаете, чтобы ради вас весь мир, и землю, и звезды...

В стекло резко постучали.

Айгуль испуганно вскочила, накинула паранджу, не зная, как ей быть.

— Не бойтесь, — сказал Нигмат. Он прижался лбом к стеклу, но никого не разглядел на улице. — Пойдемте со мной, — Нигмат вывел за порог дрожащую от страха Айгуль.

Он шел следом за ней, пока она не приблизилась к усадьбе Кадыркула.

Айгуль не оглядывалась, но слышала его, и поступь ее становилась спокойнее. В нескольких шагах от калитки девушка приостановилась.

— Ждите, — тихо сказал Нигмат, — я дам вам знать о себе.

Он вернулся назад и сидел, склонившись над столом, почти до рассвета. Готовил доклад к завтрашнему собранию. Изю всех сил старался он отвлечься, но все же время от времени всплывало в его памяти нежное лицо Айгуль, а в ушах начинали звучать ее слова. То и дело поглядывал он на оконце.

На улице никого не было. Но Нигмат знал, что стук тот не померещился ни ему, ни его любимой.

Комсомольская ячейка собралась вечером, когда парни освободились от работы в поле. Пришел на собрание и Хабиб Аблаев. Видно, торопился и потому долго не мог отдышаться. Сидел в углу, опираясь на палку, ссутулившись. Едва Нигмат открыл собрание, Аблаев закашлялся с надрывом, не в силах остановиться. Нигмат умолк было, но Аблаев махнул рукой: «Продолжай».

Нигмат объявил повестку: вопрос о развитии мировой революции, а потом местные дела — агитпоход в горные кишлаки, военная подготовка, выпуск стенгазеты и плакатов.

— Какие мнения по повестке, товарищи? — спросил Нигмат, оглядывая собравшихся. Все — друзья, знакомые с детства: щупленький, с тонким девичьим лицом Саттар, задумчивый, большоголовый Абдували, Джамалетдин — широкоплечий красавец, сильный, уверенный в себе, Каххар, непоседливый, с трудом хранящий молчание. Он-то и поднял руку.

— У меня дополнение имеется, — сказал Каххар, — поставить вопрос о поведении в быту нашего секретаря товарища Нигмата.

Саттарджан и Абдували удивленно переглянулись. Красивое лицо Джамалетдина было по-прежнему неприкосновенно. А Нигмат покраснел на миг и растерялся.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, собравшись с духом. — Объясни.

Стало тихо. Только слышно было, как сипит простреленная грудь у Хабиба Аблаева.

— Я думаю, ты сам нам объяснишь, как понимаешь, что ты, наш вожак, собираешься породниться с Кадыр-

кулом? Он и без того свойственник тебе, а теперь ты хочешь его зятем стать. А Кадыркул, между прочим, с богатеями якшается, у имама нашего он — правая рука. Вся контрреволюция от Кадыркула идет. Вон в чайхане я ему вынужден был рот закрыть. Я по-научному объяснил, почему затмения происходят, а родич твой завел про грехи людские да божью кару.

Нигмат сжал зубы. Желваки вспухли на скулах.

— Кто за то, чтобы включить этот вопрос в повестьку? — спросил он, упершись взглядом в дверь. — Против нет? — сам он поднял руку первым.

— Давайте с этого и начнем! — выкрикнул Каххар. Казалось, прежде всего был он доволен тем, что все с ним согласилось.

Украдкой Нигмат взглянул на Аблаева. Хабиб сидел ссутулившись, опершись грудью на свою клюку.

— Вот пусть и доложит, в чем, он считает, виноват наш секретарь, — сказал Хабиб.

— Пожалуйста! — горячо воскликнул Каххар, сверкая желтоватыми зрачками, и начал: — В то время когда трудящиеся всего земного шара с великой надеждой обращают свои взоры к Советской стране, видя в ней достойный пример. . . — начал он, но Аблаев поднял ладонь, остановив его, и Каххар поспешно произнес: — Ладно, я покороче. Так вот, товарищи. Дело недопустимое. В кишлаке говорят о том, что комсомольский секретарь собирается породниться с классовыми врагами. — Каххар повернулся к Нигмату: — Перед нами такие огромные задачи, — произнес он с укоризной, — жизнь переворачиваем, как плугом землю. А ты — жениться. Да еще на ком? Ну скажите, ребята, если ему так уж не терпится, неужто не может он пайти девушку среди батрацких дочерей? А может, у них кожа не такая нежная и руки от работы грубы? А ему холеную пери подавай.

— Ну, это ты чересчур, парень, — произнес, не разжимая зубы, Нигмат.

— Прошу не перебивать! — вскрикнул Каххар. Жесткие волосы на его давно не стриженной голове стояли торчком, как иглы. — Отрекись от нее, от этой Айгуль, — сказал он. — Такое у нас, у твоих товарищей, требование.

— За всех не расписывайся, — Абдували поднял руку, заметив, что Каххар резко опустил на заскрипевший табурет. — Мне вот, например, непонятно, почему наш товарищ должен спрашивать у ячейки разрешения на то, чтобы влюбиться?

Саттарджан смущенно хихикнул, а Каххар вскочил, гроша свои иглы.

— Не просто товарищ, а секретарь! — воскликнул он. — Да и с рядового комсомольца тоже нелишнее спросить, кого он в наш круг привести собирается. Можем ли мы доверить той, с которой он голову на одну подушку кладет.

— Сядь, Каххар, — сказал Нигмат тихо, — ты возмущался, когда тебя прерывали. Дай высказаться товарищу.

— Извините, пожалуйста! — Каххар сел.

— Айгуль, как я понимаю, рвется из этого дома, в котором вынуждена жить, — продолжал Абдували. — Самато она из такой бедной семьи — бедней не придумаешь. И потом — Кадыркул. Да, религиозный, отсталый. Он один такой у нас, что ли? Вот, к примеру, Камал. Бан все жилы из него вымотали, а он за старые обычаи горой стоит. Да еще и грозился не раз: дескать, не сносить вам головы, комсомольцы. Но я о Кадыркуле хотел продолжить. Может, он и темный, но он добрый человек. Смотрите сами: Нигмата, его сестренку, их мать он и кормил и поил. Айгуль эта самая, если бы не Кадыркул, с голодухи померла бы, оставшись без отца и матери. А у Кадыркула она и сыта, и одета на зависть другим девушкам.

Каххар нетерпеливо ерзал на табурете, желая возразить, но видел слева от себя окаменевшее лицо Хабиба Аблаева и не решался вскочить.

— Люди не виноваты в том, что бан да муллы сотни лет головы им морочили, — рассудительно закончил Абдували. — И воспитывать нужно, как я понимаю, всех: и такого бедняка, как Камал, и такую девушку из зажиточного дома, как Айгуль.

Аблаев поменял местами затекшие ладони, сжимавшие клюку. Лицо его на короткое время просветлело.

— Интересно бы узнать, как другие товарищи думают, — произнес он, глядя внимательно на Джамалетдина. Но тот даже бровью не повел, а маленький Саттарджан зарделся и опустил глаза. Тогда Аблаев прямо предложил: — Скажи-ка и ты, Джамалетдин.

Парень с достоинством поднялся и обвел всех внимательным взглядом.

— Птенец делает то, чему его учат в гнезде, — сказал он коротко и сел.

— Ответь, Нигматджан, — Аблаев жестом показал совсем поникшему Нигмату: только не вешай голову!

— Она в комсомол вступить хочет, — сказал Нигмат, не решившись назвать Айгуль по имени. Он умолк, и потому Джамалетдин счел себя вправе заметить с места:

— Мы не должны принимать в свою организацию всех подряд. В комсомоле состоит только сознательная, преданная революции молодежь. — Голос его был все так же спокоен, тон — рассудителен, а красивое лицо — бесстрастно.

— Правильно, — Нигмат кивнул, согласившись с Джамалетдином. — Но вспомни-ка, — добавил он, воодушевляясь, — каким ты был сам всего три года назад? И не очень грамотным, и не шибко сознательным: не ты ли с комсомольским билетом в кармане на молебен к Хас-имаму ходил вместе с ишаном Руфатиллой и верующими? — Он посмотрел в упор на Джамалетдина и продолжал: — Понимаю: ты скажешь, что тебя заставили сопровождать большого деда, что не так это просто — отречься от нашего обычая помогать старикам, что ты уже понес наказание, что не о тебе сейчас речь. Да, все это так. Но я вспомнил о твоем проступке, Джамалетдин, не для того, чтобы упрекнуть тебя, а чтобы ты сравнил себя нынешнего с тем Джамалетдином, который пришел к нам в ячейку три года назад. Комсомол сделал тебя таким, каким ты стал сейчас. Ты научился читать, ты слушал умные, справедливые речи, ты был на курсах в Ташкенте. Чего же ты хочешь? Где найдем мы, тем паче среди девушек, таких сознательных, как ты теперь? Айгуль сердцем чувствует, что правда на нашей стороне, — Нигмат впервые произнес имя любимой, но это не смутило его: он понимал, что прав, и продолжал смело: — Я уверен, она будет настоящей комсомолкой.

— Вот тогда и женитесь себе на здоровье, — спокойно вставил Саттар.

Нигмат ответил раздраженно:

— Что вы все заладили: женитесь да женитесь. Я пока этого делать не собираюсь. Да и не только от меня это зависит. Что ж я, по-вашему, сватов зашлю да калым предложу дядюшке Кадыркулу?

Все молчали, и Нигмат закончил:

— Считаю, что надо перейти к другим вопросам, более важным, а что касается Айгуль, то с ней все конечно. — Он собрал всю волю в кулак и твердо произнес: —

Правы тут некоторые товарищи: революцию делаем. Врагов одолеть надо. Потом — все остальное.

В наступившей тишине прозвучал хрипловатый голос Хабиба Аблаева:

— А любовью заниматься, пока мы воюем, будут наши классовые враги? Мы будем сражаться, а они детишек делать. Сознательные трудящиеся без потомства останутся, а остальные пусть плодятся на здоровье.

Аблаев не скрывал насмешки.

Абдували, а вслед за ним Саттарджан громко расхохотались. Каххар тоже ухмыльнулся, а у Джамалетдина дрогнули губы.

Аблаев уже встал, худой, сутулый, опираясь на клюку.

— Нет, друзья мои, — сказал он, — так у нас дело не пойдет. Не прав ты, товарищ комсомольский секретарь, и недорого стоит твоя любовь, если ты сам от нее отказываешься.

Нигмат хотел возразить, но Аблаев сердито остановил его:

— Молчи! И слушай. Что значит, товарищи, новую жизнь построить? Это — чтоб люди новыми стали. Прежде всего — люди. Вот и рассуждай практически: пусть девушка, которую ты полюбил, встанет с тобой в один строй. Пусть дети, которые у вас родятся, продолжают ваше и наше общее дело. А потому я предлагаю, товарищи: поручить Нигмату вовлечь Айгуль в вашу ячейку. Она будет первой комсомолкой в нашем кишлаке. За Айгуль последуют другие! — Глаза Аблаева зажглись. — Многие девушки хотят жить по-новому, по-советски, да не решаются. Надо пример показать. И это сделает Айгуль!

Абдували и Саттарджан, довольные, вскочили и захолопали. Каххар и Джамалетдин поддержали их.

Аблаев по-доброму посмотрел на Нигмата.

— А она-то тебя любит? — спросил он. — Скажи нам, мы твои товарищи.

— Не знаю, — тихо сказал Нигмат, смутившись до слез.

— Ну, брат! — Аблаев растерянно развел руки в стороны. — Это что же получается: ветра нет, а листья шелестят?

— Не о том речь, — сказал Нигмат. Он вдруг обрел уверенность и твердость. — Оставим мои личные дела в покое. Решим так: обсуждался вопрос о вовлечении девушек в комсомол. Мне поручено провести разъяснитель-

ную работу с Айгуль. Задание комсомольской ячейки я выполняю. Обещаю вам, товарищи. А сейчас перейдем к другим нашим делам.

Каждый день надеялся Нигмат, что Айгуль придет в ячейку. Едва сгустились сумерки, он начинал волноваться, с тревогой и надеждой прислушивался к каждому шороху. Но она не появлялась.

Комсомольцы, особенно Каххар, уже напомнили Нигмату о поручении ячейки. «Что же ты ждешь? — упрекал Каххар. — Надо действовать».

Нигмата не надо было понукать. Что ни день, кружил он около дядюшкиной усадьбы, выбирал местечко поукромнее и следил оттуда: не мелькнет ли в саду ее платье? Не дождавшись, отчаявшись, он заходил открыто в дом, когда Кадыркула не было, но тетушка Лазокат была рабски предана мужу и поручение его — скрывать Айгуль — выполняла свято. Нигмат выпивал чайник чая, отвечал на подробные вопросы о жизни и здоровье матушки и удалялся ни с чем.

Все же выпал удачный день.

Цвела черешня. Луга покрылись густой травой. Воздух был напоен пьянящим запахом цветов, набухших почек, весенней свежестью.

Рано-рано примчалась с улицы Муборак с радостной вестью: у Кадыркула родился внук! Сестренка и мать начали живо обсуждать эту новость, хлопотать о подарках, а Нигмат смекнул, что дядюшка, не говоря уже о Лазокат-апа, ушли, наверное, к старшему сыну, поглядеть на его первенца — своего внука, и вернуться не скоро. Вероятнее всего, дома одна Айгуль: без присмотра дядюшка усадьбу не оставит.

Огородами, так, будто он не слышал восторженных восклицаний матери и сестренки и ни о чем не знает, Нигмат пробрался на улицу и вскоре был у дядюшкиной усадьбы. Во дворе, в кухне, в комнатах, как и предполагал Нигмат, никого не было. Тихо было и в саду. Только слышно, как тоненько звенит в арыке вода да гудят шмели в молочно-белых кронах цветущих деревьев. И вдруг сердце у Нигмата оборвалось: у дувала, прислонившись спиной к дереву, сидела Айгуль. Она красила брови усьмой. В руке Айгуль держала зеркальце, и Нигмат, спрятавшись за стволом, завороченно смотрел на отражавшееся в нем прелестное девичье лицо. Айгуль удовлетво-

ренно повела тонкими, изогнутыми, словно лук, бровями, приблизила зеркальце к глазам и начала умело подкрашивать ресницы. Охваченный юношеским пылом, Нигмат приблизился к ней сзади. Она заметила его отражение над водой и начала поспешно смывать краску. Отвернувшись, тщательно вытерла лицо платком, вымыла дно иньалы, на котором растирала усьму, подняла зеркальце, спрятала его в подол и затихла, не оборачиваясь.

— Здравствуйте, Айгуль, — преодолевая смущение, произнес Нигмат.

Девушка не ответила, не подняла головы. Пальцы ее проворно расплетали пушистый хвостик косички.

— Как же вы вошли? — произнесла она наконец. — Калитка заперта.

— Зато ворота открыты, — Нигмат постарался улыбнуться. — Хотя весь дом выноси.

— Это Мурад, наверное, оставил, когда уходил.

— А в казане машевый суп. Как вкусно пахнет!

— Вы голодны?

— Я уже отведал его, — сказал Нигмат, — сам, без разрешения. Может, нельзя было?

— На здоровье, — серьезно ответила Айгуль. — Вы же не чужой в этом доме.

— А для вас? — неожиданно вырвалось у Нигмата.

— Что для меня?

— Для вас я не чужой?

— Мы — родственники. Вам же это известно.

— Я о другом, Айгуль. Скажите, есть ли в вашей душе хоть маленькое место для меня? — Он даже показал на мизинце, какое место в душе Айгуль хотелось бы ему по крайности занять.

Она подняла порозовевшее от смущения и ставшее еще более прекрасным лицо. Нигмат увидел едва заметные следы, оставленные усьмой на густых бровях и длинных ресницах девушки. Они придавали ей еще большую нежность.

— Красиво как... цветет черешня, — с трудом вздохнул Нигмат.

— Да, красиво, — едва слышно откликнулась Айгуль и, будто в забытии, прикрыв глаза, продолжала:

Цветут деревья раннею порой,
Обманутые ветерком нездешним.
Будь осторожна, знай: любовь весной
Легка, непрочна, словно цвет черешни.

Теперь щеки Айгуль рубиново засветились. Она уставилась на воду, не в силах поднять взгляд на парня.

— Это вы сочинили? — тихо спросил Нигмат.

— Извините меня, — сказала Айгуль.

— За что? — горячо воскликнул Нигмат. — Я от дяди слышал когда-то, что вы сочиняете песни, но не думал, что они так прекрасны!

— Не говорите так! — попросила Айгуль, и голос ее задрожал. — Я уже пожалела, что у меня это вырвалось.

— Нет, не зря настаиваю я на том, что вам учиться надо. Вы поэтесса. Я... я горжусь тем, что живу рядом с вами, одним воздухом дышу.

Айгуль вскочила, взмахнула широкими рукавами и убежала.словно яркая птица — вспорхнула и улетела.

Нигмат отер лоб. «Что же я такое ей сказал?» Долго стоял он над арыком в задумчивости. Проще простого было разыскать Айгуль: спряталась в одной из комнат, а в доме, кроме нее, никого. Но он не посмел это сделать.

Он ушел и лишь по дороге спохватился, что так и не выполнил задание ячейки. Не узнал, решилась ли Айгуль вступить в комсомол. Но возвращаться в дом к Кадыркулу не было сил. А в ушах звучало: «...знай: любовь весной легка, непрочна, словно цвет черешни».

Что хотела она сказать этими стихами? Не поймешь. Но как радостно твердить их про себя! Они зовут ввысь, в синее небо, в котором весело плывут легкие облака!

Минуло лето и осень, и вот уже зима была на исходе. Но Нигмат не мог забыть об Айгуль. Он снова побывал в Ташкенте и, кажется, напал наконец на след любимой девушки. Их общая родственница, старуха, торгующая на Чор-Су деревянными гребнями, сказала Нигмату, что в прошлую среду к ней приходила Лазокат, — она приехала в город на базар. Вместе с Лазокат была какая-то женщина (старуха полагала, что это — бездетная тетка Кадыркула, которая живет вдвоем с мужем на Караташе) и еще — юная девушка.

— Ручка у нее такая нежная, такая тоненькая, — восторгалась старуха, — а голосок — что твой най¹!

Шел холодный дождь. По раскисшим улицам добрался Нигмат до Караташа. Махалля эта славилась в Ташкенте тем, что здесь селились самые набожные люди. Он

¹ Най — флейта.

не знал, разумеется, в каком именно доме живут одинокие родичи Кадыркула, и пытался расспросить о них в чайхане. Но сам чайханщик и посетители — все как на подбор с тщательно подстриженными бородами — отвечали ему скупое, словно бы нехотя, и он удалился ни с чем.

И вот прошла всего неделя — явилась записка, которую сунул матери незнакомый парень: «Голова твоя будет валяться на свалке...» Выходит, даже из Ташкента, с Караташа, дошла весть о том, что он вновь разыскивает Айгуль!

Новая догадка пришла на ум Нигмату, но показалась ему столь нелепой и дикой, что он прогнал ее, повторяя про себя: «Нет, нет! Уж если и она, Айгуль, лицемерит, краснеет при мне как маков цвет, а за спиной рассказывает кому-то, как ненавидит меня, как я ее преследую, — тогда жить не стоит. Нет, значит, на свете ни любви, ни правды». И он решительно произнес вслух:

— Нет, не может быть.

Но как же? Каким образом узнаёт его враг (один ли он, тот неведомый недруг?) о каждом шаге Нигмата? Может, ее заметил какой-либо парень и ревность не дает ему покоя, заставляет следить за Айгуль? Но в таком случае, как принято испокон веку, посылают сватов.

И тут Нигмата обожгла догадка. Каххар! Да, да... Одна подробность за другой всплывали в возбужденной памяти Нигмата.

Зимой, поздно вечером, Каххар пришел к Нигмату домой, долго не решался признаться, что за забота привела его в такой час, да еще в непогоду, но в конце концов попросил, чтобы Нигмат сходил с ним к дядюшке за конфетами. (Как только разрешили частную торговлю, Кадыркул немедленно открыл рядом с домом лавчонку.) Муборак по привычке всегда хранила в своем сундучке сласти, и Нигмат от души предложил Каххару пригоршню парварды и фунт халвы: зачем, дескать, в дождь и холод идти на другой конец кишлака, в лавчонку Кадыркула? Но Каххар был возбужден и настойчив, путано объяснил, что к ним нежданно нагрянули гости из горного селения, отец сейчас готовит для них плов, а ему, Каххару, велел раздобыть настоящих городских конфет и печенья и поэтому нужно, хочешь не хочешь, идти к Кадыркулу, а Каххар сам не решается беспокоить его в такую позднюю пору и поэтому просит Нигмата как товарища, чтобы тот пошел с ним и разбудил дядюшку. Все же на родственника Кадыркул, надо полагать, не так рассердится.

Под злыми, холодными струями дождя, оскальзывая на размокших глиняных тропинках, добрались они до усадьбы Кадыркула, и (Нигмат как чуял!) после долгого ожидания калитку отворила им Айгуль.

Как-то там все сложилось — подробности Нигмат теперь запомнил, — что, когда они прошли в глубь дома к дядюшке, Каххар какое-то время оставался наедине с Айгуль. Он даже поймал, возвращаясь, слова, с которыми Айгуль убежала от Каххара. «Вы так рассуждаете, потому что у вас у самого нет сестры», — сказала она тогда Каххару.

Нигмат это отчетливо вспомнил сейчас.

Значит, Каххар... То-то он так рьяно выступал на собрании! Весь кипел от негодования...

И тут же пришло на ум, что отец Каххара, нынешний председатель сельсовета Ахад Койбакаров, был когда-то вместе с другими мужчинами угнан басмачами из кишлака в горы. Вскоре он, правда, вернулся в кишлак, показал документы, подтверждающие, что он сбежал от басмачей, воевал на стороне красных и был ранен в бою. Левая рука у него действительно не сгибалась, и Каххар, когда вступал в комсомол, сказал на собрании, что отец его в последнем бою сражался один против трех басмачей и ушел от них раненый.

Когда Ахад Койбакаров уже был председателем бедняцкого союза кошчи — батраков, на него трижды покушались бандиты. Один из них, бывший стремянный басмаческого главаря, был задержан и показал на суде, что мстил Койбакарову за измену. В чем она состояла, бандит не объяснил, а только повторял о Койбакарове: «Он сам знает».

Так или иначе когда выбирали в сельсовет, дехкане рассудили, что тот, на чью жизнь покушаются басмачи, — трудовым людям друг. И Койбакаров был избран председателем сельсовета.

Не ошиблись ли люди? Проверял ли кто те бумаги Койбакарова? Или увидели фиолетовую печать и чью-то роспись зелеными чернилами — и все сомнения отпали? А вдруг Ахад Койбакаров и сынок его, Каххар, — враги? Только старший ловко скрывает свое истинное обличье, а младший, когда ревность взыграла, выдал себя?

Мысли эти казались Нигмату то едва ли не кощунственными, то неопровержимыми. Он совсем запутался в них и решил немедля идти к Хабибу Аблаеву и обо всем

рассказать ему. Кто-кто, а Хабиб-ака разберется и все поставит на места.

С тем Нигмат и вышел на улицу и встретил у чайханы широкоплечего, спокойного Джамалетдина.

Безотчетно Нигмат обрадовался. Джамалетдин в ответ сдержанно улыбнулся, а руку Нигмату сжал крепко, до боли. Они уселись на помосте, и чайханщик Тохта уважительно справился, чего желают джигиты.

За чаем Нигмат, сам не зная почему, вдруг рассказал Джамалетдину о своих заботах и сомнениях. Джамалетдин не перебивал, на мужественном лице его нельзя было прочесть большой заинтересованности, но, когда Нигмат кончил, Джамалетдин неторопливо произнес:

— Ты хорошо сделал, друг, что поделился со мной. Вдвоем легче решить, как действовать дальше.

— Пойдем вместе к Хабибу Аблаеву, — сказал Нигмат.

— Не лучше ли подождать с этим? — не сразу откликнулся Джамалетдин. — Суди сам: Хабиб у нас в кишлаке — первый человек. Можно ли приходить к нему с одними лишь подозрениями? Он нам скажет, займитесь этим сами, выясните, что удастся, а найдете доказательства, я доложу в район, и тогда делом Койбакаровых займутся власти.

Нигмат даже поежился.

— Странно ты выражаешься, друг: дело Койбакаровых.

— А что? — все так же спокойно возразил Джамалетдин. — Они оба, не стану скрывать, давно и у меня на примете. Помнишь, когда землю делили и кто-то предложил, чтобы имама Руфатиллу лишили надела, Ахад Койбакаров с этим не согласился. Ишан, мол, тоже член сельской общины, тоже на все имеет право. Какое такое право, спрашивается, когда ишану даже голосовать не разрешается? И участок ему выделили хороший, в низинке. А мы с отцом едва ли не на себе воду таскаем, чтобы наш огород полить.

Нигмат молчал. Он слушал Джамалетдина, который вдруг стал разговорчив.

— Помнишь, сколько спорили с Койбакаровым из-за сожженного байского дома: стоит ли его под школу переделывать? Койбакаров заладил тогда свое: надо какого-то решения в Ташкенте добиться и поставить школу новую. А где, спрашивается, ребятишки и ликбез занимались бы, пока он свои решения получил бы, пока строи-

тельство тянулось бы? По-прежнему в байской червопроводе, где два окошечка под самой крышей! — Джамалетдин доверительно наклонился к Нигмату и сказал тихо, чтобы не слышал чайханщик Тохта: — Ты о политической стороне подумай, товарищ секретарь. Старухи, если не забыл, над той нашей червопроводней издевались: скорее ослепнете, чем грамотными станете, говорили. Так или не так?

Джамалетдин, кажется, подтверждал его догадки, но на душе у Нигмата становилось все тяжелее.

— Что же делать, друг? — спросил Нигмат.

— Я думаю, тебе пока ничего предпринимать не следует, — не сразу ответил Джамалетдин. — Я сам послежу за ними и за усадьбой Кадыркула. Пойми: ты у них у всех на подозрении и можешь легко спугнуть воронье.

— Как ты о них нехорошо! — с болью произнес Нигмат.

— Э, друг! — Джамалетдин даже рукой взмахнул. — Мы не девочки.

— А если все это... все, о чем мы говорили, — неправда?

Джамалетдин приложил ладонь к широкой груди.

— Тот день, когда мы убедимся, что ошиблись, станет праздником для меня, — сказал он искренне.

— Для меня — тем более, — поддержал Нигмат.

Они, не сговариваясь, поднялись и крепко пожали друг другу руки.

Вскоре пришла Нигмату пора удивляться. Батрацкий сын Камал сам подошел к нему и спросил, много ли потребуется времени, чтобы выучиться читать и писать. Он объяснил при этом, что на станции сыскался зажиточный родственник, который открыл сапожную мастерскую и зовет его, Камала, в помощники.

— Ну, там за кожей съездить в Катта-Курган, в базарные дни торговать в кишлаках, — объяснял Камал, гордясь тем, что и он, на зависть иным, выбивается в люди. Но для этого надо, — он понял это, — выучиться грамоте, и как можно скорее.

Нигмат не стал спрашивать о молодой жене Камала. Тот сам сообщил нехотя, что решил и ее определить в школу для взрослых. «Но только чтоб мужиков близко не было! И так уж радуются иные вертихвостки, которым не учиться, а шашни хочется тайком от мужей водить».

Нигмат поначалу усомнился: для того ли Советская власть заботится о просвещении, чтоб торгашей плодить? — но он успокоился тем, что достаточно батраку и его жене попасть в нашу школу — и сами они быстро разберутся, где ложь, где правда.

Вскоре Камал и его молодая жена начали приходить на занятия. Она по-прежнему куталась в паранджу, и Камал не позволял ей даже чачван откинуть в присутствии мужчин. И все же Нигмат испытал прилив гордости, когда услышал, как имам Руфатилла честил Камала за вероотступничество. «Ум на большевистском базаре не купишь!» — зло выкрикнул имам, потрясая палкой, сжатой сухими пальцами. Дело происходило на пустынной улице, но из-за дувалов выглядывали дехкане, и это, кажется, еще пуще раззадоривало имама. Он умолк лишь тогда, когда заметил Нигмата.

— То, что вы делаете, почтенный, называется контрреволюцией, — сказал ему Нигмат.

— Я беседую со своим ближним о боге, — сухо возразил имам, глядя в сторону. — Бога нашего новая власть еще не отменила. Так, если не ошибаюсь?

— Пойдем, Камалджап, — сказал Нигмат, — есть разговор.

И бывший батрак оставил муллу и ушел с комсомольским секретарем!

Это была зримая победа. Мужские и женские голоса за дувалами зашептались, и Нигмат был уверен, что случай этот еще долго будет обсуждаться в кишлаке.

Исподволь начал он вновь возвращаться в разговорах с Камалом к тому, что жена его, Башарат, недавняя батрачка, должна открыться одной из первых, на митинге, который он, Нигмат, готовит по поручению партийной ячейки. Если Башарат подаст пример, жены и дочери бедняков одна за другой последуют за ней. «Луна откроется, и тут же костер запылает от чачванов», — говорил воодушевленно Нигмат.

Камал возражал, но уже не так яростно, как прежде. Теперь он делился сомнениями: а вдруг все остальные испугаются? Хорошо же будет Башарат, если откроется одна во всем поселке. . .

Нигмат успокаивал: есть еще одна девушка. Она не побоится, — а сам думал в тоске: «Где же она, эта самая девушка?»

Кадыркул осуществил угрозу — упрятал Айгуль в дом к ташкентским родичам-старикам надолго. А там выдаст

ее замуж, и прощай, любимая, навеки. Об этом в вечерний час, вызвав Нигмата на улицу, сообщил ему Джамалетдин.

— Я слежу за усадьбой Кадыркула тайком, — сказал он. — Айгуль не видно. По хозяйству возится одна Лазока. И еще. . . — Джамалетдин умолк в затруднении, потом произнес твердо, глядя в глаза Нигмату: — Мы мужчины. Не стану скрывать от тебя: мордатый парень с золотыми зубами вот уже неделю у Кадыркула гостит. Я узнал, что он приехал из города, привез с собой деньги и всякое добро. Похоже — калым.

Нигмат опустил голову.

Всю ночь сон так и не пришел к Нигмату. Едва рассвело, он побрел куда глаза глядят. Присел на помост в пустынной чайхане. Услужливый Тохта, вытирая пиалу полотенцем, сообщил, будто проходя:

— А о вас недавно дядя справлялся.

— Когда? — встрепенувшись, спросил Нигмат.

— Да вот на днях как-то. И вечером вчера — тоже.

— Что же он не прислал за мной? — растерянно произнес Нигмат.

— Не знаю, Нигмат, не знаю, — Тохта пожал покатыми плечами, а Нигмат спохватился: что это он советуется с чайханщиком — главным сплетником в кишлаке?

Дядя. . . Дядя Кадыркул. Признательность всегда жила в сердце Нигмата, хотя любви к дяде не было, наверное, никогда. Кадыркул всю свою жизнь торгашествовал. Мотался по городам, по базарам, прекрасно знал, где и когда следует покупать ткани, где — посуду, где — домашнюю утварь, как все это выгодно перепродать. Добра он нажил немало. Дом построил себе лучший в кишлаке, большой, светлый, роскошный. И скот у Кадыркула всегда был самый сытый, и деревья в обширном саду сгребались под тяжестью плодов.

А брат его родной, отец Нигмата, Досткул, все свои годы провозился на небогатом участке, на котором один, без помощников, выращивал то хлопок, то овощи. Трудился от темна до темна, рук не покладая, а выбиться из нужды все не мог.

Советская власть освободила Досткула от долгов, под грузом которых его спина до поры согнулась и здоровье надорвалось.

Только начали было жить по-хорошему, только-только перестала Норхон-апа ломать по утрам голову, чем на-

кормить нынче семью, — Досткул скоропостижно скончался. Умер, не выпуская кетменя из рук.

На похоронах брата Кадыркул был важен, чопорен и повторял во всеуслышание, что семья брата — его родная семья, его забота. Назавтра прислал днем — чтоб все видели — арбу с шестью мешками риса и муки, с двумя кувшинами масла. К задку арбы была привязана пара овец.

В прежние времена, когда семья брата ложилась спать, сотворив вместо ужина молитву, Кадыркул и не вспоминал о ней. А вот теперь, при Советах, вдруг обуяла его заботливость.

Мать была убита горем, а Нигмат в ту пору, когда умер отец, был мальчишкой и не посмел возражать взрослым, когда они сгружали и вносили во двор присланные Кадыркулом мешки, но все в нем восставало против этой неожиданной и непрошенной милости.

— Отдайте ему все обратно, мама, — сказал Нигмат, когда Норхон-апа не скоро пришла в себя.

— А сами голодать будем? — спросила она.

— Да! — упрямо выкрикнул Нигмат. — Лучше голодными, лучше как угодно... — Он подумал и добавил: — Новая власть нас не оставит.

Сквозь слезы Норхон-апа долго смотрела на сына, упрямо сдвинувшего к широкой переносице густые брови.

— Ты становишься взрослым, душа моя, — произнесла она тихо. — Будем считать, что за нами долг. Постараемся быстрее вернуть его твоему дяде.

А Кадыркул совсем переменился к ним. Прежде он брата своего, Досткула, в дом к себе никогда не приглашал, даже в гости не звал, когда устраивал пиршество. Тут же, что ни день, начал он присылать за Нигматом. Сперва попросит по хозяйству помочь, так, мелочь какую-нибудь, а потом зовет к чаю, к угощению.

Как-то, когда остались вдвоем после вкусного плова, сказал, словно невзначай:

— Говорят, ты в эти, как бишь их, — в «комсомолы» записался?

Нигмат перестал улыбаться. Обстоятельно рассказал дяде, что есть комсомол и почему жизни не жаль за ленинскую программу трудящейся молодежи.

Дядя слушал, отрывивая луком, согласно кивал длинным лицом.

— Мировая революция — хорошо, — произнес в раздумье, — но и о себе забывать не след. Ой, не след, сы-

нок! — он похлопал Нигмата по спине. — Занозу в твоей пятке даже лучший друг не почувствует.

Нигмат нахмурился, стал с того дня бывать у Кадыркула реже. Отказывался от приглашений.

Вскоре после этого начали делить землю, и племянник впервые грудью с грудью столкнулся с дядей. Кадыркул уперся как бык:

— Мою землю трогать не позволю.

— Какая она ваша? — сказали ему. — Теперь вся земля общая.

— Моя! — и свирепый взгляд исподлобья.

Тогда вмешался Нигмат. Он входил в комиссию от молодежи.

— Вам оставят то, что положено, — сказал он дяде, — но поймите: закон для всех одинаков — на лишнюю землю никто не имеет права.

— Лишняя у того, кто на боку в рабочую пору валяется, — возразил, сопя, Кадыркул, — а у меня каждая пядь вспахана и потом полита.

— Батрацким потом, — не выдержав, напомнил Нигмат, — а Советская власть сделала и батрака хозяином.

Кадыркул затрясся, закричал страшно, ища поддержки у окружающих и указывая на Нигмата:

— Где мне спрятаться от беды, мусульмане, коли я сам ее накликать? Сам змея вскормил!

Люди молчали, отводя глаза. И Кадыркул побрел во свояси, не оглянувшись ни разу.

«Все», — решил Нигмат, но минул какой-то срок, дядя прислал за ним Мурада, своего младшего сына. Нигмат отказался идти, отыскал какой-то предлог, тогда дядя пришел сам, посидел, выпил чаю и потом все-таки увел Нигмата к себе, угостил хорошо и даже шутил, хотя, когда выходил во двор, оставив Нигмата в комнате, мрачнел, и даже стонал, и плевал себе под ноги...

«Что ж он теперь разыскивает меня?» — думал Нигмат, рассеянно наблюдая за тем, как рыхлый Тохта возится с чайниками.

— Дядя велел передать мне на словах что-нибудь? — спросил он.

Тохта смутился, суетливо забегал вокруг Нигмата.

— Не помню, — повторял он, — аллах свидетель, не помню. Да, может, и не о вас, джигит вы мой хороший, спрашивал Кадыркул? Башка-то у меня пустая! — он постучал себя по лбу костяшками пальцев, явно сожалел

о том, что проговорился, и вдруг закричал: — Да нет же! Он про Мамата спрашивал. Про Мамата, который табаком торгует, а я сдуру перепутал: Мамат — Нигмат... Ну да! — Тохта словно прозрел и закончил обрадованно: — Спросил Кадыркул: что-то Мамата не видно. Мамата! Хромого. Не уехал ли в город Мамат, говорит. Насвай, мол, купить хочу. — Он еще пуще засуетился. — Чайку свеженького принести вам, джигит?

Нигмат поднялся и ушел в задумчивости, хотя Тохта кричал еще вслед все о том же: о хромом Мамате, который продает насвай.

Он понял, что Кадыркул встревожен. Испугался, не отправился ли снова Нигмат в Ташкент. Дяде хорошо было известно, что племянник его бывает принят в самом Центральном Комитете, присутствовал на больших съездах. А что, как пожалуется вдруг Нигмат городскому начальству на Кадыркула? Грехов-то за дядей немало: приторговывает чем попало, с баем местным, Закиром, с имамом Руфатиллой дружбу водит, а сейчас отправил Айгуль в чужой дом, а она — свояченица его — по новым законам, всем хорошо известно, сама вольна распорядиться собой. Да бог уж с ними, с грехами этими; достаточно жалобы, а обратят власти внимание на Кадыркула — к чему придраться найдут...

Может, рассуждая так, и всполошился Кадыркул, тем паче что Нигмат весь вчерашний день не показывался на улице.

«А что, если и впрямь поехать в город, в Центральный Комитет, рассказать обо всем? — подумал Нигмат. И тут же трезвый голос, очень похожий на голос Джамалетдина, остановил его: — О чем обо всем? О том, что до сих пор в собственной небольшой ячейке не разобрался: кто друг, а кто враг? О том, что партийное задание не выполнил? В других кишлаках все женщины паранджи свои давно сожгли дотла, а тут девушек в комсомол привлечь не можем. Начал агитировать одну, да и то, стыдно признаться, влюбился в нее, а она исчезла из кишлака. Вот и пойми, из-за чего тоскует теперь секретарь ячейки...»

Нет, Джамалетдин прав. Нужны доказательства. Как говорил в докладе один городской товарищ в военной гимнастерке — «факты нужны». Нигмату тогда очень понравилось это короткое и сильное, будто удар кулака о трибуну, слово: факты.

Он вернулся домой и крикнул сестренку. Муборак явилась неохотно — брат оторвал ее от важного занятия: она только что начала было, тайком от матери, заплетать волосы в две тугие косы вместо множества своих девчачьих тоненьких косичек.

— Сходи к Джамалетдину, — велел ей Нигмат, — кликни его. Скажи, я зову.

Муборак надула губы.

— Очень мне надо звать какого-то глупого Джамалетдина, — сказала она, потупясь.

Нигмат слишком был занят своими мыслями и потому только рассердился:

— Тебе что велено? Иди!

Она резко повернулась, фыркнула, но пошла к калитке.

— Мать где? — крикнул он вслед.

Муборак ответила, не оборачиваясь:

— Почем я знаю? К тетушке Лазокат, наверное, ушла. С утра собиралась, когда вы еще спали.

— Вот как! — Нигмат воскликнул так громко, что сестра остановилась, посмотрела на него удивленными большими глазами. Она уже успела накинуть на голову большой платок, под которым упрятала свои распущенные волосы.

— А что? Тетушка сказала, ей помочь по хозяйству надо. Сама не управится.

— Обо мне не спрашивала? — глухо спросил Нигмат.

— Что? Нет. Хотя погодите! Спросила! — Муборак обрадовалась, что вспомнила. — «Не уехал ли Нигматджан ваш в город? — так она говорила. — А то что-то не видно его», — сказала.

— А мама ей что в ответ? — Нигмат посуровел. Догадки его, кажется, оправдывались.

— Прихворнул он, сказала, а тетушка говорит: «Дал бы бог, чтоб поправился поскорее. Он хозяину нашему очень, очень понадобится вскорости».

— Зачем, не знаешь? — Нигмат старался, чтоб голос звучал теплее, но сестренка только наморщила носик и сказала в ответ, подумав для виду:

— Нет. Об этом тетушка Лазокат не говорила. Увела с собой маму, и все.

Нигмат задумался и не сразу обратил внимание на то, что Муборак теребит его за плечо.

— Вы и вправду нездоровы, брат? — спрашивала девочка обеспокоенно. — Вы не слышите меня, а я повто-

ряю в который раз: идти мне за этим, за вашим. . . приятелем или нет?

— А? — растерянно произнес Нигмат и наконец понял. — Да, да! Иди. И передай, чтоб поторопился.

— Вот еще, стану я с ним разговаривать! — с деланным равнодушием воскликнула Муборак.

Вернулась она не скоро, была взволнована и коротко сообщила, что Джамалетдин не придет. Необычная серьезность нашла на девочку. Нигмат так и не смог попытаться, видела ли она Джамалетдина. «Я же вам говорю, не придет он, а больше ничего не знаю», — отвечала Муборак, и тогда, потеряв терпение, Нигмат хорошенько потряс ее.

Она разрыдалась. Худенькие плечи ее вздрагивали.

— Не спрашивайте о нем! — закричала она. — Не хочу о нем слышать!

— Ты что, сестричка? — испуганно спросил Нигмат. «Неужели? . . .» — подумал он, но сомнений не оставалось: Муборак, которую он все еще считал ребенком, оказывается, тоже влюбилась!

Он дождался все же, пока она немного успокоилась, и сказал, погладив ее по растрепанным волосам:

— Не надо, не плачь. Я сам к нему пойду.

— Как хотите, — сказала Муборак, шмыгнув носом. — Только вы его не найдете. Уезжает он. Уезжает далеко, далеко-о. . . — и она опять зарыдала.

Теперь Нигмат рассердился:

— Желторота еще, а гляди, туда же! Чтоб не смела ни о чем таком думать! Слышишь?

— А я. . . Я — ни о чем. . . Откуда вы взяли?

Голос ее прерывался.

— Сам пойду, узнаю, в какую преисподнюю провалился твой Джамалетдин. Тьфу! — Нигмат даже ругнулся про себя и поправился: — Мой, мой Джамалетдин. Успокойся только.

Она вскочила и встала у него на пути.

— Не надо, братец мой дорогой, родной, любимый! Не ходите.

— Ты скажешь, в чем дело? — спросил Нигмат, уже не сердясь, а тревожась.

— У него там. . . У него человек. Из города. Нехороший.

— Что за человек?

— С золотыми зубами. Злой.

— Почему ты знаешь, что он злой?

— Ругался. Я уши заткнула, стыдно стало.

— Кого ругал?

— Вас. Я слышала. И Джамалетдина тоже. За что, не поняла. Грозил ему. «У меня нож не ржавеет», — сказал. Джамалетдин молчал долго. Я уже убежать собралась, а Джамалетдин тогда и говорит: «Куда же мне деваться после?» А этот, с золотыми зубами, отвечает: «В город. Там обе свадьбы и сыграем. Забудем про все. Пир закатим такой — весь Ташкент удивится».

— А чьи свадьбы, не знаешь? — он с огромным трудом заставил себя произнести этот вопрос.

Муборак зарыдала еще пуще, и Нигмат понял, что сейчас не добьется от нее толку.

— Я все-таки пойду, — сказал он. — Ты не беспокойся за меня и никому ни о чем не говори. Хорошо? — Он погладил Муборак по голове, как маленькую, и она прильнула к нему по-детски.

— Не хочу, — сказала она. — Зачем приехал этот противный с золотыми зубами! Пусть убирается прочь!

— Уберется, — пообещал Нигмат.

Выходя, он еще раз напомнил:

— Молчи обо всем. Это тебе комсомольское поручение. Мы же тебя хотим в ячейку принять. Вот подрасти только, — он улыбнулся сестренке, но ответный взгляд ее был беспокоен.

«Значит, и Джамалетдину грозят, как и мне, — думал Нигмат, шагая по дороге, которую уже успели утоптать после недавнего дождя. — Что ж он никогда не рассказывает об этом? Друг называется! А может, он просто более мужественный человек?»

Нигмат был готов ко всему. К тому, что, возможно, придется вступить в схватку с тем золотозубым, у которого «нож не ржавеет».

В саду у Джамалетдина, где деревья росли негусто — большая часть земли была отведена под овощи, — не было, однако, никого видно и слышно. Нигмат долго звал, пока наконец откликнулась древняя бабка. Она едва выползла, опираясь на палку, из дому и невнятно прошамкала, что Джамалетдин, дескать, ушел с приятелем гулять. О чем, мол, еще заботиться, коль молод и здоров, как жеребенок. Куда они отправились, бабка, конечно, толком сказать не могла, но упомянула все же неодобрительно, что Джамалетдин захватил с собой курильницу, а курильница эта — все хорошо знают! — при-

надлежит ей, бабке, она ее с собой из материнского дома принесла, когда замуж взяли.

Сообразить было нетрудно: курильница понадобилась для опия — анаши, а им в кишлаке торговал, невзирая на всю свою богобоязненность, только один Кадыркул... Что ж это получается: после ссоры, когда дело едва до поножовщины не дошло, Джамалетдин, комсомолец, друг, решил курнуть зелья с каким-то мордатым проходимцем? Нигмат еще не видел этого приезжего парня, но достаточно было того, о чем рассказала Муборак, чтобы проникнуться неприязнью к золотозубому. Так неужто Джамалетдин испугался и струсил? Надо разыскать, немедля разыскать Джамалетдина, узнать, что от него требовал золотозубый, куда звал с собой, на какое пиршество, на какие свадьбы намекал! Об одной Нигмат догадывался, хотя и гнал от себя страшную мысль, а вот на ком собирается жениться Джамалетдин!

Ноги несли Нигмата знакомым путем. Он уже вышел на тропу, которая вела через вспаханное поле в саду Кадыркула, когда явственно расслышал, как кто-то за спиной у него спросил:

— Это и есть тот самый человек?

И голос Джамалетдина ответил:

— Да, он. — И тут же Джамалетдин крикнул: — Эй, дружище, иди-ка к нам!

Они сидели в разваленной лачуге, среди поля, в которой когда-то жил байский сторож.

Бабкина медная курильница, покрывшаяся зеленой окисью, стояла между ними. Парень со смуглым и далеко не безобразным, но неприятно лоснящимся лицом только что вынул изо рта мундштук, который сжимал золотыми зубами, и подал его Джамалетдину. Тот курнул раз-другой и поднялся навстречу Нигмату. Обнял его, прижал к широкой груди и вперемежку со словами обычного приветствия шепнул:

— Я другом прикинулся. И ты то же самое сделай.

Нигмат довольно откровенно выразил неприязнь, и тогда Джамалетдин, сделав вид, что уже совсем одурел от опия, стиснул его до хруста в костях и шепнул:

— Так надо! — И тут же закричал, пошатываясь: — Эй, Аскар-палван! Дарю тебе нового брата. Зовут его Нигматджан. Он мне милей и ближе родного. И тебе таким, даст бог, станет.

Много лет знал Нигмат Джамалетдина, но впервые увидел его возбужденным и болтливым.

Аскар-палван встал и оказался впрямь богатырем: высокий, длиннорукий. Дорогому халату было тесно на его до поры располневшем теле.

— Милости просим, — произнес он с поклоном и добавил со значением, смысл которого Нигмату остался неясен: — На путях, предначертанных аллахом, сходятся, чтобы не расставаться. Я слышал о вас от старшего друга и наставника своего, от почтенного Кадыркула. Знаю, что вы близким родственником приходитеесь ему. Садитесь, садитесь.

От кальяна Нигмат решительно отказался, невзирая на то что Джамалетдин красноречиво показывал ему: курни, мол, не затягиваясь, а Аскар-палван едва не всовывал мундштук в губы ему и орал, что нужно быть мужчиной. Сам приезжий жадно втягивал в себя дурмящий дым, так что вода в бабкином сосуде неистовствовала, булькая и ударяясь о медные стенки.

Как-то мгновенно огромный Аскар-палван впал в забытье. Губы его распустились, мундштук свис. Он прикнулся погруженным телом к глинобитной сырой стене и вскоре могуче захрапел. Тогда Джамалетдин кивнул: выйдем!

— Чего он хочет от тебя? — спросил Нигмат.

Вместо ответа Джамалетдин выхватил из-под рубахи нож и произнес решительно и сдержанно, как говорил всегда:

— Сейчас самое время прикончить его. Вдвоем сумеем уволочь подальше. Мне одному не поднять было, не то бы я сразу. . .

— Постой! — остановил его Нигмат. — Ты хоть скажи толком, кто он такой, а то потерял небось голову сам.

— Не бойся, я в своем уме, — возразил Джамалетдин. Глаза у него и впрямь были трезвы. — Это — жених для Айгуль.

— Тот самый, что у Кадыркула гостил? — только и произнес Нигмат.

— Да, — жестко подтвердил Джамалетдин.

— Что же, — тихо произнес Нигмат, помолчав, — благодарю тебя, друг, но стоит ли марать руки? Одного жениха уберем, Кадыркул живо другого сыщет. Да и права мы не имеем убивать человека за это. . . За то, что жениться хочет.

Джамалетдин заглянул внутрь лачуги — убедился,

что Аскар-палван храпит по-прежнему, и сказал, положив руку на плечо Нигмату:

— Ты благородный человек, дружище. Всегда думаешь: есть право, нет права. Что до меня, я воткнул бы нож в его брюхо только за то, что он у друга невесту отнимает. Он — враг, — произнес сквозь зубы Джамалетдин. — Убьем, одной гадиной меньше станет. Ты думаешь, он только затем приехал, чтобы жениться?

Нигмат напрягся: расскажет ли Джамалетдин о том, что передала Муборак? Неужто скроет? Он побледнел, и Джамалетдин заметил это.

— Ты что, Нигматджан? — Джамалетдин кивнул на дверь, из-за которой доносился богатырский храп. — Впервые мы с тобой врага перед собой видим, что ли? У тебя револьвер при себе? — Он вдруг смолк, насторожившись.

На пороге показался Аскар-палван. Он низко нагнул голову, чтобы выйти во двор, потянулся, внимательно глядя на парней покрасневшими глазами.

— Ну? — спросил он спокойным голосом. — До чего договорились, друзья мои?

Джамалетдин вздрогнул.

— Мешать вам не хотели, — сказал Нигмат, глядя прямо в переносицу Аскар-палвану. — Больно сладко уснули вы.

— Похвально, — откликнулся Аскар-палван. — Только земной сон — не навеки. — Он обратился к Джамалетдину: — Забирай свою кадильницу, и пойдем. Нам некогда. А с вами, дорогой, мы скоро встретимся. Сердце не обманывает меня. — Он приложил толстую ладонь к атласному халату.

Они пошли. Джамалетдин покорно брел за Аскар-палваном, но неожиданно остановился, что-то сказал ему и вернулся к Нигмату.

— Жди меня дома. Вечером пойдем к Хабибу Аблаеву. Дело есть, — он говорил громко, а добавил быстрым шепотом: — Как стемнеет, залезь в огород к Кадыркулу. Увидишь кое-что. Только спрячься! — И крикнул на ходу: — Понял?

— Конечно, — поддержал игру его Нигмат, — Аблаев будет у себя. Я позабочусь.

Когда он оглянулся, то увидел, что Аскар-палван смотрит на него, скрестив тяжелые руки на груди и усмехаясь.

Из тетради Айгуль:

«Весна. Волшебная весна...»

Как я люблю цветы! Сестра журит меня: «Из-за цветов ты с ума сойдешь». Пусть так! Все равно я счастлива, когда цветут старые урючины, когда яблони словно окутаны розовым туманом. Я завидую соловью. Как легко льются его песни!

Нет доли горше сиротской. Тяжело и грубо каждое слово, которое произносит Кадыркул-ака, муж моей старшей сестры. Бедной моей Лазокат-апа тоже нелегко. Она любит меня, но не смеет глаз поднять на мужа. А он снова пригласил сегодня этого подлеца. Имя его рука отказывается выводить. Я спряталась, только бы он не видел меня. Сестра вошла ко мне с большим куском ханатласа. То был его подарок, будь он проклят с ним! Она, простая душа, обрадовалась. Мне же прикоснуться к этой ткани было противно. Сестра поняла, ушла тихо, но вскоре ворвался — дверь едва с петель не слетела — Кадыркул-ака. Изругал меня на чем свет стоит. Язык не повернется повторить. Ткнул ханатлас мне в самое лицо и закричал страшно:

— На свадьбу ли, в могилу ли, но наденешь! Поняла?

Я проплакала, пока не стемнело. Выглянула на улицу — сердце мне покоя не давало, — и показалось: ОН стоит вдалеке и смотрит, смотрит... Мой Нигмат-ака! Свет мой, жизнь моя... Тяжесть на сердце становится невыносимой, когда я не вижу его, пусть хоть издали.

Теперь он не заходит. Сестрин муж волком глядит на него. Я знаю почему, и потому Нигмат-ака мне еще дороже.

Мы с сестрой лушили кукурузу, и тут вошел этот гнусный жених.

Лазокат-апа вышла, сказала, что ворота затворить надо, а он долго пялил на меня глазищи. Я молчала. Страшно мне было до ужаса. Вот-вот умру. А он засопел и говорит: «Взгляни-ка на меня».

Я еще ниже голову опустила. Тогда он сказал: «Знай, как вести себя, не то живо носом в землю утку. И тебя, и Нигмата твоего».

И вышел, только дверь задребезжала.

Весь день я места себе не находила. Ночью страшные сны мучили. Пусть я погибну, если судьба моя такая несчастная. Но как мне страшно за Нигмата. Наверное, надо рассказать ему обо всем, открыть ему глаза...

Нет рядом моего Нигмата, а я все равно его вижу. Брови у него как бархатные. А как идут ему усы! Неужто он и вправду любит меня? Боюсь верить в такое счастье и еще больше волнуюсь за него. Сколько у него врагов. Но зато и друзей у Нигмата-ака немало. Бедняки любят его. Он всегда защищает их. У него огонь в груди и огонь в глазах, когда он говорит о революции, о свободе для всех, о равенстве для женщин.

Я думала, думала и решила: буду тоже смелой, как Нигмат-ака. Уйду из этого душного дома. Вступлю в комсомол, стану учиться в советской школе. Пусть грозят недруги! Правильно говорит Нигмат: они от бессилия своего лают!

Слезами горячими окропила я эту страницу, прежде чем смогла написать хоть одно слово.

Как Кадыркул-ака узнал о том, что я ходила в ячейку и виделась с Нигматом, — ума не приложу! Было темно. Никто на дороге не попался навстречу мне, но, едва я вернулась, сестрин муж накинулся на меня с кулаками. Бедная Лазокат-апа пыталась защитить меня, но он ее отшвырнул сапогом, словно кошку, и бросился ко мне. Чудом удалось мне выскользнуть из его рук, но он настиг меня снова, повалил на пол, заломил руки за спину и связал их ремнем. Я выбилась из сил, сопротивляясь. Онемела от крика...

В себя я пришла в незнакомом доме. Старуха какая-то сидела в углу темной комнаты и смотрела на меня.

— Проснулась, птичка, — сказала она по-доброму. — Ну и хвала аллаху. Зови меня бабушкой. Кадыркулу я — родная тетя.

— Зачем меня привезли сюда?

— Жить у нас будешь, — сказала старуха. — Жить. Разве это плохо? Вот сейчас приготовим машхурду с каймаком. Поедим. Чаю поьем. Потом вышивать станем. Я все умею делать и тебя научу. Даже ковры ткать, —

голос ее звучал все так же по-хорошему, но когда я вышла во двор, то увидела, что калитка заперта изнутри. Большой замок висел на ней. И я поняла, что Кадыркулака упрятал меня в тюрьму.

Слова любви, слова признанья, —
Для меня ль ны теперь?
Солнца луч, луны сиянье
Пробьются ли ко мне сквозь дверь?
Стиснуто сердце, удел мой в неволе
Тяжкой участи ждать и страдать.
Мир исчез. Ничего, ничего, кроме боли,
А ее — ни прогнать, ни унять.

Как я жалею о том, что не сказала Нигмату-ака о главном, с чем шла в тот вечер в ячейку! Испугалась стука в окно, а потом пощадила сердце любимого. Если бы он знал...»

* * *

Джамалетдин ожидал его около старой ветлы над Зах-арыком.

— Пошли, — торопливо бросил он.

Ранние сумерки сгустились. Никем не замеченные, парни быстро перемахнули через дувал, оказались в огороде у Кадыркула, а оттуда, через хлев, проникли под окна мехмонханы и притаились.

Потревоженные ими коровы забеспокоились, топчась и мыча. Из глубины усадьбы появилась тетушка Лазокат. Она заглянула в хлев и вскоре пошла мимо, разговаривая сама с собой:

— Кошки повадились лазить. В стене — дыра, а хозяину и дела нет. Знай, что ни вечер, потчует дружков своих. Сейча-ас! — прокричала она. — Иду, иду.

Это на айван вышел Кадыркул и зычно позвал:

— Эй, куда ты там запропастилась? Плов небось уже дошел. Тащи блюда скорей!

— Разговор начнут, когда наедятся, — шепнул Джамалетдин.

Нигмату и самому это было известно. Он только сжал ладонь Джамалетдина, чтобы тот молчал, а сам осторожно заглядывал в окно, замечая, кто там сидит нынче у дядюшки Кадыркула. Лица были знакомы и равно неприятны: на самом почетном месте, опираясь на подушки, восседал Закирбай. По правую руку от него —

мам Руфатилла. У ног его полулежал, облокотясь на сильную руку, Аскар-палван. Четвертый гость сидел спиной к окну, и Нигмат никак не мог узнать его.

— Вроде бы нездешний, — произнес он тихо, и Джамалетдин еще тише откликнулся:

— Погоди, еще увидишь, кто это. Только не вопи от удивления. Ради него-то я и позвал тебя сюда пынче.

В дверях показался Кадыркул с большим блюдом. Над горкой плова витал парок. Гость переместился, чтобы освободить Кадыркулу дорогу к столу, неловко двинул свисающей, словно плеть, левой рукой, и тут Нигмат и впрямь едва не вскрикнул: то был Ахад Койбакаров, председатель сельсовета, отец комсомольца Каххара, члена их ячейки, который всегда первый бил себя в грудь, клянясь в верности делу трудящихся, кипел от негодования, когда упоминали о Закирбае или имаме, кричал, что их засудить и выслать надо! Его отец присел сейчас к блюду и произнес какую-то поправившуюся всем фразу: услышав ее, гости и хозяин оживились, заулыбались.

Все придвинулись ближе к столу, с удовольствием занялись трапезой.

Нигмат опустил голову.

— Погоди, — прошептал ему в ухо Джамалетдин, — ты еще речи их услышишь. — Он вытащил нож, вставил лезвие под оконницу, приподнял ее и осторожно потянул на себя. Раздался скрип, и Койбакаров оглянулся.

— Сидите, дорогой, — успокоил его Кадыркул. Он поднялся, шагнул к окну и сам приоткрыл его еще шире. — Запах плова должен и соседей радовать, — пошутил он, и все одобрительно загудели.

Теперь было слышно, как чавкает Закирбай, как чмокает, облизывая пальцы, Руфатилла.

У Нигмата затекли ноги. Он приподнялся и задел локтем глиняный сосуд, который свисал с крыши. Сосуд стукнулся о стену, и в тот же миг в том краю двора, где находился очаг, пронзительно заголосила Лазокат-апа:

— Ой, хозяин! Во дворе кто-то есть!

Кадыркул вскочил и прикрикнул на нее:

— Что вопишь? Тихо чтоб было! — Он вернулся к гостям и сказал: — Баба у меня совсем пугливая стала.

— Свободы боится, — громко произнес Закирбай, и все захохотали, и Койбакаров, кажется, тоже поддержал их смущенным хохотом.

Нигмат сжал под халатом рукоятку револьвера. Он готов был сейчас же прострелить насквозь голову Койбакарову, а потом разыскать и прибить, как последнего пса, его сыночка, лживого Каххара. (Выходит, вовсе не золотозубый Аскар-палван, а ничтожный Каххар этот действительно зарится на бедную Айгуль.)

Разговор между тем зашел о таких вещах, что Нигмат весь превратился в слух. Говорил Закирбай, поглаживая пальцами толстые щеки.

— Сперва, земляки, о наших, кишлачных заботах, — сказал он. — Говорят, прежде чем о дожде для всех молиться, взгляни, потребна ли вода твоей джугаре. Так вот, худо у нас дело, братья мои. Хабиб Аблаев совсем обезумел, трактор привезти хочет, чтоб голодранцам поля пахать.

— Аллах не допустит осквернения священной земли, — веско произнес Руфатилла, подняв палец. — Аллах жестоко покарает святотатцев: и Хабиба, и волчонка, вскормленного твоей щедрой рукой. Да, я твоего племянника имею в виду.

— Допустит, — с усмешкой произнес Закирбай. — Вот в соседнем кишлаке бабы-бесстыдницы, все как есть, у людей на глазах паранджи с себя сбрасывали. И ходят посмеиваются.

— Страдания, ожидающие этих презренных на том свете, неисчислимы, — сказал имам.

Закирбай рассердился:

— О том свете аллах печется! — Упомянув о боге, он все же провел небрежно ладонями перед лицом. — А грешная земля — наша забота. Тут вот Хабиб и Нигмат собираются хотят устроить. Костер развести, и чтоб в тот огонь бабы чачваны побросали, а мужчины — священные книги. Вот на что рассчитывает щенок шелудивый!

Все смолкли. Потом заговорил Койбакаров.

— Мне, право же, неловко, почтенный Кадыркул, — сказал он. — Я сижу за вашим дастарханом, угощение ваше принимаю. Но, как все вы знаете, я человек прямой. Потому и не скрываю: мне не по душе разговор, начатый Закирбаем. К тому же вы обещали пригласить нынче уважаемого Хабиба Аблаева и сказали, что пле-

мянник ваш, Нигмат, комсомольский секретарь, тоже будет здесь. Для меня они — товарищи и сподвижники. Вот тогда, может быть, получился бы разговор, ради которого Кадыркул и я приняли ваше любезное приглашение, — Койбакаров обвел всех твердым взглядом и закончил: — Мы с вами как два стана. Но сильнее мы, Советская власть, партия, комсомол. Будущее за нами. Потому-то и хотелось бы по-доброму встретиться и поговорить с вами: не сопротивляйтесь напрасно. Не надо стычек, лишней крови. Уступите новой жизни и попытайтесь найти свое место в ней, трудитесь, и вас будут уважать. — Он взглянул на Закирбая: — Вы что-то хотели сказать, почтенный?

— Нет, нет, — Закирбай поднял пухлую руку. — Продолжай. Очень красиво у тебя получается, только любопытно, как ты заговоришь, когда кое о чем узнаешь.

— А я уже кончил, — сказал Койбакаров, поднимаясь. . .

Нигмат уже обругал себя мысленно последними словами. Джамалетдин тоже был растерян и удивлен. Но тут загремел бас Закирбая.

— Нет, любезнейший, — сказал он, жестом усаживая Койбакарова на место. — Разговор не окончен. Теперь ты будешь слушать и поймешь, надеюсь, почему ты оказался за нашим столом один, без дружков. Мы хотим спасти тебя. Да, да, спасти. Потому что помним о заслугах твоих, когда ты находился в рядах исламского воинства. — Он разгладил бороду, сунул руку под халат, достал плотную бумагу с печатями, подал ее Кадыркулу и велел: — Читай. Это по-русски написано. Но все мы поймем. А прежде — ты, — он ткнул в Койбакарова пальцем.

Кадыркул надел очки; читал он, далеко отставив руку с бумагой, с трудом произнося русские слова:

— «Выписка из приговора по делу злостного убийцы Юлдашбаева Хакимходжи и других. . .» — Он пропустил несколько строк, не смог разобрать их, и прочел, сказав: — Ага! Вот — самое важное: «А что касается относительно Койбакарова Ахада, родившегося в Янгикишлаке, то он скрывается от суда и следствия, постольку поскольку он причастен, как рассказал все по чистой правде Юлдашбаев, в кровавом убиении красных солдат и. . .»

В мгновение ока Койбакаров здоровой рукой выхва-

тля у Кадыркула бумагу, но тут же упал, оглушенный могучим кулаком Аскар-палвана.

Не сразу пришел Койбакаров в себя. Все ждали, что он скажет.

— Это — подделка, — с трудом произнес Койбакаров. — Грязная подделка. Где раздобыли вы ее, скажите? Там же и печать поддельная, и по-русски написано неграмотно. Русский судья так не мог написать. — Он поднялся, поправив на себе ремень, и сказал, сделав шаг к выходу: — Обмануть, испугать хотите? Не удастся. Кому надо — разберутся. Я уж позабочусь об этом.

— Сядь! — повелительно произнес Закирбай. — Мы еще не обо всем сказали тебе. У нас есть люди, которые слышали, как ты сына своего подговаривал, чтоб он Нигмата со свету сжил, а сам его место в ячейке занял.

— А заодно и девицу, приглянувшуюся этому юноше, отнял бы, — громко вставил Руфатилла.

— Правда, это правда, — поддержал Кадыркул.

— Что еще скажете? — с вызовом спросил Койбакаров и заключил: — Разговаривать будем в сельсовете. За вашим дастарханом мне делать нечего. Думал, поговорить как с людьми... Только с вами по-человечески не получается. Жалею, очень жалею, что зашел. А плов твой, Кадыркул, я с удовольствием изрыгну.

— Собака! — Кадыркул вскочил. — Ты нанес оскорбление моему очагу.

— Пойдите, аксакал! — Аскар-палван поднялся и двинулся тяжелой тушей своей на Койбакарова. — Сейчас он перед вами на коленях молить будет о прощении.

— Ни с места, шакал! — тихо произнес Койбакаров. Он поднял наган. — Все — руки вверх! Ну-ка!

Они застыли, а Руфатилла забормотал:

— Ты что это, сын мой? Зачем же так?

Не поворачиваясь, Койбакаров выскочил в окно, едва не наткнувшись на Нигмата и Джамалетдина. Он побежал к огороду и вскоре исчез в темноте.

Пронзительно заголосила Лазокат-апа:

— Ой, мусульмане, на помощь! Разбойники к нам ворвались.

Нигмат кинулся вслед за Койбакаровым. Следом бежал Джамалетдин. Вскоре затрещала сухая ботва под тяжелыми сапогами Аскар-палвана. Хриплое дыхание и

грязная ругань, которой он сыпал на ходу, достигли слуха Нигмата.

— Беги вправо, а я — влево, — услышал он прерывистый шепот Джамалетдина, но, не раздумывая, продолжал бежать за Койбакаровым, чтобы помочь ему, если понадобится.

По топоту сзади он понял, что Джамалетдин не свернул в сторону, и мысленно похвалил его. Джамалетдин, значит, тоже понял, что скрыться самому проще простого, а у Койбакарова, помимо всего, одна рука плетью висит. Легко ли ему сражаться с этим тупым быком, Аскарком? «Нет, товарищей мы не оставляем», — повторял про себя Нигмат, держа наган на взводе.

Неожиданно шум впереди стих: Койбакаров укрылся в темноте. В тот же миг упали на землю и те, кто пытался настигнуть его. Лишь Нигмат еще продолжать бежать, спотыкаясь: кто-то сильно толкнул его в спину, прямо на притаившегося Койбакарова. Вспыхнула короткая молния: выстрел ударил в лицо Нигмату; пуля просвистела у плеча.

«Неужто Аскар догнал меня? — успел подумать, падая, Нигмат. — Хотел, скотина, чтоб свой своего убил. Нет, не выйдет, гадина! Но как он мог узнать меня?» Рассуждать, однако, некогда.

— Эй, Ахад-ака! — громко закричал он. — Это я, Нигмат, здесь! И Джамалетдин — тоже.

Зашуршали сухие стебли. На голос его кто-то полз сзади. Нигмат перекатился на другое место, поднял наган и услышал:

— Не бойся! Где ты? Это я, Джамалетдин.

Нигмат нашарил ком земли и бросил им в Джамалетдина. Тот понял и вскоре был рядом.

— Беги на станцию, — громко сказал Нигмат. — Вызови по телефону красноармейцев. Скажи, в кишлаке враги.

— Ага, — быстро согласился Джамалетдин. — Я вызову.

Он скрылся, а те, что прятались в огороде, — Нигмат был убежден, что их несколько, во всяком случае не один лишь Аскар (Закирбай и Руфатилла наверняка убрались подальше от беды), — затихли, будто умерли.

И вдруг страшно закричал Джамалетдин:

— Нигмат, стой! Нигмат, не оставляй меня!

Удаляющийся топот послышался справа, будто человек убежал по полям, за которыми была станция.

Нигмат не успел сообразить, что к чему. Тяжелое тело навалилось на него сзади. Сильная рука зажала рот.

Первым и самым верным побуждением Ахада Койбакарова было обратиться к Хабибу Аблаеву. Хабиб ничуть не удивился появлению Койбакарова. Запер за Ахадом калитку, долго и надрывно кашлял, слушал торопливый, взволнованный рассказ Койбакарова. Тот ожидал упреков, но Аблаев прежде всего спросил глухо и хрипло:

— Ты уверен, что там был Нигмат? Так куда он делся?

Койбакаров развел руками.

— Не хочу верить, но, кажется, убежал. Я слышал хорошо: Джамалетдин кричал ему вслед, чтоб не бросал его, не уходил, а Нигмат — в поле, к станции.

— Он? А Джамалетдин?

— Умолк. Его скрутили, наверное. Рот заткнули. Стоны были слышны.

Хабиб Аблаев задумался.

— Значит, ты так и не понял, откуда взялись они там под окнами — Нигмат с Джамалом?

Койбакаров только плечами пожал.

— А я знаю, — сказал Хабиб. — Нигмат прослышал о том, что ты к его дядюшке в гости собираешься. Вот и решил проследить за тобой.

— Зачем? — спросил Койбакаров. — Ты же сам советовал, чтобы я принял приглашение Кадыркула. Правда, Нигмату я ничего не сказал. Не подумал как-то о нем.

— Кому еще было известно?

— Никому, — не очень уверенно ответил Койбакаров.

— Вспомни, — жестко потребовал Аблаев, и тогда Койбакаров признался:

— Сыну моему, Каххару, я рассказал. На всякий случай.

— А он — никому?

— Честное комсомольское слово дал.

— Ты уверен, что он ни с кем не поделился? С кем он дружит?

— Прежде — с Нигматом, а нынче — с Джамалетдином больше. В одну душу, говорят, два друга не помещаются.

И вновь Аблаев умолк.

— Милицию надо бы вызвать, — не очень уверенно предложил Койбакаров. Он взял со стола чайник и нервно глотнул несколько раз из носика. — Слышишь, Хабиб?

— Я уже послал человека на станцию, — спокойно ответил Аблаев. — Как выстрел с той стороны услышал, так понял, что дело плохо. Хотел сам туда бежать, на выручку к тебе, да ты появился. — Он оделся, достал из-под матраца револьвер. — Эх, друг, — сказал он с укоризной, — выдержки у тебя не хватило. Ты же знал заранее: пугать тебя будут, покупать станут. Тебе бы сделать вид, что поддаешься, а ты до времени шум поднял. Правда, кое-что мы все же узнали: у них связь с ташкентскими националистами. Аскар-палван — связной, а сватовство его — для отвода глаз. Он и бумагу эту поддельную привез. Закирбаю и мулле даже такую, безграмотную, не составить.

— Уж больно откровенно и обидно они говорили о тебе, о Нигмате. Похоже, злили, дразнили, что ли, меня. По-русски называется — провоцировали.

— Думаю, здесь игра была похитрей, — сказал Аблаев. Он взял фонарь, зажег его, подал Койбакарову и закончил: — Ставка была не на тебя.

— А на кого же? — спросил, уже догадываясь, Койбакаров.

— На Нигмата, который под окном сидел. Благодарил свою горячность. Если бы ты поддался на их уговоры, пусть для виду, то комсомольский секретарь принял бы тебя за врага.

Койбакаров недоуменно посмотрел на Аблаева:

— Но ты! Ты, Аблаев, знал правду? Ну и объяснил бы потом все Нигмату, властям, если бы он сообщил, что Койбакаров, мол, с врагами заодно.

— Верно, — сказал Аблаев. — Но тень на тебя была бы брошена. Еще одна тень. К тому же Нигмат, несомненно, и меня подозревать начал бы. Вот они и добились бы, чего хотели: соколы поссорятся, корм — воронью.

Они уже шагали по темной дороге, направляясь к зданию сельсовета... У порога Ахад Койбакаров поставил на землю фонарь и загремел ключами. Уже

войдя в большую комнату, заставленную вдоль стен скамейками, он сказал о том, о чем размышлял по дороге:

— Но кто мог знать, что Нигмат подслушивает?

— Они, — жестко произнес Хабиб Аблаев. — Они знали, а ты — нет. Их расчет оказался вернее. Но сейчас нам надо о другом подумать: как вырвать Нигмата из их рук.

— Милиция скоро прибедет, — сказал Койбакаров. — И потом, может, Нигмат все-таки убежал?

— А хрипел кто? Кого они скрутили?

— Джамалетдина.

— Хотел бы я в это верить, — сказал, вздохнув, Аблаев. — Эх, парень, парень, — добавил он о Нигмате с грустью. — Сам полез в капкан. — Он подошел к двери и прислушался. Топот копыт доносился со стороны города.

— Милиция, — с облегчением сказал Койбакаров. — Сейчас все станет ясно.

Хабиб Аблаев барабанил пальцами по оконному стеклу.

— Когда бы так, — произнес он задумчиво.

— Я из Каххара душу вытрясу, — зло сказал Койбакаров. — Хорош у меня сынок! Может, какому-то врагу доверился, а друга подвел.

— Погоди ярлыки навешивать, — сказал Хабиб Аблаев. — Мы на войне, как прежде. Только сама война иная стала. Все теперь — в одинаковых халатах. У кого душа черная, сразу не разглядишь. Да и черный цвет разный бывает: и сажа черна, и каракуль.

Койбакаров сник, положив голову на стол. Аблаев подошел к нему сзади, похлопал по спине:

— Не тужи, Ахад. Не из таких переделок мы, бывало, выходили.

— Пария жаль, — сказал Койбакаров. — Если они его схватили, то живым не выпустят.

— Постарайся их опередить, — сказал Аблаев. Взял фонарь и пошел навстречу милицейскому наряду.

* * *

Нигмата били по голове, беспощадно и тяжело, словно кувалдой. Он потерял сознание, но лишь на короткое время. Придя в себя, он застонал, и те, кто избивали его, а потом потащили, остановились.

— Никак очухался, — произнес тот, кто держал его поперек груди. Нигмат узнал по голосу Аскар-палвана и замер. Над ним наклонились, вглядываясь в лицо. Он прикрыл глаза и постарался не дышать.

— Доволокем, — сказал Аскар-палван. — Уже недалеко.

Тот, кто держал Нигмата за ноги, молчал.

Они долго шли по бездорожью, спотыкаясь, и Нигмат понял, что его несут огородами. На миг он открыл глаза и на фоне просветлевшего неба увидел высокую ветлу с гнездами на ветвях. Он понял, что они идут к мечети.

Низко-низко над ним наклонился Аскар-палван. Дохнул в лицо чесноком.

— Не сдох? — он больно пошлепал Нигмата по щекам. Нигмат бессильно откидывал под его ударами голову — то вправо, то влево. — Эх, придушить бы, да не велено. — Он даже пальцы растопырил и потянулся к шее. Нигмат весь напрягся, чувствуя приближение его руки, но Аскар-палван остановил себя, сжал кулак и ударил Нигмата в висок.

Старший милиционер, молодцеватый и веселый парень, по фамилии Бухараев, велел своим подчиненным следовать за ним, а Хабибу Аблаеву и Ахаду Койбакарову сказал:

— Идите вперед. В усадьбу Кадыркула. Не бойтесь. Мы будем начеку, ежели что.

Но Кадыркул встретил их с улыбкой на благообразном лице.

— Вечером вы до смерти напугали нас всех, почтенный Ахад-ака, — сказал он, прямо глядя в лицо Койбакарову. — Зачем нас наганом страшать? Кулак покажи — три ночи от страха спать не будем. Входите, дорогой Ахад-ака. Поговорим за чаем, — он сделал радушный жест, приглашая в дом.

Подошел Бухараев с тремя милиционерами.

Лазокат-апа — она возилась, как обычно, у очага — уронила шумовку в казан. Кадыркул же и жилочкой не дрогнул.

— Приглашайте и нас, — сказал Бухараев и подмигнул.

— Рад хорошим людям, — ответил Кадыркул.

— Это мы-то хорошие? — Бухараев засмеялся, показав на редкость красивые зубы. — Мы — милиция.

— Вижу, — сказал Кадыркул.

Положив на колени сумку, Бухараев быстро вписал в ордер на обыск фамилию Кадыркула, показал ему бумажку — Кадыркул отмахнулся от нее — и велел своим подчиненным:

— Во все уголки загляните. Поняли?

— У меня все на виду, — сказал Кадыркул. — Живу открыто. Все знают.

— Спасибо! — Бухараев наклонил курчавую голову. — Значит, нам легче будет.

Пока милиционеры обыскивали дом и хлев, он обстоятельно допросил Кадыркула о том, что произошло здесь вчера вечером, и подробно занес в протокол его показания.

— Аскар-палван большой шутник, — говорил Кадыркул. — Мы с ним в Ташкенте на базаре познакомились, всего три дня назад, и я его к себе в гости пригласил. Забавный малый! — Кадыркул усмехнулся: — Чуть что: «Давай бороться!» — кричит.

— Он и со мной, безруким, состязаться хотел? — мрачно поинтересовался Койбакаров.

— Ахад-ака, родной мой! — Кадыркул даже вскочил. — Аскар-палван нездешний. Откуда ему было знать о вашем увечье? У вас же с виду обе руки здоровы.

— Жаль, что он уехал, — сказал Бухараев. — Люблю с палванами мериться силой.

Кадыркул с уважением посмотрел на широкие плечи Бухараева.

— Так куда, говорите, делся ваш Аскар-палван? — спросил Бухараев и снова заскрипел чернильным карандашом.

— Уехал на рассвете домой. Дела у него.

— Торгует?

— Новая власть не запрещает этого. Я вот тоже помогаю землякам. Нет-нет привезу из Ташкента то спичек, то ситцу... — Он бросал быстрые взгляды на окно.

Милиционер позвал Бухараева со двора:

— Эй! Идите-ка сюда, товарищ начальник. Здесь добра — видимо-невидимо.

Лазокат-апа торопливо запричитала:

— Ой, за что вы нас караете? Живем — ни бога, ни людей не обижаем...

В хлеву, под ногами у одной из коров, находилась

деревянная крышка, заваленная сеном и растоптанным навозом. Милиционер нашел крышку, поднял, и открылся обширный погреб, полный ящиков и мешков.

— Патент на торговлю у вас имеется, — сказал Бухараев, оглядывая этот склад, — тогда зачем же вы товар прячете под полом, в хлеву?

— От завистливых глаз подальше, — спокойно ответил Кадыркул.

— Развяжи-ка, — велел Бухараев, показав на один из мешков.

Лазокат-апа уже не причитала. Она бессильно заломила руки, но вдруг вскинулась и бросилась к Бухараеву, который взял у одного из милиционеров винтовку, отомкнул штык и с силой всадил его в мешок.

— Ой, не надо! — заголосила она, закрывая телом мешки. — Лучше — в меня воткните, меня убейте!

Кадыркул вознамерился было прикрикнуть на нее, но лишь дернул головой.

— Любопытно, — сказал Бухараев, с силой загоня штык ещё глубже.

Лазокат закрывала себе рот дрожащими пальцами.

— Убирайся подальше, — грубо бросил ей Кадыркул.

— Не Аскар ли палван привез этот товар? — спрашивал между тем Бухараев, продолжая шарить штыком в рисе.

— Он, — Кадыркул кивнул головой.

Лазокат побрела по лестнице.

— А нет ли там чего, кроме риса? — спросил Бухараев. — Ну, к примеру, патронов?

Кадыркул пожал плечами.

— О чем вы? — произнес он тихо. — Какие патроны? Это же — калым.

— Ага, — сказал Бухараев. — А я думал товар на продажу. Кого же он у вас берет? Дочерей вам, кажется, аллах не послал.

— Племянницу отдаю, — сказал Кадыркул. — Мубо-рак зовут ее. Я ей — как отец.

Хабиб Аблаев, до того хранивший молчание, спросил из-за спины Бухараева:

— А Нигмат согласен, чтобы вы его сестру отдали вашему дружку? Да и какой вам друг этот палван? Сами говорите, три дня как познакомились.

— Так, так, — произнес Бухараев. — Дело становится занятным. Вытаскивай все наверх!

Милиционеры, дюжие парни, вынесли мешки, ящики во двор.

Лазокат-апа лежала на земле, терлась щекой о камень и тихо стонала.

— Все вынесли, товарищ начальник, — доложил милиционер.

— Пусто там?

— Так точно. Только тряпки какие-то в углу да одеяло, мешок пустой.

— И миска с недоеденной шурпой, — добавил другой милиционер. — Кусок лепешки. Черствый.

Бухараев сам опустился в подвал, осмотрел все и, поднявшись, спросил у Кадыркула:

— Кого вы там скрывали?

Искреннее недоумение разлилось по лицу Кадыркула.

— Аллах свидетель! — воскликнул он. — Я и понятия ни о чем не имею. — И вдруг, что-то сообразив, он кинулся к жене и ударил ее сапогом в бок. Носок угодил ей под сердце. Лазокат-апа перевернулась на спину, голова ее откинулась, губы ткнулись в пыль.

— Стой! — закричал Бухараев, свирепо вращая зрачками, и выхватил пистолет из кобуры.

— Не ори, сынок, — сказал Кадыркул. — Я пока что над женой своей властен. — Он посмотрел на милиционеров — они высыпали содержимое мешков на холстину — и добавил: — Пусть не переводят зря добро. В мешках ничего нет.

Лишь к полудню был закончен обыск.

Имущества у Кадыркула оказалось немало: и ковры, и посуда, и ткани, не говоря уже о съестном.

Порядком умаявшийся Бухараев отер пот с лица и сказал:

— Вот что, почтенный Кадыркул-ака, я снова спрошу вас о том же, с чего сегодня начал: где ваш племянник Нигмат? Это — первое. И еще: кто такой Аскар-палван?

Кадыркул сидел на айване, прислонившись спиной к резному столбу. Он уже не улыбался, был откровенно зол.

— Я тебе говорил сто раз: Нигмата я уже две недели

не видел. Посылал за ним — не идет. Если ты говоришь, что он вчера вечером под окнами моими сидел, значит, тебе известно больше, чем мне. А я увидел бы, что племянник подслушивает, излупил бы, как пса последнего. Вот тебе — о Нигмате. Об Аскар-палване же я и вовсе не пекусь. Коли завез калым, значит, явится не сегодня завтра.

Бухараев даже зубами закрипел, возмущаясь упрямством Кадыркула.

— Взять его! — приказал он милиционерам.

Кадыркул заложил руки за спину и пошел к воротам. Милиционер следовал за ним.

Лазокат-апа — она уже пришла в себя — смотрела им вслед, бессильно ломала руки и горестно раскачивалась, беззвучно шевеля губами.

Вместе с двумя десятками добровольцев милиционеры обыскали кишлак и окрестности до самой железной дороги, но ни самого Нигмата, ни следов его не нашли. Бедная Норхон-апа сбилась с ног, переходя из дома в дом, расспрашивая, не знает ли кто о сыне. Люди только пытались утешить ее: Нигмата никто не видел.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда новая весть взбудоражила всех: появился Джамалетдин.

Он стоял в сельсовете перед столом, за которым сидел Бухараев. Губы у Джамалетдина были разбиты, на носу содрана кожа, под глазами — синяки.

Хабиб Аблаев еще не вернулся со станции: он ездил, чтобы позвонить по телефону в обком партии и рассказать о том, что случилось у них в кишлаке. Разумеется, ташкентский товарищ, с которым говорил Аблаев, на расстоянии воспринял все так, будто ничего особенного не произошло. Ну, не пришел ночевать молодой парень, комсомольский секретарь? Зачем сразу предполагать худшее? В общем, посоветовал тот товарищ, разберитесь как следует, а потом доложите. И не пугайтесь попусту, тем паче что милицию вы уже вызвали. Скажите-ка лучше, как у вас идет работа по раскрепощению женщин? Митинг в поддержку республиканского художника провели? Сколько женщин участвовало?

Аблаев ответил, что митинг, как и намечалось, состоится в ночь лунного затмения, и с тем отправился обратно в кишлак.

Между тем Бухараев допрашивал Джамалетдина. Парня трудно было узнать. Лицо было разбито. Молчаливый обычно, Джамалетдин сейчас говорил не оставиваясь. С трудом улавливалась суть слов, невнятно вырывавшихся из разбитого рта. Парень рассказывал, что Нигмата во двор к Кадыркулу звал он. Что по просьбе Нигмата, страдавшего из-за Айгуль, он, Джамалетдин, следил за усадьбой Кадыркула и, заметив, что золотозубый Аскар-палван привез на двух арбах добро, догадался, что это — калым. Нигмат захотел своими глазами увидеть жениха, которого Кадыркул привез для Айгуль, хотел сам услышать, о чем они будут говорить во время позорного сговора. Нигмат надеялся, что, может быть, удастся разузнать, куда упрятал Кадыркул бедную Айгуль...

Услышав это, Бухараев сделал пометку в записи показаний Кадыркула: в том месте, где Кадыркул сообщал фамилию и адрес ташкентских родственников, к которым, как он утверждал, Айгуль отправилась погостить.

Джамалетдин рассказывал о том, как были поражены он и Нигмат, увидев за дастарханом у Кадыркула, в обществе бая и муллы, председателя сельсовета товарища Койбакарова. Оба они, признался Джамалетдин, давно подозревали в нечестных делах и самого Койбакарова, и его сына Қаххара — члена их комсомольской ячейки. Но то, что они слышали вчера, потрясло их...

Тут Джамалетдин огляделся.

— Говори, говори, — велел ему Бухараев. — В комнате, кроме нас, никого нет.

Джамалетдин все же закрыл плотнее окно и рассказал, что при Ахаде Койбакарове впрямую велись контрреволюционные разговоры.

Он попросил напиться. Зубы его стучали о край пиалы. Немного успокоившись, Джамалетдин сказал, что у Койбакарова и его сотрапезников произошла ссора. Из-за чего — он, Джамалетдин, не понял. Началась драка: Аскар-палван кинулся на Койбакарова, тот выскочил в окно, а они с Нигматом тоже побежали, боясь, что их обнаружат. Бежали долго, и он, Джамалетдин, споткнувшись, упал, и его догнал Аскар-палван и начал душить. А Нигмат испугался, наверное, и убежал к железной дороге. Судя по всему — в город уехал.

— Ты-то как вырвался? — спросил Бухараев.

Джамалетдин прижал руку к груди и сказал, что только полчаса назад он пришел в себя. И оказалось, что он лежит в поле, в яме, куда осенью сваливают ботву. И сам он был засыпан этой сгнившей ботвой. (Джамалетдин пошарил рукой под халатом и извлек вялый коричневый стебель.) А когда Джамалетдин добрался до первого дома, то испуганный хозяин сказал, что в кишлаке милиция, что ищут его, Нигмата и какого-то палвана.

— Все у тебя? — спросил Бухараев.

Джамалетдин развел руками.

— Иди умойся, — сказал Бухараев, — и выспись. — И прикрикнул: — Ну, что стоишь?

— Ага, ага, товарищ начальник! — Джамалетдин поспешно попятился к двери.

— Ну что ж, — сказал, вздохнув, Бухараев. — Не грех бы и нам отдохнуть. — Он сладко потянулся.

— Неужто и вы полагаете, что Нигмат убежал в город? — спросил Хабиб Аблаев.

— Вполне возможно, — сказал Бухараев и выбросил ладонь вперед: — Вот, судите сами: показания Джамалетдина полностью совпадают с тем, что говорил нам Койбакаров. Кстати, где он сам сейчас?

— Нигмата разыскивает, — ответил Аблаев. — Сын ему покоя не дает. Сына Каххаром зовут. Он на последнем собрании больно задел Нигмата, а теперь совесть его мучит.

— А из-за чего задел? — спросил Бухараев.

— Из-за девушки. Все из-за той же Айгуль. Спор у них зашел, у комсомольцев, время ли теперь жениться.

— Смешной народ, — сказал Бухараев, — молодежь, одним словом. Потому я и не удивлюсь, если окажется, что Нигмат ваш в город помчался. Увидел здорового палвана, решил, что тот невесту отнимет, и понесся очертя голову искать ее. Такие случаи бывают. Уж я-то знаю, — и он улыбнулся каким-то своим воспоминаниям.

— Что Кадыркул? — спросил Аблаев.

— Молчит. Ни слова не добавил. Но ничего, в Ташкенте разговорится.

— А Лазокат-апа?

— Пришла в себя наконец. Рассказала, что сын ее, Мурад, когда отец на него сердит, прячется в погребке. Дня два назад отец побил его. Мурад и отсиживался в погребке. Потом она испугалась, как бы я в него штык

ненароком не всадил. Но его, как мы убедились, там уже не было. Значит, говорит Лазокат, в горы к деду уехал, как обычно.

— Проверяли? — спросил Хабиб.

Бухараев даже рассердился:

— У меня во всем отделении шесть человек. Половина, считайте, у вас в кишлаке. Вместе со мной. Кого же я в горы пошлю, вы подумали? И так по вашей милости время теряем. Тоже шум подняли: враги у них, убийства. . . А окажется — все заварилось из-за того, что парни девку не поделили.

Хабиб только вздохнул.

— Мы поехали, — сказал Бухараев. — Кадыркула заберем с собой. Связь его с этим Аскар-палваном и у нас вызывает подозрения, а в остальном — действуйте сами. Вы здесь — партком, вы — Советская власть. С вами народ. — Он затянул на себе ремень и спросил: — Оружие у вас в порядке?

Хабиб не успел ответить. Стремительно ворвался в комнату Каххар Койбакаров. Следом за ним спешил его отец, Ахад.

— Нашли! — с порога закричал Каххар. — Во дворе лежит.

— Я так и думал, что это он, Камал. Он давно грозился. . .

Бухараев поморщился и поднял ладонь.

— Тихо! — сказал он. — А теперь говорите по порядку. Кого нашли?

— Халат, — сказал старший Койбакаров. Он продолжал спокойнее: — Во дворе у Камала. Из батраков он, но за бая из себя по-прежнему душу вынуть готов.

— Морочите вы меня, — сердито сказал Бухараев. Он плотно надвинул на курчавую голову свою форменную фуражку с пятиконечной звездочкой. — Откуда вы знаете, что это халат вашего Нигмата?

— Вот, смотрите, — взволнованно произнес Каххар. Он был бледен, скуластое лицо его посерело. В руках у него была сложенная пополам толстая тетрадь. — Нигмат ее всегда с собой таскал, куда бы ни пошел. Здесь у него все комсомольские дела записаны.

Бухараев небрежно полистал тетрадь. События в Янги-кишлаке все более запутывались.

— Где нашли? — спросил Бухараев, сжимая фуражку.

— В кармане халата.

— А халат?

— Я же говорил, — сказал старший Койбакаров, — по дворе у Камала, у бывшего батрака.

— А Камал ваш где?

— Вот это вы нам и помогите узнать, — сухо произнес Ахад Койбакаров. — Жена говорит: три дня, как уехал, не сказавшись. А Нигмат еще вчера днем в этом халате был. Каххар видел его.

— Да, — Каххар наклонил голову. — Нигмат как раз шел по правому берегу Захарыка, а я был на этой стороне. Мы остановились, и он спросил, с кем из соседей я веду работу, кто из женщин на худжум придет. Я сказал, кто да кто, а он достал из кармана вот эту самую тетрадку и записал. Можете проверить. На последней странице: «Одылова Махбуба, Касымова Умрихон, Касымова Адолят...»

Бухараев нашел в тетради эти имена, записанные крупным латинским шрифтом. Он сел, поерошил волосы и признался смущенно:

— Чтоб во всем этом разобраться, следователя нужно позвать. Оставлю я вам одного своего сотрудника, так и быть, а сам поеду в город, сообщу о вашем деле прокурору. Сдам под арест Кадыркула, чтоб его допросили как полагается...

— А как же парень? — перебил Аблаев и закричал: — Нигмата нет! Вы понимаете это? Его разыскать надо! Немедленно. Мы тут будем ждать, пока ваш следователь явится...

— Зачем кричишь? — остановил его Бухараев. — Суди сам: что я могу сделать? Весь кишлак мы уже обыскали, дом Кадыркула перетрясли. Все показания я записал, — он похлопал ладонью по сумке, висевшей у него на боку. — Акт составил.

— А человек? Человек где?

— Ты слишком многого требуешь от меня, товарищ Хабиб, — сказал Бухараев. — Знал бы я, где он. Четверо пропали из кишлака: Нигмат, Аскар-палван, Мурад, сын Кадыркула, а теперь еще вот этот — Камал.

— И Айгуль увезли, куда — неизвестно, — добавил невесело Каххар.

— А, ладно! — Бухараев вдруг повеселел, позвал пожилого милиционера и приказал: — Возвращайтесь в отделение, доложите устно, что произошло в Янги-кишлаке, сдайте в прокуратуру арестованного Кадыркула и акт, который я составил. Я буду здесь до окончательного выяснения. Идите!

— Ну вот так-то — совсем другое дело, — сказал Хабиб Аблаев. — Что дальше?

Бухараев оглядел присутствующих.

— Остаются Хабиб Аблаев, Ахад Койбакаров и я, — сказал он и обхватил в притворном испуге курчавую голову ладонями. — Ой и достанется мне от начальства! — Он поманил к себе Аблаева и Койбакарова и сообщил доверительно: — Прихожу я как-то на базар, а один старик мне на цыгана указывает. Он, говорит, ворованную лошадь продает. Меня и забрало: докопаюсь, где он ее добыл. Пока выяснял, чья лошадь, трое суток прошло. До Пенджикента добираться пришлось.

— Э, будет тебе! — нетерпеливо перебил Аблаев. — У нас на болтовню время разве есть?

— Погоди, — сказал Бухараев. — Коня-то, оказалось, цыган перепродавал. Вполне законно. Да еще, как выяснилось, проиграл он на этом деле сорок рублей. Вот тебе — цыганский доход! А меня с той поры в управлении дразнят «следователь по цыганским делам», — он так развеселился, что даже слезы смахнул, но тут же посерьезнел. — По правде сказать, нам только оперативной работой разрешается заниматься, а у вас тут дело темное, сам шайтан дорогу не найдет. — Он поднялся, ладный, подтянутый — хоть на картинку — и пошел к двери.

Аблаев и Койбакаров последовали за ним.

Решено было заново обойти кишлак, побывать всюду, где могли хоть что-то знать о Нигмате или о ком-либо другом из тех, что исчезли. Пока шли, Ахад Койбакаров то и дело оглядывался.

— Ты что это? — спросил Аблаев.

— Сынок мой за нами идет, — мрачно сообщил Ахад и добавил: — Совесть замучила его: зачем тогда, на собрании, Нигмата донимал. Дружья они были прежде.

— А потом?

— Я же говорил тебе как-то: в последнее время Каххар с Джамалетдином сошелся ближе. Джамалетдин только с виду такой, ну, спокойный слишком, что ли. А так он горячий.

— И Нигмата не бросил, хотя самому досталось, — сказал Бухараев. — Видели бы вы, как его избил этот самый палван.

Внезапно Аблаев остановился.

— Ты что? — спросил Ахад Койбакаров, и Бухараев тоже нетерпеливо оглянулся:

— Пошли, пошли. Режете вы меня без ножа. Быстрее.

— Пойдите, — решительно произнес Аблаев и крикнул, обернувшись: — Эй, джигит! Каххар! Брось прятаться. Сюда иди.

Бухараев сердито топтался на месте.

— Через час темно станет, — сказал он.

Между тем подошел Каххар.

Они стояли у Заха, возле моста. Вода шумела. Вокруг было пустынно.

— Скажи, Каххар, — Аблаев взял его под локоть, — только честно, как комсомолец.

— Что сказать? — спросил Каххар тихо.

— Ты на собрании тогда выступил, потому что сам был недоволен поведением Нигмата? Ну, его отношениями с Айгуль?

— Конечно, сам, — ответил Каххар, ковыряя сырую землю носком разношенного сапога.

— И никто тебе не советовал выступить, осудить комсомольского секретаря за то, что он не вовремя любовью занялся?

— Ну что вы за люди? — вскричал Бухараев. — Для того ли я в вашем кишлаке застрял, чтоб про любовь выяснять?

Они словно не поняли, что старший милиционер возмущен.

Каххар отвел глаза и произнес едва слышно:

— Мы с Джамалетдином долго тогда разговаривали, перед собранием. Только я тогда еще не знал, что сам Джамалетдин тоже. . . — Каххар судорожно глотнул воздух.

— Что — тоже?

— Тоже любит ее. Айгуль эту самую.

Теперь и Бухараев заинтересовался:

— Ну-ка, ну-ка! — Он подошел ближе. — Что она за девушка такая особенная, Айгуль ваша? Все вы из-за нее с ума посходили. Я бы тоже не прочь на нее взглянуть.

— Девушка стоящая, — сказал Аблаев, — но давайте лучше вот о чем подумаем: Джамалетдин-то, оказывается, Нигмата соперником считал. Зачем же он тогда его под окна к Кадыркулу потащил? Чтоб натравить на кого-то?

— На Аскар-палвана, — неуверенно сказал Койбакаров.

— Конечно! — вставил Бухараев. — Он же сам про это сказал. У меня записано. — Старший милиционер даже вздохнул. — Что вы топчетесь на одном месте? — упрекнул он Аблаева, но тот остановил его жестом.

— Они же меня звали в тот вечер, — рассуждал вслух Ахад Койбакаров. — Разговоры могли идти какие угодно, но только не про Айгуль и женихов!

— Ладно, — велел Каххару Хабиб Аблаев, — иди вместе с нами. А то прячешься позади, будто выслеживаешь нас.

— Я не потому, — сознался Каххар. — Мне вас оставлять не хочется. Вдруг что случится.

Бухараев захохотал и обхватил двумя пальцами худую руку Каххара.

— Не видел я вашего Аскар-палвана, — сказал он, — но ты, парень, его наверняка пополам сломаешь. — Он улыбался, довольный собственной шуткой, пока они шли к дому Нигмата.

Норхон-апа еще не вернулась. Она бродила по кишлаку, плачась о своем горе, выпрашивая людей: может, кто слышал о Нигмате. Материнское сердце подсказывало ей, что с сыном случилось худое.

У погасшего очага сидела, ссутулившись, Муборак. Лицо ее было грустно, но она уже поигрывала в забывчивости камушками, которые всегда носила в кармане широкого платья. Увидев вошедших, она испуганно вскочила и закрылась краем платка.

Бухараев пытался допросить ее по всей форме, но бедняжка Муборак только всхлипывала и молчала. Тогда Хабиб Аблаев решил.

— Ты знаешь, что тебя замуж хотят отдать? — сказал он.

— Нет, нет! — закричала Муборак. — Не пойду за него. Он страшный, он убьет меня. Он всех убить хочет. Он Джамалетдину грозил и убил его. Убил! — Она разрыдалась и упала на руки, вытянув их перед собой.

— Вот это да! — произнес Бухараев.

— Ты откуда же знаешь, что Аскар-палван грозился расправиться с Джамалетдином? И почему ты о Джамалетдине, а не о брате своем страдаешь?

— Оставьте ее, — попросил Хабиб Аблаев, потому что Муборак снова окаменела.

Он выждал какое-то время, обнял девушку за плечи

и увел в дом, всем видом показывая, чтобы их оставили одних. Он говорил с ней спокойно и тихо. Только однажды донеслось до тех, кто сидел, ожидая, во дворе:

— Жив и здоров твой Джамалетдин. Час назад с ним разговаривали.

— Правда? — спросила Муборак, все еще всхлипывая.

— Он дома. Хочешь, пойдем к нему.

— Ой, что вы! Как можно...

— Тогда рассказывай, что ты слышала, когда пришла звать Джамалетдина...

— Ладно, — сказала Муборак, и голос ее снова перестал быть слышен.

Бухараев потерял терпение.

— Сидите здесь, если хочется, — сказал он отцу и сыну Койбакаровым. — А я должен действовать. — С этими словами он вышел.

— Подождите, — крикнул Каххар. — Возьмите меня с собой.

Бухараев, уже стоя на улице, еще раз насмешливо оглядел Каххара и махнул рукой.

— Пошли! Хоть закричишь, ежели понадобится. Все какая-то польза, — и он по привычке засмеялся собственной шутке.

Нигмат пришел в себя в длинной узкой комнате, лишенной окон. Голова была налита тяжестью, болела, и все окружающее Нигмат воспринимал как во сне. Тем не менее он осознал, что лежит на циновке, брошенной на кирпичный пол. С потолка свисала плошка, в которой горел фитиль. В колеблющемся свете Нигмат разглядел человека, сложившего руки на животе. Глаза человека были спрятаны под низко надетой чалмой, но Нигмат сразу же узнал имама Руфатиллу. Рядом с ним сидел Закирбай, а у противоположной стены, привалившись к ней огромным телом, лежал Аскар-палван. В комнате находился еще один человек. Нигмат узнал его по голосу: то был батрацкий сын Камал.

Нигмат не застонал, не пошевелился. Он, очевидно, был в беспамятстве уже долго, и потому они продолжали говорить, не обращая на него внимания.

— Я же сказал сразу: удушить его нужно было. Я бы и труп закопал так, что ни одна собака не отыскала бы, — медленно произнес Аскар-палван.

— Если сердит, свой нос укуси, — откликнулся Закирбай. — Убивать с толком надо. Чтоб польза была, а для этого ум нужен.

Нигмат замер, напрягая слух до предела. Теперь говорил имам.

— Камал, драгоценный сын мой, — произнес он нараспев, — с наступлением темноты ты должен будешь покинуть нас и вернуться домой. Ложись, отдыхай и жди, пока они начнут народ скликать на площадь. Мы, хвала аллаху, вне подозрений.

Прошло некоторое время. Камал соображал трудно.

— А если спросят, где пропадал со вчерашнего дня? — произнес он несмело.

— Кому какое дело? — возразил имам.

— Отвечай: в веселом заведении, в городе был, — мрачно посоветовал Закирбай.

— Нет, лучше пусть скажет, что заперся и умные книги читал. Он же теперь у нас грамотный. И жена у него тоже грамотная. — Аскар-палван захохотал, и Руфатилла прикрикнул на него:

— Не кори его этим! Не смей! Я сам велел им ходить в школу.

— Вай-бой! — воскликнул Аскар-палван. — Вот как! Почему же вы меня не послали? Я, может, тоже с девушками вместе читать книжки желаю.

— Тебе никакая грамота не поможет, — сказал Закирбай. — Кто телком родился, тот быком умрет.

Аскар-палван проглотил оскорбление. Только засопел.

— Ты лучше вот о чем скажи, — продолжал Закирбай. — Где твои парни?

— Ночью подойдут.

— Все десять?

— Не десять — шестеро. Я же вам сколько раз говорил, что больше коней не нашли.

Нигмат все же пошевелился.

В сыром душном помещении — Нигмат теперь не сомневался, что это подземелье мечети, — вдруг наступила тишина. Потом он почувствовал рядом дыхание Закирбая. Тот долго смотрел в его лицо. Оно было разбито и распухло так, что трудно было разглядеть на нем признаки жизни. К тому же действие дурманящего зелья, которое Руфатилла подсыпал в пиалу Нигмату, еще не прошло. Тем не менее Закирбай громко попрощался:

— Дай нож, палван! Сейчас я выпущу из этого пса его вражью кровь!

— Давно бы так! — обрадованно откликнулся Аскар-палван, принимая страшную игру.

Имам тоже шевельнулся, но тут же стих, сообразив, что Нигмата испытывают.

Нигмат почувствовал, как холодное лезвие коснулось его горла. Все существо его отчаянно завопило: «Вскочи! Проси пощады! Моли о жизни!» Но он только оцепенел.

— Еще не очухался, — спокойно сказал Закирбай.

— Может, добавить ему разок в ухо, чтоб лучше слышал? — по-деловому справился Аскар-палван.

— Сядь! — велел Закирбай. — Я же тебе втолковываю: он нам пока живой нужен, а ты все за свое. И потом, он же тебе родственником скоро станет, — Закирбай хохотнул.

— Шурин, мой дорогой! — дурашливо воскликнул палван и добавил: — А девчонка вправду сладенькая. Не зря имя у нее такое — Муборак¹.

— Да она увидит тебя, помрет со страху, — подогревал Закирбай.

— Не-е, — протянул Аскар-палван, довольный собой. — Я с ними ласковый.

— Умолкни! — строго прикрикнул Руфатилла. — И вы, Закирбай, тоже хороши: нашли где вести греховные беседы. Вы лучше еще раз растолкуйте ему, как действовать надо, не то наш богатырь опять все перепутает, как намедни у Кадыркула.

— А что? — обиженно проговорил Аскар-палван. — Он почтенного Кадыркула задел. «Я, говорит, твое угощение изрыгну». У Кадыркула-ака, я же видел, глаза кровью налились, но ему же и с одноруким не справиться, всем известно. Вот я и подумал...

— А ты лучше не думай, — посоветовал Закирбай. — Если бы ты не думал, мы бы здесь не сидели. Уж можешь не сомневаться, я повернул бы разговор так, что этот щенок, — он указал на Нигмата, — сам своего наставника Қойбакарова к праотцам отправил бы. — Он помолчал и добавил: — А потому — слушай и делай, как велено. Понял?

Верзила молчал, и тогда Закирбай произнес разме-

¹ Муборак — добро, изобилие.

ренно, как муаллим¹, рассчитывающий, что каждое слово его обязаны запомнить:

— Камал приводит на красное сборище свою жену Башарат. Пусть он громче кричит, как у них полагается, что, дескать, довольно темноты, пострадались, в общем,— все, чему комиссары глупых женщин учат. Пусть зовет других. Да погромче, чтоб большевистское отродье радовалось. Только не забудь, Камалджан: как Башарат паранджу скинет, ты встань рядом с ней, вроде одобряешь, и ори «Яшасин!»². Все это надо сделать быстро, не дожидаясь, пока безрукий Аблаев тебе команду подаст. Все дело в том, чтоб поломать порядок, чтобы возникло смятение в тот самый миг, когда луна исчезнет, и люди испугаются, сколько бы комиссары ни втолковывали им, что это не навеки. Тут уж, палван, не зевай. Выскочишь из засады, пришибешь милиционера (больше одного в кишлак по такому случаю не пришлют), я сам беру на себя Аблаева, а с одноруким Койбакаровым справишься ты, Камалджан. Больше ни у кого из них оружия нет. Тут же твои парни, палван, должны налететь. Что кричать, они знают. Чтоб пострашней было и чтоб поняли те, кто в живых останется: мусульманство, хвала аллаху, не рухнуло и страшная кара найдет всех вероотступников.

— Резать надо, — сказал палван.

— С умом резать, — возразил Закирбай. — Не закалывать, как овец, а по шеям лезвием, по шеям! Чтобы кровь из них, проклятых, хлестала. Из тех, что раскроются. А пока дехкане разберутся, что происходит, — вопли, вой да тьма кромешная, — джигиты и ты с ними должны вскочить на коней и — в степь, в разные стороны. Для себя и для тебя, Камалджан, я лучших коней приготовил. Будут за дувалом, у чайханы ждать. Уйдем в горы, а там у нас верные люди есть. Живо за кордон переправят.

— А я как же? — жалобно произнес имам Руфатилла, будто впервые услышал об этом кровавом замысле.

— Вам уже было сказано, почтенный, — с раздражением произнес Закирбай, — прикиньтесь больным. Вот сейчас выйдете отсюда, отправитесь в чайхану и свалитесь на глазах у всех. Только стоните громче, и пусть Тохта-чайханщик вас отхаживает поретивей.

¹ Муаллим — учитель.

² Яшасин — пусть здравствует.

— Я и без того, — уныло сказал имам, — безо всякого притворства чую, что дни мои сочтены.

— Еще поживете, — грубо успокоил Закирбай. — Вы нам прежде вот этого, пророка ихнего, разбудите. Не то он навеки от вашего снадобья уснет.

— Сейчас, сейчас, — Руфатилла, кряхтя, поднялся, извлек из сундучка стеклянный пузырек, открыл его и ткнул в лицо Нигмату.

Острый запах пронзил Нигмата. Он застонал, открыл затекшие глаза и сделал вид, что только что очнулся.

— Живучий ты, оказывается, — произнес Закирбай. Он наполнил пиалу, поднес Нигмату, дождался, пока тот жадно выпьет чай, и сказал: — А теперь, джигит мой славный, будем разговаривать по-мужски.

В горестных поисках своих набрела бедная Норхон-апа — в который уже раз! — на усадьбу своего богатого родича Кадыркула. День клонился к вечеру, да к тому же из-за слез, застилавших глаза, видела Норхон-апа плохо, и потому сердце у нее радостно екнуло, когда она заметила стройную юношескую фигуру, мелькнувшую в саду у Кадыркула. Не веря в счастье, она все же побежала к изгороди, отделявшей сад от поля, перебралась через нее и бросилась к парню, но вдруг он обернулся вполоборота, встав спиной к ней, и женщина увидела в руке у него нож. То был ее племянник Мурад, младший сын Кадыркула. Он не заметил Норхон-апа, а она, испугавшись его дикого вида и оружия, которое он сжал так, будто приготовился ударить кого-то, мгновенно притаилась за кучей сухих веток.

Прошла минута, другая. Норхон-апа, мучимая неизвестностью, преодолела страх и решилась подойти к Мураду (уж ее-то он, наверное, не тронет), но в это время послышались торопливые шаги. К Мураду приблизилась Лазокат. Она настороженно огляделась и спросила быстро шепотом:

— Никто не видел тебя, сынок?

— Кажется, никто, — ответил он, озираясь и не пряча нож.

— Слава богу! — Лазокат всхлипнула, но быстро взяла себя в руки. — Не нашел? — спросила она.

— Нигде нет, — ответил он и сплюнул в сердцах.

— Как сквозь землю!

— Я сказала милиции, что в погребу ты от отцов-

ского гнева прятался. И ел из казы — тоже ты. А потом ты убежал в горы, к деду. Не забудь, если допрос чинить станут!

— Легко я им не дамся. Не дождутся, — Мурад фыркнул. Он был еще совсем мальчик, но ладонь держал на рукоятке так, будто для него пустить в ход нож — самое обычное дело. — Я и отца выручу, — пообещал он. — Вот увидите.

Лазокат только вздохнула.

— Ты есть хочешь. Я вот принесла, — она подала ему миску, завернутую в платок. — Бери и убегай, — сказала Лазокат и добавила, кидая опасливые взгляды по сторонам: — Милиционер этот главный, что на цыгана похож, еще не убрался в город, проклятый! Здесь рыщет. И наши с ним: Хабиб, Ахад и сынок его — Каххар. Нигмата ищут...

Норхон-апа замерла, надеясь, что вот сейчас узнает, где ее сын, но Лазокат только всхлипнула еще раз и провела ладонью над головой Мурада, как бы благословляя его.

— Ну, иди с богом, — сказала она. — И не лезь в огонь, береги себя.

Материнское сердце не выдержало. С криком:

— Где мой сын? Нигмат где? Говорите! — Норхон-апа бросилась к ним.

— О-ой! Шайтан! — завопила, падая на землю, Лазокат.

Мурад высоко над головой поднял нож и шагнул к женщине.

Аблаев быстро закончил свой разговор с Муборак, поспешно вышел во двор и сказал ожидавшим его мужчинам:

— Пошли! Надо немедля разыскать Джамалетдина.

— Что его искать! — беспечно произнес Бухараев. — Дрыхнет небось в кибитке. Ну, дали ему разок-другой по морде. Об этом он уже рассказал, а добавить ему нечего.

Но Аблаев уже двинулся торопливыми шагами, припадая на больную ногу, к калитке.

— Эх ты, — упрекнул он Бухараева. — Не зря тебя «цыганским следователем» называют.

Бухараев впервые обиделся.

— А что? — спросил он, придерживав Аблаева за рукав шинели.

— А то, — тихо ответил Аблаев, подозвав к себе поближе обоих Койбакаровых. — А то, что Джамалетдину, а не палвану была обещана Айгуль. Да, да, Кадыркул не солгал: палван сватался к Муборак, а девчонка эта, оказывается, из-за Джамалетдина покоя лишилась. Вот и разберись.

Бухараев сердито сплюнул, спохватился, поправил на себе фуражку и сказал:

— Думал я, ты, Аблаев, человек партийный, не легкомысленный. А я второй день только и слышу: Нигмат любит Айгуль, палван сватается к Муборак. Джамалетдин тоже кого-то там хочет взять. Хватит!

Аблаев отнял у него свой рукав.

— Не сердись, — сказал он. — Пойдем быстрее. Скоро все поймешь.

Сумерки сгустились. Взошла луна, круглая и яркая.

В чайхане сидели мужчины. Они не решились заговорить с начальством и милицией. Один все же окрикнул Аблаева:

— Эй, Хабиб-ака! Никак сегодня ночью луна должна пропасть? Вы обещали! — В голосе чувствовалась насмешка. — Пока что не луна, а ваш помощничек исчез, Нигмат, — добавил мужчина.

Люди, сидевшие на помостах, загудели, переговариваясь. Можно было уловить имена: «Айгуль, Нигмат, Аскар-палван, Мурад, Камал...»

— Так как же? — продолжал тот, кто окликнул Аблаева. — Приводить мне нынче свою бабу на ваше ночное сборище? Она уж мне дыру в затылке продолбила: «Как луна откроется вновь, говорит, так костер запылает, и мы в огонь свои чачваны побросаем». Так ее Нигмат научил. Он у тебя, выходит, и на земле, и на небе командует. Только самого что-то не видать. А луна вот светит.

— Постойте, — велел Аблаев товарищам и приблизился к чайхане. — Кто это? — спросил он. — Ты, Тохта? Или ты, Джурабай? Или, может, Мамат-нассотувчи¹?

— Какая разница, — ответил из глубины помещения уверенный голос. — Тебя спросили, ты ответь. А то сколько времени покоя не давали: «В пятницу ночью собрание. Увидите, как наука сильна. Пусть и женщинам свет достается...» А пришел нынешний вечер, вы все разбежались...

¹ Нассотувчи — торговец нюхательным табаком.

— Митинг состоится, — твердо произнес Аблаев. — Не найдем Нигмата, другие товарищи выступят и нужные слова скажут. Я и сейчас хочу вам лишний раз напомнить, чтобы не только сами пришли, чтоб жен своих привели. — Аблаев достал из кармана часы. — Время еще есть, — сказал он. — Придет час, пройдут по кишлаку ребята-комсомольцы, созовут народ на площадь. А пока не посетуйте: мы торопимся.

— Ну, коли так, — сказали из темноты, — тогда поспешайте, пока светло.

И все умолкли.

Аблаев догнал друзей. Он задышался от быстрой ходьбы и волнения.

— Погоди, разужнаю, кто это народ мутит, — сказал он сердито.

— Кто-то из людишек Закирбая, — откликнулся Ахад Койбакаров. — Не Камал ли?

— Вроде не похож, — Аблаев на ходу пожал плечами. — А может, и он. На обратном пути дознаемся. А сейчас — быстрее, быстрее. Как бы Джамалетдин не скрылся.

И тут навстречу им из-за поворота показался Каххар.

— Я уже был там, — произнес он, задыхаясь от бега.

— Ну! — нетерпеливо воскликнул Аблаев.

— Бабка говорит, нет Джамалетдина дома. Со вчерашнего дня не показывается. Ушел с каким-то приятелем и не возвратился.

— Отпустил ты его! — упрекнул в сердцах Хабиб милиционера. — Лучше уж Кадыркул был бы на воле.

— А кроме бабки там кто-то должен быть! — Бухараев сам пошел вперед, в нетерпении, не слушая Каххара, который продолжал рассказывать о том, как бабка клянет всех, кто не дает ей покоя, и плачется о какой-то пропавшей курильнице.

— Ты спал долго, — сказал Закирбай Нигмату. — Как ты сейчас? Соображаешь?

Нигмат кивнул и ощутил тяжкую боль в затылке.

— Кто я? — спросил Закирбай.

— Бросьте со мной как с маленьким разговаривать, — сказал Нигмат. — Прекрасно вижу вас, и имама, и вашего городского дружка.

— Добро, добро, — Закирбай даже пальцы свои на

руку Нигмата положил. — Ты толковый джигит. И молодой. Жить тебе да жить. Жену хорошую взять. Айгуль. А? Неплоха женушка? Детишек бы с ней наплодить.

— Чего вы хотите, Закирбай? — спросил Нигмат. Он повысил голос, и ссадины в углах его губ вновь закровоточили.

— Хорошо, — сказал Закирбай. — Долго говорить не стану. Дружки твои полагают, что ты сбежал на станцию, а потом — в город. Ташкент, ты знаешь, велик. Сотня людишек за день сгинет там — никто и не заметит. Так?

— Не тяните, — сказал Нигмат.

— Ладно. Ты, выходит, мог тоже пропасть. Мало ли что случается?

— Чего вы хотите?

— Немногого. — Закирбай посмотрел на имама, и тот сотворил коротенькую благословляющую молитву. — Даем тебе и жизнь, и твою Айгуль.

— Что взамен?

— Маленькое письмо вашему ташкентскому начальству написать. Вот оно. Я, Нигмат Хасанов, своими ушами слышал, как председатель сельсовета Койбакаров подбивал гражданина Закирджана Мусаева — такое у меня имя, это только вы меня баем зовете, — значит, гражданина Мусаева Закирджана и гражданина Муминова Кадыркула на тайный сговор против Советов. Признался им, что по-прежнему поддерживает связь с людьми Худояр-хана. Сказал, что получил задание устраивать побоища, резню, чтоб возрождать в народе страх перед исламом, — здесь Закирбай передохнул, расправил ладонью бороду и закончил: — Но граждане Мусаев и Муминов с негодованием отвергли это предложение. Заявили, что они желают честно жить и трудиться. Вот и все. — Закирбай подал Нигмату пузырек с чернилами и бумагу.

Нигмат долго раздумывал.

— Смирись, сын мой, — имам Руфатилла вознес над его головой старческие ладони. — Большевицкая власть все равно падет. Так предсказано аллахом. Но долг каждого мусульманина — ускорить ниспровержение глиняного идола. Каждый камень, брошенный в него, благословен.

Нигмат взял перо, но тут же положил его.

— Вы обманете меня, — сказал он и посмотрел на

палвана, подремывавшего в углу. Камала в комнате уже не было. — Я напишу, а вы меня убьете.

Закирбай засмеялся:

— Да кто же поверит твоему письму, если тебя убьет неизвестно кто? — Он спохватился, будто сказал не то, что следовало. — Ты сам должен отвезти это письмо в Ташкент. Оно будет при тебе. Понял? Напиши и спрячь на груди.

— А если я сбегу?

— Мы и об этом подумали, — сказал Закирбай. — Потому и сделаешь точную копию своего заявления.ставишь под ним свое имя и отдашь мне. Хитро, а? — Он похлопал Нигмата по плечу: — Пиши. Ты умный парень. Ты понимаешь: тебе поверят, и тогда дядюшку твоего Кадыркула, не виновного ни в чем, отпустят на свободу. Он тебе в жены Айгуль отдаст, и мы на тое у тебя славно погуляем. — Он встал и распахнул дверь. — Вот сейчас же, как только напишешь, выйдешь. И никто не пойдет следом. Иди куда хочешь: хоть на собрание ваше, которое из-за луны нынче созвать хотят. Либо доносить на нас. — Он пожал плечами: — А за что доносить? Мы тебя подобрали на дороге. Ты в беспамятстве валялся. А избил тебя знаешь кто? Да не гляди ты на палвана! Он только с виду грозен, а так — мухи не обидит. — Закирбай приблизился к Нигмату и выбросил ладонь в лицо ему. — Джамалетдин, дружок твой, да Камал, батрак, — вот кто тебя убить хотел. Хорошо, мы тебя отняли. А они сбежали, подлецы. Думают, на кого еще подозрение падет, если на комсомольца напали. Конечно же — на бывших уважаемых людей. Они, дескать, мстят. Кто иной это делать будет, а сами, подлецы...

Все — и Закирбай, и сводчатые стены, и палван, лежащий на полу, и имам, перебирающий четки, — вдруг поплыло, закружилось. Нигмат закрыл глаза.

— Поплачь, — сказал Закирбай. — Мужчине тоже иногда помогают слезы. Понимаю, нелегко тебе такое узнать о том, кого ты первым товарищем считал. Только знай: и Койбакаровы оба — не лучше. То, что ты напишешь об Ахаде, — истинная правда. Надо тебе знать, что и они в новую власть не верят. Только они нас умнее оказались: прикинулись согласными. Борцами заделались. А мы — по-прежнему, по-честному... — Закирбай хлопнул ладонью по тетрадному листу: — Хочешь, чтоб дядя на воле был? Жениться на Айгуль хочешь?

Тогда — пиши. По-другому нам спасти твоего дядю не удастся.

— Хорошо, — сказал Нигмат и взял перо.

Закирбай следил за ним, то и дело тяжело взглядывая исподлобья.

— Что-то ты долго возишься, — сказал он, — и много пишешь. — Подозрение появилось на его лице. Он встал и через плечо Нигмата посмотрел на бумагу, покрытую убористыми строками. — По-мусульмански писать ты разучился, — произнес он зло, увидев, что Нигмат пишет латинскими буквами.

— Иначе никто в Ташкенте не поверит, что это писал я, — возразил Нигмат.

Закирбай помолчал в затруднении.

— Вы, благостный имам, еще не научились, случаем, гяурской грамоте? — спросил он у Руфатиллы, понизив голос.

— Аллах миловал, — так же потихоньку откликнулся имам.

— Так, — сердито произнес Закирбай и взял у Нигмата то, что он написал. Он напряженно по буквам разбирал текст, нашел свое имя, Койбакарова. Рядом с ним стояло короткое слово — враг. Это Закирбай тоже сумел прочесть. Страдая от натуги, одолел он еще одну строку и остался доволен: «требовал насаждать страх среди верующих...» Но вслух Закирбай сказал, ткнув бумагу едва ли не в лицо Нигмату:

— Ты кого дурачить вздумал? Перепиши! Чтоб короче было все и чтоб на меня и почтенного имама — никакой тени! — Он ухмыльнулся, взглянув на Нигмата искоса, и добавил: — Решил, что я не пойму. Обрадовался... Ты напишешь, сынок, одно письмо по-гяурски. А второе — по-мусульмански. Первое с собой возьмешь, второе — у нас оставишь. Вот так. Нас не обманешь, — заключил он, довольный своей находчивостью, и крикнул: — Пиши, не то поговорим по-другому!

Нигмат пожал плечами и сжал виски.

— Чем напоили вы меня? — спросил он.

Закирбай изумленно раскрыл глаза.

— Чаем, — сказал он, — чем еще? Вот и я пью, — он глотнул прямо из носика.

Страшное безразличие начало овладевать Нигматом. Тело словно отделилось и действовало независимо от

его воли. Но он, скрипя зубами, взял себя в руки. Надо было вырваться отсюда любой ценой, во что бы то ни стало, иначе бандиты осуществят в ночь затмения свой страшный замысел: утопят митинг в крови. «Если я останусь жить, — подумал Нигмат, и сердце его больно сжалось от тоски, — если буду жить, расскажу, почему уступил врагам. Мне поверят. Я докажу, что Койбакаровы — честные люди, что меня заставили оклеветать их, а если кто и усомнится... Но что сейчас об этом! Надо спасти людей, спасти наше дело». Он придвинул к себе пузырек с чернилами, взял перо, но оно дрожало в его пальцах. Имам обменялся с баем быстрым взглядом и вновь поднес к ноздрям Нигмата пузырек с резко пахнувшей жидкостью.

Нигмат начал писать.

Закирбай взял у него обе бумаги, но держал их на этот раз не так долго.

— Спрячь под халат, — велел он и подал Нигмату ту, что была написана латинскими буквами. — А теперь — иди, не оглядываясь, на станцию, отправляйся в Ташкент. К кому — сам знаешь.

Пошатываясь, Нигмат начал подниматься по каменным ступеням.

— И не вздумай никуда сворачивать, иначе тебе недобровать.

— Может, вернем Нигмата, — спросил дрожащим голосом имам. — В мечети есть местечко, где можно будет укрыть... замуровать... потом, когда надо будет... И никто не догадается.

— Перестаньте! — Закирбай повысил голос. — Коли взялись помогать нам, почтенный имам, то не трусьте.

— Он побредет к своим, к Аблаеву, — не унимался имам. — А вдруг они его к врачам да спасут?

— Не дойдет он никуда, кроме своей могилы. Не бойтесь. Отправляйтесь-ка лучше в чайхану. И смотрите, чтоб Тохта не отступил от своих слов: вы у него нынче с утра — захворали, уснули в задней комнате. Вы поняли?

— Что тут не понять? — имам закричал и поднялся. — Я выйду потайным ходом, — сказал он.

— Мы вслед за вами. — Закирбай кивнул Аскарпалвану. Тот встал и ощупал спрятанный на боку под рубахой кинжал.

Мурад видел, что перед ним его тетушка, Норхон-апа, но остановить себя не мог. Он вонзил бы в нее нож, и тут наперерез ему метнулась человеческая фигура в развевающихся одеждах. На миг Мурад застыл, и тогда раздался пронзительный женский вопль, трижды повторенный. Он заставил Мурада сорваться с места и побежать без оглядки.

Уже удалившись на какое-то расстояние, он мысленно обругал себя за трусость, за то, что он еще мальчишка. Подумал он и о том, кто же это так бесстрашно пришел на помощь тетке, и безошибочно назвал хорошо знакомое имя. Только откуда она взялась?.. «Ничего, ничего, — повторял он, весь исходя юношеской озлобленностью, — еще рассчитаюсь. Со всеми. За отца, за все...»

Назначенный час близился. Хабиб Аблаев послал комсомольцев, чтобы созывали народ на площадь, но люди и сами уже стекались по трое, четверо к зданию сельсовета, у которого был загодя возведен небольшой помост. Над ним висели плакаты: «Долой мрак!», «Да здравствует свобода и равноправие женщин!» На широком стволе чинары был укреплен портрет Ленина. Все это было освещено несколькими фонарями, подвешенными на ветвях старого дерева.

Хабиб Аблаев еще попытался внушить себе, что, может, и впрямь ничего страшного с Нигматом не произошло: что все было так, как рассказал Джамалетдин: испугались, побежали вслед за Койбакаровым, потом Нигмат свернул к станции. Не исключено, что он там отсиделся и сейчас вернется.

Но время шло, а отложить митинг никак нельзя было. Люди жаждали убедиться: возможно ли такое чудо — предсказать затмение луны. Аблаев ругал себя за то, что сам, к стыду своему, весьма приблизительно может объяснить суть удивительного небесного явления. Знает, что земная тень ляжет на луну, а как это получается, как можно заранее высчитать, когда небесное светило закроется и появится вновь, — это объяснить мог только Нигмат. Аблаев на него надеялся и, зная Нигмата, понимал, что, если его нет до сих пор, значит, на хорошее рассчитывать не приходится. И, забываясь о том, чтобы митинг, к которому так долго готовились, удался, Аблаев не прекращал поисков комсомольского секретаря.

Он сам зашел в чайхану и обнаружил там имама Руфатиллу. Имам был бледен. По серому лицу его катился пот. Красные глаза слезились. В ответ на вопросы Аблаева он только бормотал что-то невразумительное о недугах своих попеременно с арабскими изречениями из Корана.

— С утра он мается у меня, бедный, — сказал, вздохнув, чайханщик Тохта. — Пришел, я его, как водится, на почетное место усадил, а он едва пналу пригубил и свалился на бок. Вот лежит.

Аблаев все же наклонился к мокрому лицу имама и спросил, твердо выговаривая каждое слово:

— Где Нигмат? Отвечайте.

Все так же отчужденно глядя в потолок, имам прознес:

— «И явился к пророку по зову его Хикмат, получивший за то праведное имя — Хикматулла, и сказал ему пророк...» — вновь последовала длинная арабская фраза.

Поняв, что от имама толку не добиться, — а время шло, и луна уже поднялась, сияя во всю мощь, над узкими кронами тополей, — Аблаев отправился к Закирбаю и, на удивление, застал и его дома.

Хабиб Аблаев был один. Койбакаров с Бухараевым остались по его просьбе на площади.

Закирбай сидел на помосте над арыком, в голом в эту пору саду, около низенького дома за школой. Дом этот прежде занимал его конюх, одинокий и старый человек, умерший во время войны. С Закирбаем жила одна не покинувшая его жена.

— Заходите, заходите, сосед, — пригласил Закирбай Аблаева.

— Некогда, — ответил Аблаев, остановившись у входа.

— А-а, — Закирбай понимающе кивнул головой, — затмение скоро. Я бы тоже пошел на площадь, к людям, да вот жена куда-то запропастилась в поздний час. Жду ее, чтоб усадьбу не оставлять без присмотра. Добра у меня нынче в доме немного, да оно ведь так: чем меньше, тем дороже. Ох-ох-ох...

Аблаев прервал этот словесный поток.

— Мы разыскиваем повсюду Нигмата, — сказал он. — Я — не следователь. До него, если надо, дело еще дойдет. Но я должен услышать сейчас: где Нигмат? Вам это известно. Не сомневаюсь.

— Простите, уважаемый Хабиб, — сказал Закирбай веско, — вы напоминаете человека, который разыскивает пропавшие очки под ногами. А очки у него на лбу!

— Понятнее вы можете?

— Да куда уж яснее! — И Закирбай выкрикнул: — У дружков своих, у Койбакаровых, спросите, где ваш молодой сподвижник. — Он насупился и добавил: — Не следовало бы мне говорить этого. Зла причинили вы мне немало. Да жаль парня. Родственник он невинно арестованному Кадыркулу. И свояченице Кадыркула — жених.

— Голову вы мне не заморочите, — сказал Аблаев.

— Верьте не верьте — дело ваше. А я устал. Пожалуй, не буду дожидаться этого затмения: наступит оно или нет, про то один аллах ведает. А я лучше усну, — и Закирбай прикрыл ладонями глаза.

Нигмат брел, спотыкаясь, по узкой дороге, которая вела от пригорка, где стояла мечеть, через кладбище, к кишлаку. Идти было тяжело, а думать — еще труднее, и все же он, собрав все силы, принял решение и повторил его про себя, как заклинание: «Только чтоб тайком не убили. . . дать знать о себе, пока еще жив. . .»

Он слышал крадущиеся шаги за собой, но заботился все о том же, скорее миновать кладбище, глухое, как и все подобные ему места. Смутно мелькала в сознании мысль о том, что на него надели чужой, странный халат: в левый рукав Нигмат так и не смог попасть — похоже было, что отверстие зашито.

Нигмат остановился у кладбищенской ограды, чтоб передохнуть, оперся о низкий дувал правой рукой, потому что левую было трудно выпростать из-под халата, туго перетянутого — Аскар-палван постарался — поясным платком, бельбаком, и вдруг подумал, что точно так же опирается, отдыхая, однорукий, Койбакаров. На миг в померкшем сознании сверкнула молния. Нигмат понял изощренный замысел врагов. Они отравили его, подсыпали какое-то зелье в чай. Они рассчитывают, что он умрет, а потом найдут его труп со следами побоев и где-нибудь неподалеку — халат Ахада Койбакарова (снять с убитого халат — пустяковое дело). В кармане под отворотом халата спрятано письмо Нигмата; он разоблачает председателя сельсовета как врага. Значит, Койбакаров, может вместе со своим сыном Каххаром, убили Нигмата, затем бежали с места преступления,

испугавшись кого-то, а поскольку однорукому Койбакарову быстро передвигаться трудно, он скинул халат, оставив впопыхах письмо, разоблачающее его, в кармане.

«Хитро! Не иначе — бай и мулла старались...» Сознание вновь заволочлось туманом, но Нигмат все же подумал, что не все враги предусмотрели. Он даже улыбнулся слабо. Сзади послышался шорох, но теперь Нигмат знал, что в спину нож ему не всадят. Они ждут, когда он умрет от яда, подсыпанного проклятым имамом Руфатиллой. И злятся, наверное, на его живучесть. А потому он пойдет вперед. Пойдет, пойдет...

Решение пришло, когда он стоял у кладбищенского дувала, тяжело дыша, согнувшись от боли под сердцем, будто сжала чья-то ладонь. Невольно дотронулся он тогда рукой до груди и ощутил пальцами в кармане халата, рядом со своим письмом, твердый коробок спичек.

Теперь Нигмат свернул с дороги вправо. Вблизи виднелся в ясном лунном свете небольшой навес на тонких подпорках. Под ним кладбищенский сторож хранил зимой сено для своего скота.

Нигмат споткнулся на неровной тропе, упал и долго не поднимался. Встать на ноги ему так и не удалось. Он пополз к навесу и добрался до вороха сена. Душная волна заполнила все внутри. Нигмат мотал головой, вместо слов из его рта рванулся стон.

— Готов! — потихоньку произнес снаружи чей-то голос. — Снимай с него халат. Быстрее!

— А с ним что делать?

— Бросим, как велено. Он сейчас сдохнет. Только присыпь его сеном. Да не совсем! Надо, чтоб виден был.

Оба человека скрылись.

Но Нигмат оставил в запасе еще каплю сил. Ровно столько, чтобы чиркнуть спичкой о коробок.

Сено вспыхнуло. Столб пламени взлетел к небесам. И тут же в кишлаке забили в набат.

Мужчины, женщины, дети бежали со всех концов селения на окраину, где полыхал и гудел яркий и сильный огонь.

Первым к месту пожара добрался верхом Хабиб Аблаев. Он словно чувствовал, что огонь в этот поздний час вспыхнул для того, чтобы осветить страшные события, разыгравшиеся в кишлаке. И горестно, будто давно

ждал этого, опустил голову, когда навстречу ему выдвинулась из тьмы и встала черная на фоне багрового пламени высокая фигура с безжизненным юношеским телом на руках.

Люди застыли молчаливым полукольцом. Огонь угас. Только рдели под легким пеплом доски от навеса да торчали тлеющие головешки на месте подпорок.

Батрак Камал — это был он — бережно опустил тело Нигмата на землю. Милиционер Бухараев, прискакавший на коне вслед за Аблаевым, вынул из кобуры револьвер и приблизился к Камалу.

— Попался, — сказал он и скомандовал: — Руки за спину, живо!

— Погодите, — остановил его Аблаев. — Дайте человеку слово сказать.

Камал не испугался окрика Бухараева, а на Хабиба взглянул исподлобья, но благодарно.

— Говорить нечего, — произнес он глухо. — Погубили они парня. Я шел за ними. Убил бы обоих, если бы они его тронули, — он прикоснулся пальцами к рукоятке ножа. — Только он сам... Вот... Сжег себя. Сгорел ты, брат мой, — за нас сгорел. За меня, дурака. Не успел я тебе вовремя руки подать. Прости, друг.

Он опустил на колени перед мертвым Нигматом. Тогда все зашумели, задвигались. И вдруг высокий отчаянный женский крик взлетел над гулом взволнованных голосов. С запада, с той стороны, где находилась усадьба Кадыркула, приблизились к толпе две женщины. Они спешили сюда напрямик, не разбирая дороги, и выбились из сил. Первой из них была бедная Норхон-апа. Она-то и закричала, кинувшись к бездыханному телу сына.

Люди не трогали мать, не успокаивали, пока Норхон-апа сама не перестала рыдать. Вторая женщина, прибежавшая вместе с ней, помогла ей подняться. Рывком отбросила она назад чачван, и все увидели лицо Айгуль. Оно было скорбно и прекрасно. Не только горе — гнев и решимость светились в глазах у юной девушки.

— Люди! — зазвенел над толпой чистый, дрожащий от волнения голос. — Враги погубили человека, который был дороже всех на свете. Для матери. Для меня. Да, да! Я любила его. Я люблю его и сейчас!..

Край полной луны закрылся изогнутой тенью. Одна из женщин сквозь сетку чачвана первая заметила это и испуганно заголосила, указывая на небо. И тут же закричали другие женщины, потому что тень быстро двигалась к середине луны и на глазах закрыла весь диск. Стало темно и страшно. Теперь уже и мужчины нестройно поддерживали голосащих женщин. Слышались слова молитвы. Кто-то громко каялся в содеянных грехах.

Хабиб Аблаев взобрался на коня, хлестнул его пагайкой и взлетел на пригорок.

— Люди! — закричал он. — Разве не говорили мы вам о том, что ночью будет затмение? Разве не звали вас на митинг, чтоб все убедились: нет в мире того, что недоступно было бы науке. За что отдал жизнь юноша, который лежит перед вами? Я скажу то, что не успел сказать он. Пройдет час, и тень исчезнет. Луна откроется и будет светить вновь. Потому жалок тот, кто не хочет слышать голоса разума, жалок и слаб. Его суеверием сотни лет пользовались богачи. Они сделали темного человека своим рабом. «Хватит жить во тьме!» — говорит вам Советская власть. Будьте людьми, разумными и сильными.

Горячая речь Хабиба немного успокоила народ. Даже женские стенания стали тише. И тут послышался тот же голос, что звучал недавно в чайхане. Теперь он был откровенно злобен.

— Ты хочешь, Хабиб, чтоб мусульмане погибли без покаяния. Не слушайте его, кто верует в аллаха! Кайтесь, пока не поздно!

— Умолкни, враг! — крикнул Хабиб. — Ты прячешься во тьме, потому что труслив. Ты знаешь, что правда не на твоей стороне. Но мы найдем тебя и вытащим на общий суд.

Шум и крики слышались в толпе.

— Вот он! Попался! — Камал и еще двое дехкан тащили за шиворот упирающегося человека.

— Кто это, кто? — слышались голоса.

Ахад Койбакаров вышел на середину с фонарем.

— Джамалетдин, — пронеслось в толпе.

— Так я и знал, — Хабиб Аблаев покачал головой. — Вот теперь, товарищ милиционер, вы можете арестовать преступника, — сказал он.

— Я не убивал! Это неправда! Нигмат был мне друг,

все знают! — кричал Джамалетдин, но Бухараев уже связал ему руки и приказал:

— Умолкни! Скоро расскажешь суду обо всем, подлец. Жаль, закон запрещает, не то бы я тебя... — он не договорил того, что и так было понятно, — на месте пожара вновь вспыхнуло пламя. Оно разорвало тьму, и все увидели вновь Айгуль. Она стояла совсем открытая, в легком широком платье, и смело смотрела на людей. В огне пылала ее паранджа и чачван.

— Сестры! — крикнула Айгуль. — Пусть скорее наступит свет, о котором мечтал Нигмат. Жгите ненавистные покрывала.

— Проклятье им! Проклятье врагам, погубившим моего сына! — Норхон-апа с развевающимися седыми волосами приблизилась к огню и бросила в него свою паранджу.

— Проклятье прошлому! — закричали женщины.

Они спешили к костру, стремясь опередить друг друга; пламя росло, в его отсветах дехкане впервые увидели лица всех женщин своего кишлака. И никто не осмелился поднять руку ни на жену, ни на дочь.

Камал вовремя сообщил Аблаеву, что Аскар-палван привел в кишлак своих сообщников; об их намерении устроить резню во время митинга. Ценою своей жизни сорвал Нигмат этот кровавый замысел; люди собрались на месте пожара, далеко от площади, вокруг которой в ожидании сигнала прятались бандиты.

Сейчас Хабиб вместе с Бухараевым выставили вокруг дозоры из самых сознательных дехкан.

Но ни бандиты, ни их вдохновители — Закирбай и имам Руфатилла — не решились даже близко подойти к народу.

Здесь же, на том месте, где свершил свой подвиг Нигмат, земляки решили похоронить его. В свете костра, в котором сгорало рабство, вырыли они могилу молодому революционеру.

Отзвучали речи, умолкли рыдания. Норхон-апа и Айгуль поднялись со свежего, сырого холма. И тогда в угольно-черном небе появился яркий лунный серп. Он разрастался, и вскоре чистая, будто обновленная, молодевшая, полная луна засияла над миром, разливая сильный, незыблемый свет.

На следствии Джамалетдин каялся и плакал, говорил, что слепо доверял своему набожному деду, польстился на посулы: Кадыркул обещал отдать за него Айгуль, если Нигмата уберут с пути, «как камень с дороги, ведущей к гробнице пророка».

Сам Кадыркул тоже сознался в своих преступлениях против новой власти, хотя и повторял настойчиво, что Нигмата он убивать не хотел; затем и посылал ему письма с предупреждениями. Дескать, надеялся, что Нигмат отречется от своей комсомольской веры.

Показания Кадыркула помогли быстро разыскать и обезвредить гнездо, свитое врагами революции в старой кузнице у Кукчинского моста. Были арестованы Аскарпалван и все его сообщники. На их счету было немало кровавых дел, которые они чинили в окрестных селениях.

Теперь им предстояло ответить за все. За смерть комсомольца Нигмата — тоже.

Имам Руфатилла умер, не дождавшись справедливой кары. Он убил себя ядом, как скорпион, оказавшийся в кольце огня.

Только Закирбаю удалось скрыться. Милиционер Бухараев гнался за ним, но не настиг. Конь у Закирбая был сильный. Бывшего богача искали в Ташкенте и в горах, но тщетно.

Спустя два года после страшных событий в Янгикишлаке возвратился Мурад, сын Кадыркула. Судьи учли его молодость и наказали его не так строго, как других преступников. Имущество Кадыркула по справедливости изъяли в пользу общества: Мурад попросился, чтоб его взяли работать на мельницу, и поселился рядом с ней вместе со своей матерью Лазокат. Вскоре он женился и жил в отдалении от кишлака, редко показываясь на людях.

Счастливая звезда юной Айгуль, как и предсказывал Нигмат, взошла высоко и засияла ярко. Айгуль училась в Москве, стала видной поэтессой. Она перебралась в Ташкент, но жила в одиночестве. «Сердце свое отдала я один раз и навеки», — говорила Айгуль. В комнате, где работает она, висит на стене скромная рамка, а в ней, под стеклом, уже выцветшие от времени, но самые дорогие для Айгуль строки: «Я полюбил вас. Полюбил на всю жизнь...» — письмо Нигмата нашло ту, имя ко-

торой он произносил с такой чистотой и трепетом. Книгу прекрасных стихов посвятила Айгуль человеку, который для нее и для всех остался навсегда юным.

«Сердце мое — факел» — так называется эта книга.

* * *

Я написал эту повесть и лишь тогда спросил у своей седой матери:

— Кого мы видели тогда, в мартовский день, ойи?

Старушка моя молчала.

— Камала? Ему сейчас должно быть лет семьдесят, — рассуждал я вслух. — Нет, пожалуй, то был Мурад. Он — помоложе. . .

Мать прервала меня.

— Не все ли равно, — сказала она, вздохнув. — Не все ли равно, первый, второй ли, может — кто третий. Я уже пожалела, сынок, — добавила она, — что указала тебе на того старика около магазина. — И закончила: — Следует ли теперь напоминать человеку, что он споткнулся на дороге, когда скрылась луна?

ПРОВОДЫ НЕВЕСТЫ

Зима была долгой и ненастной, и люди заждались тепла. Но едва закурчавились на солнечных склонах молодые зеленые побеги и солнце заглянуло в маленькие дворики с узловатыми коричневыми лозами виноградников, как снова ударили холода. Два дня мело и гудело по ущельям так, словно сам шайтан собрался в горы, а утром ахнули в кишлаке Багидарья: зима будто и не уходила никогда — вершины и склоны гор, арчовые леса, долины окутаны снегом; укрывшись от мороза белыми пуховыми одеялами, спят деревья; заледенелые кустарники неподвижны и скрючены, перехлестнутые ветви их спутаны, как гривы коней после сумасшедшей скачки. И только речка как ни в чем не бывало бежит среди белого безмолвия, расталкивает камни, бурлит и вскипает пеной, словно хочет напомнить: придет все-таки весна, не горюйте, не горюйте!

А как не горевать беднякам Багидарьи! Многие уж и не чаяли дожидаться весны, и только теплые лучи пробрались в дома — словно помолодели, ожили. Теперь не страшна рваная одежонка, истоптанные ичиги! Теперь не надо, в кровь стирая руки, искать в горах тощие ветки кустарников и рыться в снегу, подобно диким кабанам! Не надо трястись на холодных кошмах, всей семьей возле слабого огня очага, в страшные предрасветные часы, когда вьюга злобно выдувает из дома последние остатки тепла!

И вот опять зима. Не выдержал в это утро старый Мирзакар: сел возле дома и снегом, как пеплом, голову посыпает. Говорят, еще и раньше отнимал у него аллах разум: как-то зарезал курицу, голову ее выставил на блюде возле своего дома и рассказывал всем, что это голова Башар-палвана, правой руки Нурмата-курбаши. Поспешно отходили от него любопытные: времена тревожные, отряд курбаши не раз приезжал в Багидарью, и неизвестно, чем затея Мирзакара может кончиться. Хотя и не особенно распоясывался здесь отряд курбаши — ведь друг его один из старейшин кишлака, благочестивый Пирмат Максум, но ведь именно Башар-палван отрезал голову юному сыну Мирзакара Айбеку,

встретив его однажды на горной тропе и заподозрив в сочувствии к красным... С того времени и застилает тьма глаза Мирзакара, тихого, всегда ласкового к ребятишкам старика. Совсем недавно от горя умерла его Айша — не перенесла смерти своего последнего, единственного сына, а три дочери их сейчас с плачем выглядывают из калитки, не в силах справиться с отцом, всегда таким послушным и добрым...

Дехканбай идет по кишлаку, старательно обходя размякший подтаявший от многих следов снег, и косится глазом на правый сапог, где предательски расползлись швы. С Мирзакаром он дружил с детства, вместе выбирали невест, но на похоронах Айбека не было Дехканбая: не те теперь времена, пожалуй, еще донесут об этом Башар-палвану, а у него, Дехканбая, семья. У него дочь, равной которой, наверное, нет в Багидарье. И к нему благоволит Пирмат Максум, потому что он, Дехканбай, — истинный мусульманин, не пропустит ни одного положенного часа молитвы, от поручений шейхов и старейшин не отказывается.

Проходя мимо дома Мирзакара, Дехканбай старательно опустил глаза в землю, отворотил лицо, чтобы, чего доброго, не подбежал к нему Мирзакар, не вонзился взглядом безумных, страдальческих глаз. И на дом Дехканбай ни разу не взглянул. А там — показалось ему или впрямь — все три головы дочерей, и плач их все сильнее и сильнее, словно разливается горная река и подступает к нему все ближе и ближе. Защемило сердце у Дехканбая, еще ниже опустил он голову и успел-таки заметить: старый Мирзакар держит в руке горсть снега и горестно смотрит на нее. А снег на ладони серый-серый, как пепел, и почему-то падает с руки теми же серыми хлопьями, как пепел... Споткнулся Дехканбай, и сапог его с треском и чмоканьем разлезся чуть ли не на полноги. Хотел он остановиться, но потом стремительно захромал вперед: нет, ни за что не пройти ему опять мимо дома Мирзакара, а там, возле чайханы, починит ему сапог Толиб-сапожник — в долг починит, потому что сейчас у него, Дехканбая, в доме нет ни гроша, да и зерна уже нет ни горсти. А последний мешок муки истаял так быстро, как не тает в яркий день весны прошлогодняя сосулька на крыше... Но это ничего, — наверное, Пирмат Максум не откажет ему, хотя и придется выслушать в придачу еще два мешка поучений да наставлений.

Еще издали увидел Дехканбай: возле чайханы, на базарной площади, толпится народ — свой, кишлачный, и всадники на конях. Екнуло сердце у него — и плач дочерей Мирзакара опять зазвучал в ушах, но тут же утих — издали заметил он, что на всадниках острокопечные, красноармейские шапки, — кажется, их зовут по имени какого-то большого красного командира. Так говорил председатель кишлачного Совета Хакимджан. Да, и Хакимджан здесь, стоит возле командира, и лицо у него радостное, как у ребенка, которому только что сделали подарок. Это и понятно: Хакимджан молодой, и к власти он непривычен и трудно приходится ему со старейшинами, ох как трудно! Хорошо, что ни матери у него, ни отца, — вырезали бы в первую очередь семью Хакимджана, хотя сам он осторожен, как кошка, умеет вовремя заметить опасность и обмануть смерть. А что, интересно, говорит красный командир? Дехканбай опасно оглянулся, но тут же заметил в толпе кое-кого из старейшин и успокоился: нет, не будет его упрекать Пирмат Максум.

Дехканбай осторожно, стараясь не слишком чмокать стсыревшей подошвой, подошел совсем близко к командиру. Ишь ты, холода не боится, шинель на нем нараспашку, и видно, как зеленая рубашка вылиняла и выносилась в походах. А все же сидит на нем аккуратно и выстирана совсем недавно. Тоже молодой, как и Хакимджан, по-узбекски говорит так, что и не верится, будто он русский. Выговор чистый, да и пословицы узбекские так и сыплются, и слова звонкие, как серебряные монеты. Ответил на чей-то вопрос:

— Русский я. Имя — Николай, отчество — Иванович, фамилия — Караганов. Товарищи зовут Колей, вы же видите — я молодой и к тому же неженатый. Почему? Лошадь одна, седло одно, — невесту посадить некуда.

В толпе засмеялись, послышались шутки.

А ребятишки так и вьются вокруг, глаз не спуская с бойцов. Посмотрел на них командир, подозвал самого маленького. Вытащил из кармана завязанный узелком платок, стал оделять ребят мелко наколотыми кусочками сахара. Малыш, который первый получил лакомство, смотрел на него во все глаза, не смея засунуть в рот белый сладкий кусочек. Какой-то парнишка в рваном чапане осмелел — залез на коня командира и уселся сзади. Хакимджан сурово махнул на него рукой — маль-

чишка и глазом не повел, смотрел прямо в рот Николаю, слушал. И тот снова отвечал на чей-то вопрос:

— Почему же вы ищете справедливости у тех, кто веками высасывал из вас кровь? Какая справедливость может быть у волка, у шакала?

Дехканбай почувствовал, что кто-то тихонько трогает его за рукав. Оглянулся — а это Чулпан, дочь, единственное сокровище Дехканбая.

— Тебе что за дело? Нечего тут делать девушке, домой ступай!

И, как всегда, залюбовался дочерью: глаза ясные, взгляд их словно открыт всему миру, и красота Чулпан не только в розовом, тонком лице с яркими лепестками-губами, не только в стрелах-ресницах и изогнутых бровях — нет, она прежде всего в этом радостном свете, который словно обогревает каждого, кто встретится с ней взглядом.

— Я только немножечко постою...

Да разве можно ей стоять здесь, в толпе, где столько чужих? Чулпан молода, жизни не знает, не ждет от людей ничего плохого, а самое главное — давно сговорена Чулпан за сына старого друга, и свадьбу решили сыграть этой весной. Арсланбек — хорошая пара Чулпан: работающий, веселый парень. Одно плохо: недавно вступил в комсомол, сердце его лежит к тем, кто строит новую жизнь, и это тревожит Дехканбая: опасную дорогу ищет себе храбрец Арсланбек! Сам он, Дехканбай, знает одно: безопаснее всего — схорониться в эти тяжелые времена подальше, беречь себя и свою семью, хранить обычаи дедов... А кто лучше Пирмата Максума, старейшины, знает шариат, кто может вовремя дать полезный совет? Вот и тянется к нему Дехканбай, ему одному верит. Знает Пирмат Максум и о том, что сговорена Чулпан в семью Арсланбека, что в двух перевалах отсюда, в кишлаке Бешбола. Он-то и наставлял недавно: «Дочь твоя — девушка, а не охотник. Зачем в горы с собой берешь, охотиться приучаешь? Ее место — в доме, ее дело — детей рожать и мужа слушаться». Дехканбай понимал, что прав старейшина, но ведь сам он занят в поле, день и ночь трудится на неласковой горной земле, где много камней и упрямой травы, а дичь, которую приносит Чулпан, часто спасает семью от голода, вот и сейчас халат его подбит мехом лисницы, которую выследила дочь, потому и молчит Дехканбай. Ну, а сейчас — его право, его власть. И хотя жалко до-

чери, но вон уже нашелся один, из этих, приехавших, — стоит и смотрит на Чулпан, забыв и презрев все приличия. Эти, молодые, — разве знают они стыд и совесть?

Рослый, смуглый парень и впрямь как будто ослеп: глядит и глядит на Чулпан. И та нет-нет да и выглянет из-за спины отца. Только на незнакомца совсем не смотрит — глядит на его коня. Конь вороной, грива длинная, шерсть его мягкая и шелковистая. Тогда и джигит тоже занялся своим конем: то гриву потреплет, то за холку ухватит, то щелкнет по переносице. Вороной всхрапывает, головой мотает — и вдруг так резко вскинул морду, что слюной своей забрызгал лицо хозяина. Девушка увидела — рассмеялась. Парень, смутившись, поспешно вытер лицо рукавом шинели. Серdito дернул уздечку, поглядев на Чулпан, не удержался — рассмеялся тоже. Теперь уже девушка смутилась, снова укрылась за спиной отца. Дехканбай грозно сдвинул брови:

— Что ты тут вертишься? Давно сказано, чтобы домой шла!

Чулпан виновато взглянула на отца и тихонько пошла от толпы, осторожно ступая по скользкой тропинке. Парень проводил ее глазами, потом независимо сдвинул буденовку на затылок и перевел глаза на командира. Дехканбай посмотрел на него со злорадством: вздыхай не вздыхай, а Чулпан тебе больше не видать! И стал внимательно слушать речи Караганова. С гор опять повеяло резким холодом, снег, перемешанный сотнями ног, шуршал, как песок в пустыне, и нога Дехканбая совсем заоченела. Вернувшись домой, он долго сидел возле очага, глядя на слабый, вяло поедающий ветки огонь, и хмуро говорил жене:

— Собрание было. Большой разговор. Голод. Зерна нет. Значит, опять — давай-давай. Как погляжу, власть новая, а разговоры старые. Сено тоже нужно. Командир у них такой речистый, гляжу — все так рты и пораскрывали. А наши старейшины в затылках почесывать стали. Чуют — придется им кое с чем расстаться...

— А вам что за беда?

— Да мне-то что? С меня брать нечего. Да только станет ли Пирмат Максум нам что-нибудь после в долг давать? Скажет — уже ничего нет, все отдал. Вот что меня беспокоит, только это одно!

— У Пирмата Максума всего много. Нахватал... А вот мы...

— Эх, женщина! У каждого своя судьба. Бог сотво-

рил людей разными. Одни богатые, другие бедные. Что же поделаешь?

— Вы теперь речи Пирмата слово в слово повторяете.

— Ты, глупая женщина! Не забудь, что на нем благословение божье. Кого хочешь задевай, а пира¹ оставь в покое. Он мой духовный наставник. И, кроме того, разве не видишь, что творится в соседних кишлаках? А у нас все спокойно. К нам курбаши с миром приезжают...

И тут же вспомнились ему голоса дочерей Мирзакара и серая горсть снега, которая не таяла на ладони старика, и холод охватил Дехканбая... Но он ничего не сказал жене, а она, уловив перемену в его лице, тихонько отошла и занялась своими делами. Тихо стало в доме. Дехканбай прилег на курпачи и задремал. И не успел погрузиться в сон, как видится ему: коренной, крепкий еще зуб зашатался; крякнул — и вот уже выплюнул его Дехканбай, а вытер рот рукавом халата — и на нем кровь, кровь. Алая, как подкладка у халата Пирмата Максума. Кричит он жене: «Воды подай!» — а она голоса его не слышит, смотрит сквозь него, как сквозь туман. Страшно стало ему во сне, кричит он Чулпан, а Чулпан что-то матери спокойно говорит и тоже будто голоса его не слышит...

Проснулся Дехканбай в холодном поту, сплюнул на пол. Никакой крови нет, а зуб разболелся, — видно, на холоде застудил. А жена и Чулпан — вот они, сидят у очага и тихонько разговаривают. Окликнул дочь — она быстро вскочила, к нему подбежала:

— Что с вами?

— Воды подай!

Чулпан быстро метнулась, принесла в пиале воды. Дехканбай хлебнул — в мыслях отлегло. Надо же такому привидеться! Да что тут — время такое тревожное, вот и видится всякое. И к чему тут подкладка халата у духовного наставника?

— Дверь закрыла? — прикрикнул на жену.

— Да, хозяин, — тревожно поглядела на него женщина.

— А цепь на калитке?

— Все закрыто.

— То-то же! Смотрите мне, чтобы были осторожными. И ты по кишлаку не шлейся! — он отдал пиалу Чул-

¹ Пир — духовное лицо.

пан, глядел на нее грозно, и дочь покорно склонила голову:

— Я совсем немножко прошлась... Скучно в доме. На охоту бы...

— Какая охота сейчас? — закричал Дехканбай. — Молиться надо, чтоб все беды от нас аллах отстранил! Видел я, как ты сегодня вертелась! Скорей бы уж тебя Арсланбеку отдать. Вот очистится перевал — и в путь!

Когда время приблизилось к вечерней молитве, в дверь постучали. «Кого это принесло в такой час?» Дехканбай нехотя направился к калитке, долго расспрашивал что к чему и, только услышав имя Пирмата Максума, нехотя снял цепь, отворил.

Перед ним стоял незнакомый человек — в рыжем чапане, худощавый. Глаза его были остры и насторожены, хотя он учтиво склонился перед хозяином и попросил разрешения зайти. Это успокоило Дехканбая — и все же где-то в глубине души не утихала тревога и тяжелое предчувствие беды.

Сняв у порога кавуши, гость скромно присел после нескольких приглашений. Дехканбай расстелил дастархан, налил чаю в пиалу, предложил ее неожиданному гостю, а сердце у него ныло все сильнее, необычный человек сидел за его скромным дастарханом, не из простых! Поблагодарил за чай — но так, как будто оказал честь. Осмотрел комнату — а где-то в глазах пренебрежительная улыбка скользнула и тут же исчезла. Посмотрел на хозяина твердо, хотя и приветливо:

— Разговор у нас будет короткий...

Дехканбай превратился в слух. Услышал легкие шаги возле двери: там, наверное, стояли жена с дочкой, тоже недоумевающая и тревожась.

— Время такое — не до длинных разговоров...

«И этот — о времени!» — пронеслось в голове у Дехканбая. Он поспешно налил вторую пиалу, протянул ее незнакомцу.

— Зовут меня — Башар-палван...

Рука у Дехканбая дрогнула, незнакомец успел отстраниться.

— Вы не должны меня бояться, я в ваш дом с радостной вестью.

Дехканбай окаменел; в тишине отчетливо зазвучали голоса дочерей Мирзакара.

— Уже то, что я к вам пришел именно сегодня, когда в кишлаке эти... — он махнул головой в сторону, —

доказывает, что я по важному делу. Можно бы и подождать, но... Наверное, не скоро мы опять заглянем сюда. А у вас цветок, который уже расцвел, а цветам — срок недолгий, надо торопиться.

За дверью — не то всхлип, не то стон. Дехканбай едва перевел дыханье:

— Вы... почтенный...

— Нет, не я. — Башар-палван весело засмеялся, неживым блеском заиграли у него во рту золотые коронки. — Не я. Гораздо выше! — Он поднял палец. — Сам курбаши! Да-да! Сам курбаши сватает вашу дочь. Ваш цветок сегодня ожег ему сердце, шипы вонзились глубоко, так что радуйтесь. Эти шипы он хорошо оплатит...

Дехканбай почувствовал, как холодный пот заструился по его спине.

— Но... но... почтеннейший... Башар-палван... Вы ведь мусульманин, вы должны меня понять: моя дочь давно обещана... Свадьба назначена через два месяца... Я буду опозорен... Пирмат Максум...

— Такой зять тебя не опозорит — возвысит! А обычай... Да, мы верны шарпату. Но! Сейчас льется кровь, сейчас все сместилось. И людям не до этих пустяков... К тому же... Твой грех отмолит Пирмат Максум... А твои угрызения совести — вот это.

Он вытащил завязанный в поясном платке кошелек, протянул золотые монеты:

— Держи! Еще не то увидишь. Повезло тебе, как никому! — И тут же снова перешел на «вы»: — Что же вы колеблетесь, почтенный Дехканбай? Откажитесь от золота... Вы же его, наверное, и в руках не держали...

Дехканбай не мог отвести глаз от кошелька. Тусклый золотой блеск туманил голову, холод монет, на сильно втиснутых ему в руку, жег паром. Золотые кружки, звеня, раскатились по полу.

— Ну вот и хорошо! — засмеялся Башар-палван. — Я знал, что мы договоримся!

Дехканбай поднял голову и содрогнулся: впервые увидел он, что глаза Башар-палван тоже желтые, как у рыси, и в них — тот же блеск, что и у монет. С трудом разнял он губы:

— Моя дочь еще молода. Господин, я не могу!

— Тебе скажешь «Али», ты говоришь «Бали»? Смори! Много говорить не советую. Ты хочешь отказать курбаши? Значит, ты любишь красных? Нет? Тогда жди меня в среду. А если проболтаешься...

Он улыбнулся, взглянул в окно. Дехканбай, как завороченный, поглядел тоже: жалобно скрипела под окном толстая орешина, и холодный ветер выл над домом.

— Она выдержит и двоих... — философски заметил гость и, толкнув ногой подкатившуюся монету, подмигнул хозяину:

О, если бы мне знать, что нас, умерших, ждет
В день воскресения, когда предъявят счет?

И снова засмеялся:

— Так не любишь красных? А? Ну, тогда до среды!

И, не оглядываясь, скорыми шагами вышел.

Жена и дочь с громкими воплями убирали дастархан. Дехканбай ничего не видел и не слышал. И только когда жена робко положила перед ним собранное золото, вскочил, закричал плачущим голосом:

— Я говорил — не бегай где попало! Шипы! Вот что мне делать теперь, а?!

Дочь испуганно жалась к матери, большие темные глаза ее с мольбой глядели на отца. Он с размаху ударил кулаком по стене.

— Что делать?!

Глухо треснула глина, в стене осталась вмятина — дом был старый и холодный. Дехканбай потер ушибленный кулак, зачем-то лизнул его. В сердце зажглась обида: до чего неудачный день! Порвал сапог, а сапожник был занят — тоже, открыв рот, слушал речи командира Николая; почему-то этот непочиненный сапог казался еще большей бедой, чем только что случившееся. И тогда Дехканбай понял: помочь ему может только Пирмат Максум. Кто же еще? Забылось, что хотел сегодня вечером пойти к нему попросить муки: жена на завтрак соскребла остаток муки с кожаной подстилки — супры, на которой разделявают тесто; так и не поели сегодня. Главное, на что должен ответить святой человек: что делать?

Пирмат Максум принял его приветливо. Мягкая, тщательно расчесанная борода его лоснилась, движения были не суетливы, а степенны, но быстрые глаза впелись в Дехканбая и уже не отпускали его:

— Знаю, в чем ваша беда. Но если подумать, не счастье ли это, наоборот?

— Но ведь я... это же грех... Чулпан уже невеста... Обычай.

— Почтенный Дехканбай, сейчас все силы нужно употребить на то, чтобы нам вообще остаться в живых. Нам — это не телу нашему, но духу. Но чтоб дух сохранился, нужно сохранить тело. Не так ли?

Сбитый с толку Дехканбай хлопал глазами.

— Мы с вами прежде всего — мусульмане. Так ведь? Так почему же вы не хотите, чтобы ваши внуки были от того, кто ревностно сражается за наше святое дело? К лицу ли вам, правоверному, родниться с тем, кто уже породнился с нашими врагами? А кроме того, подумайте о своем кишлаке. Ведь он будет под защитой самого курбаши! Люди вам будут благодарны. . .

— Но, уважаемый Пирмат Максум, для меня это слишком большая честь — стать тестем самого курбаши! Я человек маленький, я всю жизнь хотел прожить с краю, чтобы меня никто не трогал. . . И Чулпан я люблю — как же теперь буду гнать ее замуж против воли?

— Я не узнаю вас — такой богобоязненный человек! Ведь сами знаете, что говорит шарнат. . .

— Знаю. . .

— И почтенный человек. . . А рассуждаете, как ребенок. . .

Кулак, которым Дехканбай ударил о стену, болел все больше. И почему-то резала глаза ярко-алая подкладка любимого халата Пирмата Максума — из дорогого теплого сукна, с искусными узорами по краям. В соседней комнате раздались осторожные шаги, покашливание было почему-то знакомым. Кто это там, за стеной?

— Если мы не сплотимся — что будет с нами? Все развеется прахом. . . Самое страшное — нищета духа. . . А я служу духу. . .

Дехканбай почему-то представил себе кладовую Пирмата Максума — мешки с зерном, с мукой, связки казы, орехи. . . У него забурлило в животе. Он испуганно подтянул живот и вспомнил, что ничего не ел с утра. И тотчас снова раздалось покашливание. Йе! Да ведь так кашлял сегодняшний гость — хрипло, толчками, словно задыхаясь. Представив желтые, немигающие глаза Башар-палвана, он почувствовал, что все в нем заледенело.

— Да, да, я понимаю. . . — забормотал он. — Конечно, конечно.

Сапог, перевязанный веревкой, он натягивал осторожно, хотя и торопливо, и мокрая веревка оборвалась. Но Дехканбай не стал ее завязывать. Елозя сапогом по

снегу, согнувшись, он поспешно хромал к калитке, и плач дочерей Мирзакара гудел у него в ушах, как колокол. За калиткой свирепый ветер так и набросился на человека, трепал и рвал его одежду, ледяными иглами колот лицо. Великая тьма спустилась на кишлак, и Дехканбаю казалось, что он ослеп. Куда идти? Домой? Он снова увидел глаза Чулпан, они глядели на него с мольбой. Нет, не отдаст он дочь курбаши, не опозорит своего имени! К тому же... у Чулпан характер мягкий и ясно видно, что будет, если насильно выдать ее замуж за человека, который на много перевалов вперед известен своей жестокостью и неумолимостью... И рядом с ней, может быть, даже караулить ее будет Башарпалван... Дехканбай спиной почувствовал ствол старой, дедовской орешины... Нет, все равно не миновать ему расправы!

Темно было вокруг, но постепенно Дехканбай стал различать темную громаду гор, обрыв — возле него тускло светилось окно. Да это же кишлачный Совет — самое заметное здание в кишлаке, не огороженное дувалом, с крышей, покрытой дранкой. Наверное, там Хакимджан и красный командир Караганов. Оба они молоды, и не у них бы искать совета. Но нет, не совета — помощи надо от них просить. Помощи! Уж если Пирмат Максум заодно с убийцей сына Мирзакара, принимает его в доме — что останется делать бедному человеку? Вспомнились слова молодого командира: «Почему же вы ищете справедливости у волков, у шакалов?» — разве не правильно он говорил?

Дехканбай приободрился. Огонек в ночи как будто разгорался, казался еще ярче. Наверное, мало спать приходится Хакимджану — старается он очень, вот и врагов у него много. А сегодня, наверное, о чем-то разговаривает с Николаем, — может, все новости спрашивает?

Часовой задержал Дехканбая у самых дверей, долго спрашивал что к чему, но, поняв, что ответа не дождешься — дехканин просился к самому главному, командиру Николаю, — посадил старика рядом с собой. Со своего места Дехканбаю было видно, как сидят возле стола Хакимджан и молодые комсомольцы, о чем-то горячо спорят. Напряг слух Дехканбай — а слух у него острый, охотничий — и насторожился: разговор шел о Пирмате Максуме.

— Пирмат Максум — враг пострашнее курбаши.

Тот — в открытую, а этот словами оплетает, как сетью... — говорил Хакимджан. — Так что зерно будем сами доставать. Незачем за помощью к нему обращаться!

— Правильно! — поддержал чей-то голос из угла. — Этой лисе верить нельзя. Ты ему будешь о голодающих — а он тебе о рае да о том, какие там красавицы тебя поджидают. Или о душе будет толковать, так что голова пойдет кругом...

«Правильно! Все правильно! — думал Дехканбай. — А я-то...»

— Вы что, отец, сюда подслушивать пришли? — рассердился часовой. — Идите подальше, подождите там!

— Э-э, ты молодой еще, вот и боишься, что там секреты расскажут. Какие там секреты? Там то говорят, о чем на площади надо кричать. Чтобы такие глупцы, как я, глаза шире раскрывали... Да сами видели что к чему...

Часовой внимательно посмотрел на старика, потом перевел взгляд на окно.

— Ладно. Некогда мне тут сидеть. Пойду пройдуся. И ты, если что заметишь, отец, крикни. Сам понимаешь — все-таки осторожность не повредит.

Дехканбай плотнее закутался в халат, но все равно его била мелкая дрожь. Чтобы согреться, прошелся туда и обратно — от крыльца до окна и назад. Потом снова прислушался. Говорили о другом, но Дехканбай снова наярнул слух:

— У Нурмата-курбаши свыше восьмисот человек в банде. Оружия достаточно. Пулеметы из-за границы получили. Через перевалы снабжают их оружием. Где-то в горах есть тайник — склад оружия. Наши люди не дают новых сведений. Видимо, перевалы завалило снегом и преодолеть их нельзя. К тому же население запугано басмачами. Некоторые предпочитают молчать, даже если и знают что-то. А некоторые — лишь бы пережить тяжелые времена. Сидят, как мыши в норе.

У Караганова сейчас и голос, и лицо другие — суровые, а глаза кажутся усталыми, измученными. Дехканбай внимательно смотрел на него. Сможет ли он понять, какая беда свалилась на их семью, захочет ли помочь?

— Нужно узнать, у кого из баев есть излишки зерна, где находятся запасы сена...

Часовой вернулся, озабоченно огляделся вокруг.

— Ночь скоро кончится, отец. Вы говорите, дочь у вас в беде? И все равно зря вы здесь стоите. Сколько забот у командира! Слышите, они еще и не думают расходиться!

А может, уйти? Какой, в самом деле, совет могут дать ему эти молодые, жизни не видевшие люди? Если сам он так сплеховал. . .

Вспомнилась мудрая сказка, из тех, что рассказывают в долгие зимние вечера и которые любят слушать не только дети, но и взрослые, потому что мудрость, в ней заключенная, для всех.

Как-то лиса хотела перебраться через ограду, потому что ее преследовали собаки. Она ухватилась за ветки терновника, и сразу же в лапы вонзились острые колючки, и чем больше лиса пробовала вырваться, тем больше колючек впивалось в ее шкуру. Еле-еле успела лисица перекатиться через ограду и там, выдергивая колючки, принималась на чем свет стоит ругать терновник.

— Ты сама виновата, — отвечал ей терновник. — Нашла к кому обращаться за помощью! Ты хотела ухватиться за то, что само каждого хватает!

Вот так и он, Дехканбай, хотел ухватиться за такой терновник, но только понапрасну изранил свое сердце и теперь стоит, с тревогой думая, как защитить свой дом и свою семью. . .

Дехканбай упрямо ждал. Не может быть, чтобы ему не помогли! Даже часовой, которому он и сказал-то два слова, чтобы пройти к командиру, и тот наконец понял, какое у него важное дело. Наконец, когда посветлели — едва заметно — темные очертания гор, совещание в кишлачном Совете закончилось. Дехканбай ушел за дом, прижался к стене — чтобы никто не знал о его посещении, всяко бывает! — и только тогда постучался.

— Кто там? — Караганов взялся за револьвер.

— Я. . .

Голос слабый, дрожащий. Караганов отворил.

Только войдя в комнату, Дехканбай почувствовал, что он весь закоченел. Он ступил шаг, покачнулся. Караганов подвинул ему стул. Дехканбай неловко сел, поджав правый сапог, перевязанный веревкой.

— Как вас зовут, по какому делу пришли? — удивленно спрашивал Караганов.

— Дехканбаем зовут, я местный. Пришел со своей заботой, с бедой своей. . .

— Говорите, Дехканбай, что у вас за беда?

— Командир, сынок, помоги мне! Не откажи в просьбе! Дочке моей, единственной, не дай погибнуть!

— Отец, говорите яснее. Кто вашей дочери угрожает?

— Чулпан мою... Я сговорил ее за сына старого моего друга. Парень хоть куда! Живут они за перевалом, зима, сами знаете, какая нынче. Хотели весной свадьбу делать. А сегодня приходил ко мне сватать Чулпан сам Башар-палван. За курбаши...

Караганов вскочил, сразу кликнул часового:

— Вернуть Хакимджана! Дело, я вижу, серьезное...

И снова сел. Лицо его еще более посуровело, глубокая складка на лбу как будто стала еще глубже.

— Вы говорите, Башар-палван в кишлаке? Где же он скрывается, как вы думаете?

Дехканбай поперхнулся. И тут же снова обрел голос:

— Где же еще? У Пирмата Максума... Не видел его, но слышал. Кашляет он, как лиса, — мелко-мелко...

Вошел встревоженный Хакимджан. Поздоровался с Дехканбаем, присел у порога.

— Что же вы ответили?

— Что я могу отвечать? Сказали, что придут в среду. Через два дня. Я и у Пирмата Максума совета просил, да ведь он, как вы сами говорили, хитер. Запутал меня... Прошу вас — дайте мне охрану, помогите довести Чулпан к жениху!

— Перевалы завалены, там не пройти!

— Я пройду! Знаю места. Аллах мне поможет!

— Если сами себе не поможете... — Караганов оборвал речь, глаза его стали грустными. — А девушка красивая?

— О-о!

— Красивая... — подтвердил Хакимджан. — Зря ее в чужой кишлак отдаете. Разве здесь женихов мало?

Дехканбай насупился:

— Дочь — моя. Я ею распоряжаюсь!

— Вот видите, — улыбнулся Хакимджан. — Вроде бы все понимает, за помощью к нам пришел, а все равно вон как говорит. Тяжело работать с ними, ох как тяжело!

— Так что же, уважаемый командир? Что вы скажете? — Дехканбай умоляюще глядел на Караганова.

— Конечно, лучше бы его схватить в среду. Может, он не один зайвится... — думал тот вслух.

— Нет-нет! — испугался Дехканбай. — Только не у

меня! Что вы! А если они раньше придут? А если Пирмат Максум узнает?

Снова спина его почувствовала холод старой орешины. Слезы поползли по его сморщенному лицу.

— Башар-палвана надо брать сегодня, — заявил Хакимджан. — До среды он нам тут успеет дел наделать... Сейчас же брать! И старика надо отправить сегодня. С кем-то из наших. Может быть, действительно он пройдет через перевалы. Сам знаешь, Николай, какое сейчас положение.

Караганов задумался. Складка над его бровями казалась каменной.

— Правильно, у нас сейчас почти никаких данных нет. Тогда надо брать кого-то из лучших наших парней. Пошлем со стариком и его дочерью. А ты не обманываешь?

Дехканбай впервые за этот день прямо поглядел другому в глаза:

— Нет, не обманываю я. Сам убедишься, если пойдешь в дом Пирмата Максума. Если лису как следует обложить — выкуришь из логова...

— Хорошо, отец. Даем тебе лучшего нашего джигита. Больше, извини, дать не можем. Людей у нас маловато. Ну, он один пятерых стоит. Так говоришь, кишлак этот через два перевала? Тогда вам нужно отправляться сейчас, пока не рассвело. А хозяйке строго-настрого накажи молчать. Куда и зачем поехали — чтобы ни одна душа не знала. Все понял?

— Спасибо тебе, сынок... Спасибо! Лошадь мне, если можешь, одну дай — для дочки. Отдам джигиту, назад приведет, если что со мной случится.

— Дочка ваша верхом ездить умеет?

— А как же! Вашим джигитам не уступит! — с гордостью ответил Дехканбай. — А охотится как! — Сказал — и испугался: не перехвалил ли свою Чулпан, не задумает ли чего красный командир? Вон он какой молодой! А таких девушек, как Чулпан, не на каждом шагу встретишь.

Караганов как будто прочел его мысли. Лицо его стало озорным, мальчишеским, он хлопнул Хакимджана по плечу:

— Ну что, отпустим такую девушку или возьмем к себе в отряд?

Дехканбай понял шутку, от души у него отлегло.

Опять удивился — до чего же еще молодой этот Карганов, а уже командир!

— Ну что — вместе с дочерью подъезжайте к нашей казарме. Нет, лучше подойдите. А лошади... да, у вас же одна лошадь! — за собой ведите. И копыта какими-нибудь тряпками окутайте. Договорились.

Лицо его стало опять суровым и озабоченным.

— А ты, Хакимджан, достань мне халат и шапку. Да и сапоги местные. Не пошлем же мы Джурабека в горы в красноармейской форме! И самое главное — отбери десяток самых храбрых комсомольцев. Я чувствую — у этой лисы есть тысячи лисьих ходов...

Едва засинели черные абрисы гор, Дехканбай вместе с Чулпан стоял возле казармы. Тихо было в Багидарье, только изредка взлаивала собака да глухо шелестел ледяной крупкой неукротимый ветер. Но теперь Дехканбаю жарко: нет-нет да и вглядывается он в ту сторону кишлака, где стоит дом Пирмата Максума, словно ждет, что оттуда выскочит желтоглазый Башар-палван. Застегивая пуговицы старого халата, из казармы вышел сонный джигит. Шапка скрывала его лицо, но Чулпан встрепенулась, вглядываясь в подходившего. Дехканбай опешил — перед ним стоял тот самый парень, что еще сегодня беспечно переглядывался на базарной площади с Чулпан. Гляди-ка, как распоряжается судьба! Теперь от него, этого молодца, будет зависеть жизнь и его, и дочери...

— Ну что, двинемся? — джигит тоже встрепенулся, сонные его глаза враз стали веселыми, как только он узнал Чулпан. — Вот, оказывается, кого самому курбаши сватали. Да, умеет выбирать курбаши!

— Поехали, поехали, вот-вот рассвет нагрянет! — поторопил его Дехканбай.

Тревога охватила его еще больше. Нелегко иметь такое сокровище, как Чулпан, надо скорее добраться до жениха. Невиданное дело — жених и вся родня знать не знают о таком подарке! Как-то посмотрит на это мать Арсланбека — строгая, властная Гюльджамал? Но делать нечего. Даже если и несдобровать ему по возвращении, все равно будет знать — Чулпан в надежных руках. Да к тому же в кишлаке стоит красный отряд, а если возьмут Башар-палвана, исчезнет грозная опасность: не до Дехканбая будет «правой руке» курбаши...

Ехали торопясь, с тревогой глядя, как розовеет небо над дальними горами. Лучше всего ехать бы ночью, но

лошадь незнакомая, да и джигит, видно, не знает гор.

— Как зовут тебя? — громким шепотом окликнул его.

Тот оглянулся, блеснул глазами на Чулпан, засмеялся:

— Джурабеком меня зовут. Только я не бек, простой парень, дехканин. . .

Дехканбай молча кивнул, опять рассердившись на парня. Несерьезный какой, чему-то смеется. Разве до смеха в такое время? Сзади, в кишлаке, хлестнул выстрел. Вот еще, еще. . . Завязалась перестрелка.

— Ого, да там что, целый отряд? — озабоченно оглядывался назад Джурабек. — А жаль, что командир приказал другое. Как бы я их сейчас из теплых щелей выкуривал! Толстопузых!

— Не любишь баев? — зазвенел голос Чулпан.

— А кто их любит? Они — люди, а мы — пыль под их ногами. И так было всегда. Все лучшее на земле — им!

Какая-то боль чувствовалась в этих словах. Чулпан не посмела расспрашивать. Дехканбай, замыкая шествие, молчал, внимательно вглядываясь в предрассветную дорогу. Она вела все выше и выше, скоро тропа станет непроходимой, и для этого нужно беречь все силы. А их у него не так много осталось. . .

Восход разгорался дымным малиновым заревом. Ветер утих, уступая место морозу. Чулпан то и дело зябко поводит плечами. И так надела все теплое, что было в доме, — а поди же ты, мороз пробирает до костей. На лошади ее навьючены две переметные сумы, где спрятаны все ее нехитрые девичьи наряды. Не слишком толстые эти сумы. . .

Скалы толпятся, все теснее сдвигают каменные плечи. Непривычный человек глянет вниз — голова закружится: едва видно дно на страшной глубине. А сверху грозно нависают каменные карнизы, кажется, вот-вот свалится прилежший на склоне валун. Чего только не повидали эти скалы на долгом своем веку! Всякий ли путник мог преодолеть крутизну, избежать опасностей, что таится за каждым поворотом тропы? Кто знает, суждено ли им троим доехать до цели, или никогда не вырвутся они из безмолвного каменного плена?

Молчат скалы. Проходят века, нерушимо молчание природы, не разгаданы тайны времени. . .

Когда в полдень, торопясь, доедали лепешку, Дехканбай тревожно прислушался. Потом лег на землю, приложил ухо к валуну, на котором они сидели:

— Словно топот какой-то... Кто бы это мог быть?

— А может, командир переменял свой приказ? Может, ему там сват все рассказал, вот и не надо уезжать из Багидарьи?

Дехканбай заметил, как радостно встрепенулась Чулпан при этих словах Джурабека. Но сердце его охватило предчувствие недоброго.

— Нет, это не наши.

Мельком успел подумать: как много переменялось со вчерашнего утра, теперь «наши» — эти вчера еще непонятные и далекие от него ребята.

— Надо ехать!

Он торопливо встал, посадил Чулпан. Ослепительный морозный день зажег ее щеки огнем, еще большими стали черные, тревожные теперь глаза. И все же свет этих глаз словно стал еще лучистее, — может быть, это от большой мужской шапки, делающей лицо Чулпан неузнаваемым?

Все время он оглядывался назад, а потом подгонял Джурабека. Но тот ехал медленнее, чем хотелось Дехканбаю. А может быть, это просто казалось?

Дорога поднималась все выше. Меж тем клочья облаков, висевшие над вершинами, распушились, расползлись, белой пеленой закрыли самый высокий пик. Подул ветер, погнав стаю туч, сбивая ее все плотнее. Что же, этот ветер может быть спасением. Он или заметет следы, или пригонит дождь — и тогда можно отсидеться, спрятаться в пещере... Но кто же скачет сзади?

Он оглянулся в который раз. Туча, что зацепилась внизу за край валуна, расступилась. Три всадника там, в нескольких переходах! И это не красноармейцы! Мохнатые шапки то и дело поворачиваются, — значит, они тоже боятся погони, тоже убегают! Уж не Башар ли палван один из них?

Впереди, в двух часах езды, пещера. Она сбоку от тропы, ее не каждый знает. Во всяком случае, в ней можно отстреляться от трех всадников. Три на три — это не так уж страшно. Если, конечно, впереди не ждут новые враги. Конечно, Чулпан девушка, но и у нее за плечами охотничье ружье, и она, если надо, сможет помочь в бою. Если это Башар-палван — бой неизбежен.

Мокрый снег повалил с такой силой, что совсем ослепил трех всадников. И все же Дехканбай помнил, что пещера должна быть возле этого могучего, похожего на шапки красноармейцев, валуна. Почему же там, где

должна быть пещера, теперь только беспорядочное нагромождение скал? Наверное, это обвал. Да, конечно же. Изломы скал искрятся, еще не источенные непогодой и временем. Что же, надо ехать дальше, к перевалу.

Дехканбай очередной раз прислушался — стук копыт как будто приближается. Те, сзади, едут быстрее... Встречи не миновать.

И все же, когда сзади, из мутной пелены облаков, вынырнули всадники, Дехканбай сначала не поверил своим глазам. А он-то рассчитывал доехать до перевала! Там, за перевалом, еще может быть спасение. Здесь же тропа единственная, на ней не разминуться.

— Сто-ой! — закричали сзади.

«Узнали, значит! — подумал Дехканбай. Раздался выстрел, но пуля еще не долетела. — Ничего, они еще до нас доберутся! Обязательно доберутся, если...»

— Если здесь же не дать им бой... — Это проговорил Джурабек. — Ну что, отец? Или мы, или они. Так ведь? У нас позиция лучшая, мы сверху.

Уже темнело. День в горах короток. Особенно когда он нужен, день. Тучи казались липкими и тяжелыми, они клочьями висели на руках. Плечи, казалось, тоже наполнила тяжелая, тупая усталость. Но это продолжалось недолго. Дехканбай сбросил с себя оцепенение. Он коротко распорядился:

— Джурабек, ты держись вот за этой скалой. Стреляй мало. Целься лучше.

Он осмотрел нависшие над ними скалы. Кажется, они крепки. Обвал здесь вряд ли произойдет. И все же место для Чулпан он выбирал особенно тщательно.

— Здесь, — указал ей маленькую впадину, надежно огражденную с трех сторон.

Чулпан повиновалась молча, глаза ее были спокойны, и он взгляделся — правда ли она не боится или тщательно скрывает страх? А вот его, Дехканбая, сердце было беспокойно. Еще раз взглянул на дочь. Для чего создана красота? Неужели для того, чтобы быть добычей жадных и злых людей? И как она недолговечна, как быстро отцветает; и не уберечь ее ни от злого глаза, ни от пули...

Второй выстрел ударил неожиданно и совсем рядом. Да, Башар-палван умелый воин. Он не стал подниматься по тропе, где стал бы мишенью, но пробрался, видимо, ползком. Дехканбай был уверен, что ехал за ним не кто иной, как его вчерашний сват. Он не сводил глаз

с камня, из-за которого раздался выстрел. Но там было тихо, и казалось, что не было никакого выстрела, не было всадников, неуклонно нагоняющих их целый день. Вокруг были только безмолвные горы. Безмолвные? Новый выстрел ударил о камень, из-за которого, наверное, он неосторожно высунулся. Вот вскинул винтовку Джурабек, — значит, подкрался и второй.

— Чулпан, смотри не прозевай! — шепотом приказал он дочери.

— Эй, старик! — донесся до него знакомый голос. — Вам некуда скрыться. Впереди наши. Выходи! Тебе сохраним жизнь. И дочери твоей нечего бояться. Ну!

Злоба, со вчерашнего дня обжигавшая Дехканбая, заслонила перед ним мир. Не помня себя, он закричал:

— Ты, вонючий шакал! Ты не получишь мою дочь! Ты и твой курбаши! Шакалы!

Пуля ударила возле виска, брызнули осколки камня, впились в лицо Дехканбая. Струйки крови потекли по лицу. Он опомнился, перевел дыхание, левой рукой сгреб немного снега, вытер лоб и щеку. Темнота клубилась вокруг, влажное ее дыхание было угрожающим. Басмачи, пожалуй, могут подползти незаметно. В горах началось таяние, шуршит, оседая, снег. Разве можно что-то углядеть и услышать среди клубящихся туч? Жалость к дочери снова охватила его. И парень ведь совсем молодой, неужели придется ему здесь, среди камней, оборвать свою тропу жизни? Нет, это удел тех, кто пожил свое, кто знает цену жизни и всем ее убогим радостям...

— Джурабек, прикрой меня! — зашептал он в темноту. — Мне надо с тобой поговорить...

Он полз, боясь поднять голову. Теперь нужно быть осторожным, очень осторожным!

Джурабек выстрелил, стон раздался из-за камня. «Молодец, джигит, метко стреляет!» — с одобрением подумал Дехканбай. Последние метры он полз быстрее, обдирая руки о ледяши.

— Сын мой, вам с Чулпан нужно уходить! — проговорил он, отдышавшись. — Сейчас темно, а я остаюсь на тропе. Такой камень, как я, нелегко обойти. А вы... Запомни хорошенько. Там, где увидишь скалу, похожую на льва, — это через четыре поворота, — нужно протиснуться между скалами к ручейку. Оттуда, если подняться наверх, есть маленькая тропа. Там сейчас мало снега — тает в горах; даже если басмачи станут вас нагонять, про эту тропу они не знают. Смотри, чтобы они не

устроили тебе засаду спереди. Доверяю тебе Чулпан. Смотри не обидь ее. Дай мне слово джигита. Что бы ни случилось... Ее нужно привезти в дом жениха... Я дал слово...

— Отец, не беспокойтесь! Я с жизнью прежде расстанусь, чем с честью! Верьте мне!

— Пока не скроетесь за поворотом, ползите, как ящерицы! Не оглядывайтесь! Обо мне не думайте: захочет аллах, останусь на этом свете, нет... Ну, да ладно!

За черной громадой камней раздался шорох — Дехканбай выстрелил, заторопил Джурабека:

— Быстрее, быстрее собирайтесь! И коней берегите. Боюсь, как бы они нас не обошли, не захватили лошадей. Торопитесь! Жаль, что я не прощаюсь с Чулпан, не взгляну на нее. Темнота... Так помни — ты мне дал слово джигита!

Джурабек неслышно скрылся в темноте. Оттуда, где была Чулпан, раздался плач.

— Отец, как же так? Я с вами!

— Молчи, Чулпан! Ни одного слова больше не хочу слышать! Теперь Джурабек за тебя в ответе, — громко шептал в темноту Дехканбай, боясь, что услышат враги. — Делай, что он велит!

Плач затих, и через минуту раздалось тихое:

— Прощайте, отец! Я буду вас ждать.

— Прощай, дочка! Прощай, свет глаз моих.

«Самая большая моя радость на этой земле», — хотел сказать Дехканбай, но промолчал. Глаза его не отрываясь глядели вперед — не до слез воину, не до прощания, если смерть глядит на тебя в упор, не отрываясь. Если уж она пришла сюда — надо хотя бы ее перехитрить, не допустить до себя ровно на такое время, какое нужно дочери и Джурабеку, чтобы забраться наверх, на тайную тропинку, известную только охотникам.

На мгновение в серой, непроглядной тьме блеснула звезда, — наверное, разошлись тучи. Неужели это последняя звезда в его жизни, которую аллах, по своей великой милости, послал ему как последний подарок? Взамен ясных глаз Чулпан, которых он так и не увидел напоследок...

Сзади послышался топот, и тотчас же пули яростно жужжали вокруг. Понял Башар-палван, что добыча уходит из его рук, и потому обычное спокойствие ему, как видно, изменило. Да! Наверное, его глаза блестят сейчас, как у тигра, у которого из зубов внезапно вы-

рвали кусок мяса. Забыл, наверное, и стихи, которые он так любит цитировать. Теперь вспомнилось, что Ширмаг Максум хвалил Башар-палвана, говорил, что он знает всего Абу Нуваса. Вот уж кому пристала любовь к стихам — Башар-палвану, убийце Айбека, который обездолил доброго старого Мирзакара, вырвав у него сердце. Наши дети — это наше сердце. И на его, Дехканбая, сердце замахивается сейчас этот тигр. Хочет затоптать его так же, как он топтал тогда, когда совал в халат золотые монеты, дразнил, глядя, как туманятся глаза у бедняка!

Он отвечал на выстрелы осторожно, напрягая слух, вздрагивая от предательского теперь шуршания сползающих в бездну языков льда. И все же, когда опять пошел снег — колючий, безжалостный, — не смог услышать, как, огибая слева тяжелый валун, скользит по неразличимым в темноте камням человеческое тело, налитое злобным нетерпением. Дехканбай выстрелил в последнюю секунду, когда под ноги ему пружинисто бросился человек, и пуля бессильно прочертила в небе бесполезную свою трассу, а потом звякнула, где-то далеко падая вниз, — больше винтовка Дехканбая не заговорила...

Чулпан плакала, обхватив голову руками, скорчившись у стены узкой, длинной пещеры, открытой Джурабеком по совету Дехканбая. Джурабек хмуρο распрягал лошадей, потом, достав им сена, вошел в пещеру, приказал:

— Плакать некогда. Сложи-ка лучше ветки, видишь, здесь немного осталось от прошлого костра. А я пойду поищу еще дров. И переоденься, а то заболешь. И так вся мокрая.

— Я тоже хотела бы умереть! — рыдала девушка. — Отец, зачем вы меня оставили?

— Что ты, девушка, себе вбила в голову: «оставил, оставил»! Он еще нас нагонит. Твой отец ведь охотник? Ну вот! Он перехитрит басмачей!

Утешал, хотя знал — Дехканбая, наверное, нет в живых. Тихо в той стороне, откуда приехали, давно уже не слышно никаких выстрелов. Но жалко девушку — плачет, не переставая, не думая ни о чем, хотя платье ее, в котором ползла по ледяным камням, наверное, вымокло и небось разорвалось.

Он вышел. Надо собрать дров и подумать, как развести огонь в пещере, чтобы пламени не было видно издалека. Нельзя сейчас зажигать огонь, да ведь, если не персеодеться, не высушить одежду, как завтра ехать? Собирает траву и тонкие ветки возле пещеры осторожно, ощупью. Прикидывал, надолго ли задержал Дехканбай погоню. И решил рискнуть: тропа эта тайная, высоко, внизу ее вряд ли заметишь, тем более что тучи окутали все вокруг, как плотное покрывало. Удивительно, как они только взобрались наверх. Едва не прозевал скалу, похожую на льва, хотя и до сих пор глаза болят от нечеловеческого напряжения. Но есть, наверно, в человеке непонятные ему самому силы. Иначе откуда бы у Чулпан, тонкой, нежной девушки, взялась та споровка, с которой она ночью карабкалась наверх, таща за собой усталую лошадь, когда каждая минута могла принести с собой гибель? Неудивительно, что у нее даже встать сил не осталось. Душу его наполнила внезапная нежность. Не слишком ли сурово он заговорил с ней? Конечно, сейчас надо думать прежде всего о собственном спасении, но ведь это не солдат, привыкший к опасности и смерти, неудивительно, если смерть отца так потрясла ее. И он вернулся в пещеру с твердым намерением говорить с ней поласковее: ведь сейчас он остался у Чулпан вместо отца...

Но когда слабый огонек начал разгораться, он снова увидел лицо девушки и почувствовал, как робость сковала ему язык. И заплаканная, до чего она была хороша! Сидит, безучастно глядя на огонь, выставив белые, точеные руки, и в больших черных глазах ее пляшут острые язычки пламени, а ресницы бросают на лицо темную мохнатую тень. Счастливый тот, к кому ее везут! Видел ли он хотя бы раз девушку, знает ли ее? А ведь он, Джурабек, видел, как, откинув с лица густую сетку чачвана, она стреляла по приближающимся врагам, и в глазах ее не было страха, одно лишь отвращение. И ему пришла в голову неожиданная мысль: да, тяжелы времена, когда девушке приходится брать в руки ружье и сражаться с мужчинами! Впрочем, разве мужчины те, кто подкрадывался к ним из-за камней? Волки они. А она — лань. Но лань беспомощно убегает, а Чулпан может, не дрогнув, сама защищать свою честь. И все-таки она всего лишь слабая девушка. Как милы ее босые ноги, что выглядывают из-под тонкого платья!

— Согрейся хорошенько... — сказал он смущенно.

Она, видимо, уловила его смущение и, вспыхнув, оглядела себя. Поджала ноги.

— Не бойся меня! Я теперь тебе как брат!

— Правда? — она спросила доверчиво и печально. — Жаль, что у меня нет брата. Все умирали, только я одна осталась. А у тебя есть сестра?

— Была...

— Была? А где она сейчас?

— Где? Умерла от тоски. Хочешь знать, почему я в красный отряд ушел? Сначала потому, что хотел мстить. Ведь мою сестру, как вещь, забрали за долги. Как она плакала, как умоляла меня заступиться! А что я мог? Что? Тот, кто ее забирал... Он был грязный, отвратительный старик, с вонючим ртом. А она... Как тюльпан весной, в самые первые часы, когда он раскроет свои лепестки. Как ты... — Он опять смутился, густо покраснел, стал усиленно ворошить затлевающие угли костра.

— И что же потом с ней случилось?

Чулпан тоже не глядела на него. Случайно их глаза встретились — оба враз опустили их.

— Потом? Как обычно. Женщина или привыкает, считает, что такова ее доля, или... Сходит с ума, умирает... Мне сказали, что моя сестра умерла от простуды. Но я знаю, что умерла она от тоски... Она ведь была нежная, как настоящий тюльпан...

— Если бы меня выдали замуж за такого вот старика, я бы умерла тоже...

— На Кавказе, я слышал, вообще часто крадут невест, — сказал вдруг Джурабек, отводя глаза от Чулпан.

— Как это — крадут? — встрепенулась девушка. — Как куль с зерном, что ли?

— Да нет! — улыбнулся Джурабек. — Там крадут только тех, кого любят. Кавказцы — смелые, ловкие. Посадит джигит девушку на коня и в горы — а там нищи их!

— Интересно как! — вырвалось у Чулпан неожиданно для нее самой.

— Для кого интересно, а для кого — это жизнь... Вот хотя бы мой друг Шота... не отдавали за него любимую, он взял и увел ее...

— А если девушка не согласна?

— Если не согласна, то красть ее никто не будет, — сказал нехотя Джурабек. — Крадут, только когда она сама этого захочет...

— Зачем же ее красть, если она согласна стать женой?

— Но ведь бывает, что родители против, у них свой выбор, свой жених... Вот как у тебя...

— У меня?

— Конечно! Ведь ты не знаешь своего жениха, никогда не видела его: может, он старый, кривой на один глаз или еще чего-нибудь...

— Нет. Он молодой. Отец бы мне не выбрал старика. Потому он меня и увез!

— Но ведь все равно ты выходишь замуж не по любви. Это, конечно, не одно и то же, но сейчас, я знаю, и у нас — только в городах, внизу, на равнине, — девушки тоже начинают соединять свою жизнь с тем, кого они любят.

— Любят, любят... Я много об этом слышала. Рассказывали об этом как о чуде. Но это же сказка. А у нас, в горах, жизнь суровая. Сказки не для нас. Особенно для бедняков.

— Все люди равны. У всех кровь одинаковая, красная. Это я уже хорошо знаю!

Чулпан лишь взглянула на него, хотела что-то сказать, но не осмелилась.

В пещере стало тепло. Одежда, завешивающая вход, курилась; уютно было возле желто-алых угольков костра; только там, у входа, свистел ветер.

— Нам придется спать по очереди, Чулпан. Сначала ложись ты. — Она испуганно взглянула на парня. — Не бойся меня. Ты ведь мне веришь?

— Верю.

Она проговорила это с некоторой запинкой, но потом повторила тверже:

— Конечно, верю. Если можно, подежурьте сначала вы. Я боюсь, засну... как это? Да, на посту...

— Ну, конечно! Поспи. Когда рассветет, будет легче. Издали будет все видно. Да и огонь уже затухает, так что никто нас не заметил пока. Ну, спокойной ночи!

Звезды замигали над головой, острые и крупные. Холод пронизывал до костей. И все же Джурабеку показалось, что пахнет весной, пахнет чуть заметно, но явно. Как будто где-то лопнула первая почка чинары, и холод не может заглушить этот робкий призыв весны, тепла, света. Какая долгая зима! Он почувствовал, что

ему не хватает дыхания. Что это? Неужели растревожил этот робкий запах, этот вестник надежды? А может быть, оттого, что в двух шагах от него спит девушка с огромными черными глазами, которые смотрят на мир так доверчиво — и вместе с тем они уже знают горечь утраты, в них уже поселилась боль. Почему от этого так больно на душе? Девушки, наверное, не должны плакать от горя. Пусть их глаза туманятся слезами счастья...

Джурабек не заметил, как порозовели вершины гор и их контуры стали четкими, словно вырезанными на бледно-желтой кости. Пора будить Чулпан, к сожалению, ему тоже нужно поспать хотя бы два-три часа. Впереди еще долгий путь, опасный перевал — рядом. Пройдут этот, останется только один перевал, а там и кишлак, где живет жених Чулпан. Какой он, интересно? Будет ли Чулпан счастливой?

Он осторожно вошел в пещеру, тихо подошел к девушке. Она спала, прижавшись к хурджуну¹. В изголовье у нее лежала винтовка. Брови были страдальчески сдвинуты, — как видно, Чулпан и во сне не могла успокоиться. Он нехотя окликнул:

— Вставай! Девушка, вставай!

Она испуганно вскочила. Минуту глаза ее смотрели на него изумленно, словно не узнавая. Потом улыбка появилась на губах и все лицо словно расцвело.

— Ой, это вы! А мне снилось, что ко мне протягивает руки Башар-палван!

— Не бойся, сестра. Отрубим ему эти руки!

Сказал «сестра», и в глазах у нее снова появилось то доверчивое, наивное, что так запомнилось ему при первой встрече. Она хотела снова накинуть на лицо чачван, он попросил:

— Если можно, не надевай этой сетки. Хорошо, что в городах теперь все больше и больше отказываются от паранджи.

— Почему?

Он запнулся. Хотел ответить и не смог. И сам обругал себя. Только что ведь назвал ее сестрой, почему же чуть не сказал: «Чтобы людей радовала такая красота!»? А Чулпан смотрит на него так, словно поняла, какие слова он так и не произнес. И тут же она поднялась, затропилась:

— Да, пора мне тоже сторожить! Ваш сон!

¹ Хурджун — переметная сума.

Поспешно надела на себя халат, поправила клочья ваты, которые вылезли на полах — вчера много ползти пришлось обоим! — и обернулась:

— Видите, отец не пришел. Очень прошу вас: будете возвращаться, осмотрите то место! Вы один его помните! Мы никогда вас не забудем. А мне, вы же знаете, нельзя схать! Обычай...

— А разве твои родственники не поедут искать отца? Я бы мог вместе с ними все сделать.

— Сейчас такое время, сами знаете. Опасно. Не могу же я их заставить. Вот если бы меня отпустили! Может быть, поедут, а может быть, и нет. Кто знает! Такого, как мой отец, больше не будет. Если бы вы знали, какой он был добрый! Даже если я поднимала чачван, и то не ругал меня. Говорил: «Она у меня охотник, где ей за кекликами охотиться в парандже!»

Джурабек не успел ответить — Чулпан исчезла за хурджуном, тоже повешенным у входа, чтобы заслонить временное жилище от холода. Он немного повозился, устраивая себе ложе, и — не успел коснуться изголовья — уже крепко спал...

Утреннее солнце расплавало снега на склонах холмов, зажурчали потоки талых вод. Только здесь, наверху, снег словно навечно въелся в скалы. Копыта у лошадей скользили по обледеневшим валунам, чтобы через несколько шагов увязнуть в огромном сугробе.

Джурабек спешился, пошел впереди, проваливаясь чуть ли не по пояс. Казалось, впереди нет пути. Сошла с лошади и Чулпан. Вдвоем они прокладывали тропу, а обессилев, снова сядились на лошадей; те, с усилием сделав несколько судорожных рывков, опять проваливались в снег.

Перевал они одолели к сумеркам. Когда пред ними открылась долина, они не поверили глазам: внизу царил весна, снег лишь кое-где лежал струистыми, причудливыми узорами. Тонкий и свежий аромат весны сюда, в заоблачные горные вершины, не доходил, и то, что они видели, казалось миражем — такой видит путник, заблудившийся в пустыне. Невольно они одновременно перевели глаза назад: суровые, величественные горы дышали отрешенностью и грозной красотой. Не верилось, что трудный перевал преодолен. Последние часы они провели словно во сне. Чулпан все чаще падала в снег: «Отдохну совсем немножечко, не трогай меня!» — а он,

попкая ее и жалея, тем не менее безжалостно поднимал — нельзя было терять ни минуты, ночью перевал будет непроходимым. Чулпан поднималась, с закрытыми глазами снова брела вперед, держась за лошадь. Даже когда прямо перед ней дрогнул и, увлекаемый лавиной, загремел вниз гигантский камень, она не испугалась: стояла, смотрела прямо перед собой. Джурабеку показалось — она тоже падает. Он метнулся к ней по глубокому снегу, схватил за плечи:

— Чулпан!

Девушка взглянула на него затуманенными глазами, ничего не сказала. Он крепко сжал ее плечо, словно хотел передать ей свою волю:

— Ты погибнешь, если будешь... вот такой! Соберись! Осталось чуть-чуть! Слышишь?!

— Чуть-чуть? — она как будто издали прислушивалась к его словам. — Правда?

— Правда! Обещаю тебе! Еще немножко! Ты же умница! Ну!

Он как будто подстегивал ее словами. Она медленно вздохнула, словно просыпаясь, и жалобно сказала:

— Голова кружится...

— Ты сиди на лошади, я сам! Ты только сиди, держись!

Джурабек чувствовал, что в него, как в сказке, вселились новые силы. Он опять упрямо пошел вперед, протаптывая лошадям дорогу, а руки его все еще чувствовали хрупкие плечи Чулпан. Конечно, он боец, ему дан приказ... а ей... Ей тяжелее всех. Наверное, думает о матери, которая осталась в Багидарье, об отце. Неудивительно, если нет у нее желания идти вперед. Все, что дорого, Чулпан оставляет там, сзади...

Теперь он глядел в расстилающуюся перед ним долину и чувствовал радость. Хотелось кричать, вскочить. Пройден проклятый перевал, пройден! Чулпан жива, щеки ее медленно розовеют, опять в них появляется горячий, влажный блеск, и, значит, не напрасны все их усилия, страдания! Не может быть, чтобы второй перевал был такой же страшный, как первый, ведь снег в горах тает, а, кроме того, разве хочется думать о втором перевале, когда внизу зеленеет трава, а облака над долиной — белые, теплые, словно вата, нет в них той липучей, серой тяжести, которая вчера едва не пригнала их к земле!

— Ну что, опять будем спать по очереди? — подмигнул он Чулпан.

Она глядела на него, словно не слыша его слов, а думая о чем-то своем. И лишь когда они расположились на ночлег в тесном углублении между скалами и он соби-
рался идти сторожить, девушка вдруг спросила:

— Джурабек-ака, вы, наверное, надо мной смеетесь?

— Я? Почему мне над тобой смеяться? — изумился он.

— Оттого что я такая слабая. Мне на перевале со-
всем не было страшно. Я только хотела упасть в снег и
остаться. Если бы не вы, все так бы и было. Выходит,
вы мне спасли жизнь. О, если бы вы знали, что я чув-
ствовала там, на перевале! Как будто надо мной накло-
няется какой-то огромный ледяной дэв и смотрит, смот-
рит на меня, а у меня отнимаются руки, ноги... хочется
упасть вниз лицом и ничего не видеть, не чувствовать!
Как вы думаете, есть в горах дэвы?

— Сколько воюю, а нигде дэвов не встречал — ни в
горах, ни в долине. И джиннов тоже. Видел только бо-
гатых и бедных. Впрочем, чем тебе Башар-палван не
дэв? Тоже подстерегает путников, чтобы выпить из них
кровь...

— Вы все смеетесь, а я говорю серьезно.

— И я серьезно. Спи, Чулпан. Пусть тебе в голову
не приходят никакие дэвы. Завтра у нас будет еще один
перевал. Последний!

— Последний... — как эхо, откликнулась девушка.
Она поглядела вслед статной фигуре Джурабека, легла,
накрывшись халатом. И все же, хотя она была измучена,
ей почему-то не спалось. — Джурабек-ака! — окликнула
она, немного поворочавшись.

— Что? — отозвался Джурабек.

— Вы меня сразу после полночи разбудите, а то вы
и так вчера всю ночь за меня сторожили... Обязательно!

— Хорошо, хорошо, разбужу. Спи! А то неизвестно,
не встретим ли мы завтра дэвов...

Недаром говорят, что в горах за день сменяются все
четыре поры года. Утром, когда Джурабек и Чулпан
отправились в путь, казалось, что вчерашние мучения на
перевале им только приснились. Весна была в разгаре.
Камни, тропа, склоны холмов — все золотилось в щед-
рых лучах солнца, а воздух казался бодрящим напитком,
который вливал новую бодрость и веселье.

На этот раз Чулпан ехала впереди. Посвежевшая после сна, она и вправду была похожа на горный тюльпан, что, подставив лепестки солнцу, словно хорошеет с каждой минутой. Губы ее все еще были суровы, но глаза смотрели на мир открыто, ясно. Нет-нет она оборачивалась, чтобы спросить о чем-то Джурабека, и в обращении ее были новые нотки, как будто вчерашний перевал породнил их, протянул между ними какие-то ниточки.

Спускаясь вниз, всадники заметили, что в лощине паслись олени. Прямо из-под ног вдруг вспорхнули кеклики, оперение их ярко вспыхнуло на солнце. Кеклики опустились на дальнем краю лощины. У Чулпан разгорелись глаза:

— Эх, была бы дробь, пять-шесть кекликов подстрелили бы!

— Теперь вспомнила, что охотник? — ласково пожурил ее Джурабек. — Вчера напоминал, напоминал, да ты и думать не хотела! Зачем тебе кеклики?

— Шашлык бы для вас сделала! Своими руками!

— А умеешь готовить?

— Еще как! Шампуры делала из веток. Отец хвалил!

Она словно споткнулась на слове «отец», и Джурабек, чтобы отвлечь ее, заговорил снова об охоте:

— Охота — приятное занятие. Только лучше бы нам подстрелить не кекликов, а оленя. Вот это мясо, и шашлык был бы настоящий!

— Оленей жалко. Они такие красивые, у них глаза совсем как у человека. Как будто все понимают, а говорить не могут.

— Зачем же тогда собралась стрелять кекликов?

— Птица мне кажется какой-то глупой, что ли. Олень — это совсем другое.

— Ой, Чулпан, ты рассуждаешь, как ребенок! Уж если жалеть оленя, тогда надо жалеть и кеклика. Вообще все живое. А в первую очередь человека. Правда?

— Вот и вы рассуждаете, как ребенок. Разве басмач — это человек?

— О-о! Да ты жестокая, Чулпан!

— Нет, я не жестокая. Но я бы застрелила... не пожалела бы ни капельки любого, кто бы на вас замахнулся!

Чулпан выпалила эти слова с горячностью и тут же,

испугавшись слов, что вырвались у нее внезапно, от полноты души, резко стегнула коня и понеслась вперед.

— Стой! Стой! — кричал ей вслед Джурабек. — Сломаешь шею, шальная!

Олени бросились в сторону, быстро скрылись за скалами. Джурабек догонял Чулпан, сердясь на нее и жалея. И еще какое-то новое, неизвестное волнение поднималось в его груди, а руки опять чувствовали, какие хрупкие, нежные плечи у девушки, так неожиданно возникшей на его дороге, полной опасности и тревоги, давно уже подчиненной только строгому распорядку жизни красноармейского отряда. Когда он догнал Чулпан, лицо ее было спокойным и слегка озорным.

— Вы, Джурабек-ака, не отсюда, то есть не из горного кишлака, а, наверное, из долины? — спросила она.

— Да, я недавно в горах, — признался Джурабек. — А как ты узнала?

— Да это сразу видно. И как вы, привыкли?

— Разве к вашим горам привыкнешь? От них только и жди всякой неожиданности. Но я не жалуясь. Да и наш командир, Караганов, на меня не жалуется. Вот только мне самому как-то непривычно здесь. Голые скалы. Все голое... А когда повыше поднимешься, так и вообще непонятно — неужели здесь кто-то живет?

— Ну что вы! Здесь много зверья! Есть на кого охотиться. Медведи, волки, лисицы, а горные бараны, а барсы! Всех не перечислишь. И растет много чего: сами видели, у нас в Багидарье какие сады. В горах тоже есть орехи, арча, тут вам и барбарис, и можжевельник. А знаете, как горит костер из терескена. Подложишь веток шиповника — и сразу в доме такой запах: кажется, пахнет летом, ягодами! Я издали могу отличить, из каких веток костер сложили. Только вы не думайте, что я хвастаюсь, вон вы как улыбаетесь!

— Да я и не улыбаюсь. Просто мне интересно слушать. Ведь мы же едем по «крыше мира», так называются ваши горы?

— Да, так говорят иногда. Только нам не придется подняться на самые высокие перевалы. А интересно было бы!

— Не боишься?

— Как вам сказать... Конечно, боюсь. Но мне суждено прожить долго, я знаю.

— Кто тебе это сказал?

— Мама. Она у меня очень многое знает. А может, просто хотела, чтобы я не боялась ничего.

— А как твоя мать относится к тому, что ты уходишь на охоту?

— Она бы не хотела. Но отец всегда говорит: «Неизвестно, что может со мной случиться. Хочу, чтобы моя дочь умела постоять за себя». Конечно, на барса я не пойду охотиться. Даже хороший охотник должен хорошо подготовиться, чтобы выйти один на один с ирбисом. Но на птиц, на кабаргу... Знаете, какая кабарга хитрая? Старается напасть на след преследующей ее собаки и сама бежит вслед за нею. Но зато если уметь ее приманить, тогда легко. Из коры сделаешь свистульку, позовешь — бежит... Даже жалко иногда. Но все же их у нас совсем мало стало. Раньше из них добывали мускус — знаете, красавицы в древности умащивали свои волосы мускусом. А сейчас в основном для мяса... О, я вам могу многое рассказать. Жалко, что дорога такая короткая. Ничего о наших горах не узнаете...

Ветер, незаметный вначале, окреп, порывами налетал на всадников. Все ниже нависали тучи, и все же ливень хлынул как-то внезапно, все усиливаясь, как будто над долиной опрокинулся гигантский чан. Русло ручья неподалеку мгновенно взбухло, по склонам понеслись потоки, выступая из незаметных щелей в земле. Мутная вода неслась по тропе, лошади начали спотыкаться. Если ливень усилится, их просто-напросто смоем вниз! Джурабек направил коня вверх, по скользким, точно намыленным валунам.

— Там навес. Переждем ливень!

Лошади тревожно прыдали ушами, отряхиваясь от воды, точно собаки. Джурабек и Чулпан едва втиснулись в небольшое углубление под скалой. Ливень не переставал, и Джурабек, измученный недосыпанием, — опять он разбудил Чулпан лишь под утро! — уснул внезапно, как будто упал в пропасть. Проснулся он тоже внезапно и вздрогнул: солнце клонилось к горам, дождь давно прошел и долина дымилась паром от еще непросохшей влаги.

— Что же ты меня не разбудила? Чулпан! — он с упреком глядел на девушку.

Чулпан сидела сбоку, возле камня, халат на ней тоже слегка дымился, длинные волосы были распущены по плечам, часть косичек уже заплетена, чачван лежал ря-

дом. В руке Чулпан держала гребень, расчесывала волосы.

— Зачем же мне вас будить? Вы так хорошо спали.

— Но нам надо вперед! Ведь впереди еще перевал!

— Перевал не убежит, — грустно сказала девушка, ловко отбросив косички за спину. — Он-то не убежит...

В ее словах был какой-то скрытый смысл. Джурабеску кровь бросилась в лицо. Чулпан не хочет с ним расставаться? Она не спешит вперед, в дом жениха?

— И все равно перевал нам придется переходить, — он поднялся, взметнул на лошадь хурджун.

— Да, придется.

Она быстро доплела косички, снова накинула на лицо чачван, теперь словно для того, чтобы Джурабек не смог прочесть ее мысли. Тронулись в путь молча, но только проехали несколько шагов, как парень резко дернул лошадь под узды:

— Что это там?

— Кажется, дым... — неуверенно ответила ему Чулпан.

— Это и так видно — дым. Но кто там? Уж не басмачи ли?

Там, впереди, при слиянии двух безымянных потоков, под деревьями курился дымок.

Неужели это те, кто перегнал их по нижней тропе и, не найдя следов, решил ждать во что бы то ни стало? Но, может быть, это стерегущие отару? Или охотники из ближайшего кишлака. И еще это могут быть рубщики, что продают саженьями дрова на базаре.

Сколько ни думай, а другой тропы нет. Горы вздымаются все выше, впереди они, кажется, достают вершинами до неба. Но как ни гадай — к перевалу мимо двух безымянных потоков не пройдешь. Значит, только вперед. Но выезжать на открытое место опрометчиво. Как ни жаль терять драгоценного времени, нужно разведать, кто впереди.

Они отвели лошадей в сторонку. Джурабек торопливо проговорил:

— Слушай меня внимательно. Сделаем так: ты останешься здесь. Вернешься снова на то место, где мы переждали ливень. Лошадей спрячем. А я пойду вперед. Если не возвращусь — видишь вон там слева, под самой горой, дома? Вечером пойдешь туда. Все-таки люди там. Не может быть, чтобы не помогли, не укрыли. Как-нибудь одолеешь перевал. А то и жених придет, заберет.

— Нет-нет, Джурабек-ака! Я с вами! Если умрем, вместе! Я боюсь одна!

— Тебе нельзя умирать, — сказал он это с нежностью, как будто новая опасность впереди развязала ему язык. — Если такие девушки будут умирать, кто тогда на земле останется? Если ты меня будешь ждать, ничего со мной не случится. Поняла?

— Поняла! — засняла глазами Чулпан. — Я буду ждать. Глаз с дороги не спущу!

— И по сторонам не забудь смотреть. Опасность сейчас везде. Мы сами не знаем, откуда она может на нас свалиться!

Он поспешно искал укромное место для лошадей, спешил, привязал их. Прячась за деревьями, камнями, стал осторожно пробираться к тому месту, где был разложен костер. Присел за валунами, навороченными возле потока.

У костра сидели двое, чуть в стороне — третий, он свеживал только что зарезанного барана, туша была повешена к дереву. На траве между деревьев паслись три лошади. Один из сидящих неловко держался, болезненно морщась при каждом движении. «Наверное, это тот, кого я вчера подстрелил», — подумал Джурабек. Раненый басмач был в черном чапане, перевязанном поясным платком, на голове у него тибетейка, а поверх нее повязан шелковый платок. Тот, кто сидел рядом, был одет богаче всех: шуба на меху, на голове подбитый кунницей треух — не сравнить с теми двумя. Тот, кто разделявал барана, был одет в бедный, потертый халат, на голой груди — патронташ. Вот он завернул мясо в шкуру, понес к костру. «Кунья шапка» встал, налил в казан, подвешенный над огнем, воды из ведра, из кобуры блеснул черный металлический ствол.

— Бодыр, еще дров принеси! — хрипло сказал он. Глаза его, зоркие, прищуренные, обратились на второго, в черном чапане.

Тот сразу вскочил, бросился выполнять приказание.

«Башар-палван! Так вот ты каков!» Джурабек во все глаза глядел на басмача. Гибкий, статный, несмотря на худощавость, тот напоминал барса. Такой противник страшен в бою. Но еще страшней он тогда, когда крадется в ночи, выслеживая добычу, когда оплетает сетью слов доверчивых людей. Джурабек слышал, что Башар-палван не только правая рука курбаши. Пожалуй, все нити басмачества в горах вот в этих костистых руках,

по которым текут кровавые потеки от мяса. «Хитер, как шайтан», — говорят в народе о Башар-палване. Вот и сейчас возвращается он из Багидарьи, где, наверное, собирал сведения о красноармейском отряде, чудом выбравшись из окруженного дома, преодолев засыпанный снегом перевал. И еще собирается угодить курбаши, привезя ему в подарок Чулпан; наверное, и это ему нужно для каких-то ему одному известных целей. Непонятно, почему он не станет во главе басмаческого движения открыто, почему предпочитает прятаться за спину курбаши. Может быть, до поры до времени?

А если выждать? Не собирается же, в самом деле, Башар-палван сидеть здесь долго, караулить беглецов. У него, наверное, есть пока время. Пока... Но не исключено, что они вот-вот уйдут отсюда — туда, вперед, за перевал. Где-то там, говорил командир, есть у них тайник с оружием. Все это предстоит ему разведать. Еще ночь пути — и отвезет он Чулпан в кишлак, а там, освободясь, продолжит свой опасный путь. При этой мысли он почувствовал, как сжалось в нем сердце. За эти дни девушка стала ему близка, как никто до сих пор. Отдавать ее — это отдавать частицу собственного сердца. Но это неизбежно, значит, не надо об этом и думать. Надо думать только об одном — как уйти отсюда незамеченными.

Башар-палван отошел, уселся на траве. Двое продолжали хлопотать у костра. Варевое у них кипело, распространяя запах, от которого у Джурабека пересохли губы. Эх, давно не ел он свежего мяса! Намокший от недавнего дождя валежник разгорался плохо, нещадно дымил. Бодыр изо всей силы раздувал огонь, кашляя от дыма, вытирая слезящиеся глаза. Башар пересел дальше, заметил:

— Разве так делают? Ты же его гасишь!

— Я не виноват. Это дрова сырые! — оправдывался Бодыр. — Эй, соли не забудь! — обратился он к своему помощнику.

— Да не тревожь огонь! Пламя тронешь — погаснет, соседа обидишь — переедет, так ведь люди говорят!

Бодыр покорно отошел, но в склоненной его фигуре чувствовалась затаенная злость. А Башар философствовал:

— «Будь ты благородным — как с равным повел бы речь. А будь ты невольник, тебя приказал бы я сечь...» Как ты думаешь, чьи это стихи? Не знаешь? Абу Ну-

васа! То-то же! Наверное, думаешь — хорошо бы оказаться на моем месте, самому сидеть? Не думаешь, да? Но конечно, ведь зато ты получишь хороший кусок мяса. А если бы у тебя не было такого хозяина, как я, кто бы накормил тебя? Так что лучше вовсе не думай. Думать — это, знаешь ли, большой труд!

Джурабек, слушающий эти слова, почувствовал, как кровь закипела у него в сердце. Ну и что из того, что их трое? Если захватить их врасплох... хороший воин стоит троих! А этому... Башару... незачем ему ходить по земле! Несомненно, это его рука, не дрогнув, направила пулю в старого Дехканбая. А может быть, и не пулю. Ведь он зарежет и не оглянется, зарежет потому только, что кто-то посмел посчитать себя человеком! Он начал спускаться со склона, прячась за выступами скал. Пятизарядная винтовка Башара стоит с ним рядом. Зато Бодыр и третий целиком заняты варевом. Их винтовки лежат довольно далеко, на том месте, где резали барана. Первый выстрел в Башара — тогда, может быть, эти и не захотят умирать, сдадутся. Во всяком случае, его сразу не обнаружат. Внезапность — всегда лучший помощник вонна.

— Эй, что там? — Башар вскочил, его фигура напряглась, как перед прыжком.

Двое у костра тоже резко обернулись. Джурабек увидел вслед за Башаром: там, вверху, где только что он спрятал Чулпан, резко прынул в сторону горный козел — архар, и тут же ветер донес до них слабое ржанье лошадей. Джурабек мгновенно понял: то ли сама Чулпан, то ли лошади испугнули архара и Башар, сразу уловив внезапность прыжка, понял — вверху кто-то есть. Прежде чем басмач успел отдать распоряжение, Джурабек выстрелил: нельзя было терять ни секунды. Башар осел, правой рукой держась за плечо. Второй выстрел молодой боец послал в Бодыра. Но тот остался цел. Словно большерукая, но проворная обезьяна, рванулся он к своей винтовке. Мгновение — и басмачи залегли за камнями. Начинаясь бой, и позиция Джурабека была, пожалуй, хуже, нежели у врагов. Сзади за ним бурлил поток, который не так просто перейти. Дерево, за которым можно укрыться при перебежке, было далеко, а высовываться было опасно. Башар был ранен, но, видимо, не смертельно — из-за камня, за которым он успел укрыться, раздался выстрел. Значит, все-таки трое на одного. Ах, Чулпан, Чулпан! Не вовремя же ты выдала свое убежище,

пусть и невольно! Надо уходить в горы, туда, к ней. Если Башар пошлет кого-то туда, наверх, и тот пробежится, этот бой будет последним для Джурабека. Тогда они его возьмут в кольцо.

Он колебался — нужно было уловить момент для перебежки. И когда наконец выскочил, пуля, как будто стерегла его, ударила совсем рядом. Защелкали выстрелы. Слегка оцарапало ногу, но с лету, ударившись о ствол старого тута. Джурабек понял, что он цел. В то же мгновение пуля впиалась в ствол дерева. Один из басмачей тоже сделал перебежку. Если так будет идти дальше, скоро он окажется в окружении. И хотя раненых у них было двое, но они все-таки окружают его... Или поймает его пуля... А что тогда будет с Чулпан?

Он подстерег движение того, в черном, выстрелил. Мимо! Только словно чиркнуло большой спичкой по камню. Что-то вполголоса говорит своим людям Башар, наверное придумал какой-то план. Что же делать?

Выстрел раздался откуда-то сверху, и тотчас там, где стоял Башар, послышался стон. Закричал Бодыр:

— Башар-ака! Башар-ака!

Радость обожгла сердце Джурабека: это стреляла Чулпан. Выстрел ее оказался метким: со стороны Башара больше не раздалось ни голоса, ни шороха. Он обернулся, стараясь уловить, откуда стреляла девушка. Увидел: недалеко от него из-за арчи выглядывает Бодыр, лицо его искажено. Он успел пригнуться, но осколки ударили в голову. Упал. Как сквозь сон слышал: часто стреляла Чулпан, не давая Бодыру приблизиться. Этих мгновений ему хватило, чтобы прийти в себя. Он снова схватил винтовку, и тогда Бодыр понял — незачем рисковать жизнью. Он начал отступать, редко постреливая, товарищ его, видимо, тоже отходил, не давая Чулпан приблизиться. Джурабек усмехнулся: о, если бы они знали, что наверху — девушка! Хорошо, что не знают. Вряд ли бы они были тогда так осторожны! Хотя... Девушка, убившая Башар-палвана — а он, наверное, убит, — это необыкновенная девушка. Теперь он знает это твердо.

В глазах все плыло, качалось. Он собирал все силы, прицеливался, но патроны кончились. Он зарядил винтовку, но только последний выстрел заставил басмачей, уже вскочивших на лошадей, рвануться в сторону. Они

скакали вперед, отстреливаясь, и Бодыр держал повод третьей лошади, на которой лежало тело Башар-палвана. «Ускакали все-таки!» — вяло подумал Джурабек. Он пошел к реке, припал к ледяному потоку, горстями жадно бросая в себя воду. Это привело его в чувство. И сразу он подумал о Чулпан. Почему ее не видно? Что с ней? Он побежал наверх, крича во все горло: «Чулпан! Чулпан!» Бодыр оглянулся, перед тем как скрыться за поворотом. Злобно погрозил винтовкой и покачнулся, — видно, рана его была тяжелой.

Джурабек спешил наверх, щеки его горели — то ли от ледяной воды, то ли от пережитого. Девушка как будто провалилась сквозь землю. Везде безмолвие, каменные валуны притаились в неподвижности. Солнце скрылось за тучи, и все мгновенно потемнело. Он растерянно оглядывался. И тут, как будто ожив, бросился к ближайшему камню — за ним раздавалось всхлипывание.

Чулпан лежала, отбросив в сторону винтовку, плечи ее вздрагивали, косички разметались по земле, покрытой мелким щебнем.

— Жива!

Она обернулась. Лицо ее было залито слезами.

— Что с тобой, Чулпан? Почему плачешь? Радоваться надо! Ведь ты застрелила Башар-палвана! О тебе теперь в горах песни петь будут! А ты плачешь! Эх ты!

— Не буду...

Сидя на земле, она отряхивала платье, укладывала волосы, потом встала, смущенно отвернув лицо, вытерла слезы рукавом. Подхватила винтовку, пошла наверх, спотыкаясь.

— Да что с тобой, Чулпан?

Он озадаченно глядел ей вслед. Потом тоже стал карабкаться к тому месту, где были спрятаны лошади. Что-то давило ногу: он посмотрел, вытащил кинжал, засунутый за голенище, удивился — когда сунул его туда? Не помнил. Может быть, тогда, когда слушал хвастливые речи Башар-палвана и кровь густыми толчками стучалась в виски?

Они оседлали коней, не торопясь, поехали вниз. Дошли до деревьев, и вкусный запах вареной баранины разом остановил их. Взглянули друг на друга — и расхохотались. Хохотали долго, заразительно. Потом, не сговариваясь, повернули лошадей туда, где еще курились головешки и, остывая, едва слышно булькало варево.

— Ай да Бодыр! — уплетая баранину, кивал головой Джурабек. — Хорошо старался для красных бойцов! Ты ведь тоже теперь красный боец, Чулпан!

Девушка закрывалась рукавом, но глаза ее блестели озорно и торжествующе.

— Ты настоящий охотник! Теперь я в это верю. Знаешь — когда ударило в голову и я упал, Бодыр бы, наверное, отрезал мне голову, если бы не ты. Увозил бы сейчас ее в хурджуне! А может, и тебя в придачу!

— Я бы не далась им в руки! — твердо сказала Чулпан. — Ни за что!

— Ну, тебя бы они не убили! Голова бы осталась цела! Это им было бы невыгодно!

— Джурабек, не шутите так, — едва слышно сказала она и встала. — Зачем вы меня обижаете? Очень вас прошу — не смейтесь надо мной!

— Чулпан! — он вскочил, усадил ее. — Прости! Я глупо пошутил. Ну, прости! Ты для меня — самый близкий человек!

Она вспыхнула так, что слезы сразу брызнули из глаз. Закрыла лицо руками. Проговорила укоризненно:

— Близкий... близкий... зачем же оставили меня одну? Зачем ушли сами? Я так испугалась сегодня... Думала, сердце у меня оборвется, когда вы упали!

Он, не помня себя, погладил ее по голове, открыл лицо, наклонился... Перед глазами встал Дехканбай. «Душу мою поручаю тебе, честь свою поручаю!» И он резко встал, отошел к лошади:

— Пора ехать. А то вернутся басмачи. Впереди — перевал!

В долине, словно в зеленой чаше, волнами колыхались потоки голубого воздуха. Солнце пронизывало их, золотыми потоками струясь по склонам гор. Старые, иссохшие деревья поворачивались в сторону солнца, казалось, они протягивают к нему исхудавшие за зиму руки, молят, требуют животворного тепла: «Еще! Еще!» И солнце, понимая это, старается — когда его закрывают тучи, — старается вырваться из их цепкого плена, снова озарить долину, снова согреть землю... И хотя вершины гор вокруг были в снежных, ослепительно белых шапках, здесь, в долине, стало жарко. Джурабек ехал впереди, он боялся оглядываться, чтобы не встретиться

с глазами девушки, не прочитать в них молчаливый упрек. Как покорно она подняла к нему свое лицо, какими ласковыми были у нее глаза! Он торопился, нахлестывая коня. Ветер охлаждал разгоряченное лицо.

Понемногу окружающая красота стала проникать в сердце Джурабека, все больше расширялась его грудь. Как-то сразу стало спокойно на душе. Незаметно для себя он запел: сначала тихо, несмело, но постепенно голос его набирал силу, звучал громче, раскованней. О чем он пел? Об этом, наверное, Джурабек и сам не смог бы сказать. Ему было хорошо, и он пел, выплескивал в песне ту теплоту, которую исторгала сейчас в безудержном потоке его душа. Пел о родном кишлаке, о матери, о сестре, о горных ледяных потоках, в которых, как сейчас в глазах Чулпан, играет солнце, о любви...

Его напев эхом отдавался в ущельях, казалось, что к нему прислушиваются вершины. Он забыл об осторожности — обо всем на свете. Казалось: едет он с Чулпан в родной кишлак, везет ее к себе домой. Сейчас выбежит из ворот родня, начнут обнимать их, спрашивать: «Откуда такую красавицу привез?» — «Издалека!» — ответит он им. «Нашел свою радость, свое сокровище в далеких горах и увез ее! Готовьте свадьбу, да такую, чтобы горы запели! Чтобы все видели, какая у меня жена!» Казалось — нет в мире никаких преград, все будет хорошо и ушли от них все горести мира. И Чулпан его любит, любит! Он знает это! Кто же в мире может помешать любви?!

Его конь резко прынул в сторону: вперед вынеслась лошадь Чулпан. Девушка скакала, не оглядываясь, и Джурабек вмиг опомнился, пришел в себя. Наверное, он песней своей, своей радостью ранил Чулпан, которая не поняла, в чем причина этой радости! Эх, до чего же он неуклюж! Опять обидел ее! У Чулпан — тонкая, гордая душа. Он любовался ее посадкой, ее стройной фигурой. И вместе с тем его все больше наполняла печаль. Вот дорога опять начала подниматься все выше и выше. Опять сумерки крадутся по тропе, из ущелий тянет приближающейся ночью, и тучи вдалеке вьются своими косматыми гривами, как будто собираются на охоту. Чувствуется по всему, что здесь снега будет меньше, ливень растопил лед, но если опять пойдет ливень, смогут ли они удержаться на скользкой тропе?

Постепенно хмурое молчание гор становилось все более отчетливым, солнце стремительно гасло, и всадники

опять начали торопиться. Копыта лошадей снова заскользили по влажным валунам. Приходилось идти шагом, опасаясь потревожить горную тишину. Джурабек опять ехал впереди, и Чулпан следовала за ним тихая, какая-то безучастная. Ее лошадь тихо заржала — мрачно отозвалось ржание в сгущающейся тьме.

— Ой, Джурабек, поглядите!

Чулпан привстала на стременах, показывая вперед. Там, возле поворота, что-то лежало. Джурабек тотчас натянул поводья, потом, вскинув ружье на изготовку, тихо поехал к темному предмету, похожему на мешок. Он наклонился, перевернул его носком сапога, — подъезжающая Чулпан увидела страшное, оскаленное лицо одного из басмачей. Это был тот, в черном чапане. Кровавая, рваная рана на шее показывала, отчего он умер.

— А где же Башар-палван? Где его переметные сумы? Лошадь?

Возле трупа валялся богато расшитый халат, разодранный посередине. В руке Бодыра был зажат сапог, пальцы судорожно впились в красную кожу.

— Теперь я понимаю, почему они так старались захватить Башар-палвана и его лошадь. Я думал — хотят его похоронить, а тут вот что...

— Наверное, это награбили в Багидарье... — задумчиво проговорила Чулпан. Она вдруг отчаянно вскрикнула, нагнулась. Потом протянула Джурабеку тусклую серебряную серьгу, чудом усмотренную ее зорким взглядом: — Это отцовская! Значит, и вправду...

Джурабек повертел в руке серьгу, вспомнил: действительно видел у Дехканбая талисман. Наверное, Башар-палван небрежно засунул ее в карман, а здесь, где из-за его переметных сум спорили двое его спутников и где они обыскивали его тело, упала эта серьга, чтобы без слов сказать Чулпан, что отца ее нет уже больше в живых. Почему же Бодыр дал себя убить, ведь он был сильнее? И тут же ему вспомнилось, как пошатнулся он в седле. Ведь он был слабее, он был ранен — и, значит, в схватке двух хищников пришлось уступить слабейшему.

— Наверное, теперь наш путь свободен, — раздумывая, сказал Джурабек. — Этому шакалу хватит добычи, чтобы он снова не рисковал жизнью. Если до твоего кишлака нет басмачей, наш поход скоро закончится! Вот теперь мы можем спокойно заночевать!

Они с трудом нашли пещеру — длинную, сырую. И все же в ней часто бывали люди. Посредине лежали дрова, валялось немного сена. Чулпан теперь не дичилась. Она деловито развязывала хурджун, где лежали большие куски мяса, оставшиеся от барана, а Джурабек разводил огонь. Потом Чулпан постелила — себе и Джурабеку: ему ближе к выходу, себе — в глубине пещеры, за сумками. Она была задумчива, и большие глаза ее казались запавшими. Снова присев к костру, она обхватила колени, следя за искорками, что стремились вверх и гасли одна за другой, но все же снова стремились вверх. Потом заговорила:

— Скажите мне, Джурабек-ака, почему человеческая жизнь такая же, как эти искры. Вот они летят вверх — и тут же гаснут?

— Зачем ты так говоришь, Чулпан? Человек создан для того, чтобы быть счастливым. Только иногда он сам не знает об этом.

— Мой отец убит... А мне казалось, что он будет жить вечно, так же, как вечно будут стоять горы. Я сегодня сама убила человека. Что же это? Закон? Не убьешь ты — убьют тебя?

— Нет, это не закон. Я думаю, что настанет такое время, когда человек поймет, что так, как мы жили до сих пор, нельзя жить. Я даже не верю — я знаю! Я молодой, а уже видел горе и кровь. Не напрасно же эта кровь льется. Не для того, чтобы люди стали глупее. Наоборот, — наши дети должны быть умнее, чем мы. Лучше.

— Джурабек-ака, мне кажется, что я за эти дни прожила несколько жизней. Могу я с вами поговорить так, как будто мы два джигита или как будто я старый человек, а не девушка, которая не должна говорить парню такие вещи, какие я хочу вам сказать?

Джурабек смутился. Чулпан говорила серьезно, уверенно. Но по тому, как изменилось ее лицо, как прерывисто, словно ей не хватало дыхания, вздохнула девушка, юноша понял, о чем будет она говорить. Нет-нет, нельзя, чтобы у нее вырвались слова, о которых она потом будет жалеть! Не может Джурабек изменить своему слову, не может переступить клятву. Никто не назовет его бесчестным человеком!

И все же мгновенно, как будто чтобы показать, от чего он отказывается, пронеслись перед ним картины —

вот он стоит с Чулпан перед родным домом, вот он гладит ее волосы, откидывает со лба тугую прядь черных вьющихся волос, дотрагивается губами до маленькой темной родинки на щеке, здесь, где круглится овал щеки, словно вырезанный искусным резчиком из драгоценного розового камня. Чулпан подает ему пиалу, ее алые губы смеются и что-то шепчут счастливо. Как можно отказаться от такой девушки?!

Но не только красота делает Чулпан лучше всех девушек в мире. Два опасных, невероятно тяжелых дня в горах открыли ему и другое, самое главное в ней...

Чулпан смотрит на него, и глаза ее — как глаза оленя, когда он тревожно смотрит вперед, в неведомое. О как хотелось бы остановить это мгновение, запечатлеть его в памяти!

Жаль, что он не художник. Но и художнику тяжело передать все краски. Даже глаза оленя не сможет передать человек — темный, влажный свет горит в них, и мир, который отражается в этой глубине, какой-то особенный, загадочный, тайный, как будто сама природа глядит глазами оленя на мир. И все-таки красота человека выше, в ней есть смысл и душа, в ней есть место радости и страданию, доброте и преданности... Кто бы мог передать все то, что наполняет сейчас душу Джурабека, кто бы заглянул в нее?

Розовый свет ложился на лицо девушки, черные мохнатые тени плясали по стенам пещеры, а Джурабек как будто потерял счет — годы ли пролетели или минуты?

— Что же вы молчите, Джурабек-ака?

— Поздно уже, Чулпан.

— Ну что ж...

Она отвернулась, ушла в глубину. И пламя как будто ушло за ней — погасло.

Никогда не было так тяжело Джурабеку. И впрямь — вместе прожили несколько жизней. А сказать друг другу все, что думают, не могут. Чулпан бы могла. А у него отнимается язык. Боятся слов. Как будто, пока они не сказаны, остается какая-то надежда...

— Чулпан, не сердись на меня!

— За что же мне сердиться? Если вы не хотите мне помочь, я сама это сделаю, — донеслось из глубины пещеры.

— Что — сама?

— Вступлю в Красную Армию... Видите — опыт у меня уже есть.

Джурабек понимал — Чулпан не об этом хотела говорить. Он почувствовал облегчение и вместе с тем боль.

— Незачем девушке воевать. Нас, мужчин, не хватит, что ли? Тебе не об этом надо думать.

— О чем же?

— О своем женихе! — выпалил Джурабек. — Вот он обрадуется, когда мы на порог явимся!

— Конечно, обрадуется! — голос у Чулпан был спокойный, нельзя было понять, что она чувствует. — Мне отец говорил, что он, мой Арсланбек, не мог дожждаться весны, когда наша свадьба была назначена. Так что теперь вот как обрадуется!

— Ты же хочешь стать бойцом?

— А я...

Чулпан не ответила, — видимо, хотела сказать какую-нибудь колкость. А Джурабек сам не понимал своих чувств — почему ему захотелось уколоть Чулпан, ведь она ни в чем не виновата! Это он виноват, что связал себя обещанием. Что дал клятву. Да разве он думал, что так произойдет, что Чулпан за эти дни станет ему дороже всех в мире!

Он проснулся рано и, не в силах заснуть, смотрел, как наливается небосвод голубым и розовым, как сверкают в просветах туч крупные звезды. У них была какая-то своя жизнь, и они были так далеки от всех человеческих страстей! Он вспомнил, как слышал в детстве сказку о Ткачихе и Пастухе. Они тоже любили друг друга, и, когда их разлучили, Пастух понесся в погоню за похитителями. Он догнал бы ее, любимую, если бы на его пути не встал Млечный Путь. Молочная река разлучила Ткачиху и Пастуха, но раз в год, когда стая сорок, соединив свои крылья, возводит для них живой мост, любимые встречаются. И неважно, что Ткачиха весь год готовит для небожителей ткани, а Пастух пасет стада! Они ведь живут надеждой, что будет, обязательно будет встреча! А у них с Чулпан такой надежды не будет, мост, который их разлучит, не перейти...

Бледнеет, исчезает великая молочная река. О, когда только сгинут все мосты, которые разлучают влюбленных! Где же они, Ткачиха и Пастух? Не те ли это звезды, которые сверкают по обе стороны млечной реки, словно

переглядываясь друг с другом, — самые яркие на утреннем небосклоне? Вот и они исчезают, сливаются с небом — пора будить Чулпан, но ведь через час они спустятся с перевала, а через два часа — кишлак, где будет окончен путь. Второй перевал... Не думал Джурабек, что так тяжело будет ему здесь, на этом последнем перевале! В груди, слева, такая тяжесть, что, кажется, она сейчас что-то там раздавит навечно. Что? Конечно, сердце, ведь это оно сейчас держит на себе тяжесть всех сомнений и раздумий. Он испугался — боль становилась все сильнее. Тяжелой была голова.

Не повернуть ли назад? Спрятать Чулпан в долине, в тех домах, которые он видел днем. Отправиться самому на задание и, возвращаясь, забрать Чулпан с собой. Ведь она остается беззащитной и он будет ей опорой...

«О чем ты думаешь, глупец? — одернул он себя. — Даже если ты сделаешь так, ты можешь ввергнуть Чулпан в еще большие горести. А если ты погибнешь на задании? А если Караганова в Багидарье уже нет и придется догонять отряд?»

И опять перед ним встали умоляющие глаза Дехканбая, в них была надежда, а потом — уверенность. Умирая, он верил, что он, боец Красной Армии Джурабек Ниязов — настоящий мужчина, умеющий держать слово, верный клятве.

И Джурабек встал. И сразу показалось — второй перевал тоже пройден...

Пора будить Чулпан. Но что это? Девушка тоже не спала. Она сидела у входа, поджав ноги. При скупом свете наступающего утра он заметил ее склоненную голову и понял: да ведь Чулпан зашивает ему рубаху, которую он с вечера повесил сушиться возле огня! И где только достала нитки, иголку! Наверное, везла с собой в хурджуе. Тут только он вспомнил, что после той ночи, когда им пришлось ползти между камней, он больше не видел на ней ни порванного платья, ни вылезавших клочьев ваты. Значит, дежуря утром, все привела в порядок. Да и на его халате тоже не видно дыр — и ему зашила. Какой же он в самом деле невнимательный!

Она поспешно кончила зашивать, протянула ему рубаху. Джурабек отошел в глубь пещеры, надел рубашку. Она была теплая — от рук Чулпан, и казалось, что по иззябшему телу волнами пошло тепло.

— Рахмат, сестричка!

— Носите на здоровье, Джурабек-ака... — тихо отозвалась Чулпан. Показалось ему или в самом деле при слове «сестричка» она как-то сжалась? А ведь слово доброе, произносил его как можно мягче. Но не оно нужно здесь!

Вышли из пещеры. Яростно, как будто торопясь, разгорался солнечный восход. Весна пришла и сюда, на высокогорье. На голых отвесных скалах приютились в трещинах какие-то ярко-зеленые растения, выставив вперед только розетки лепестков. Скалы под лучами солнца искрились; такие серые и темные ночью, они сейчас были словно усыпаны красными, желтыми, зелеными блестками.

— Посмотрите, Джурабек-ака! — Чулпан протягивала руку к скале, где на молочно-белой поверхности выделялся причудливый, словно сказочный цветок, камень. Джурабек подошел к нему, отломил. Вдвоем они стали разглядывать камень. — Я видела бусы из такого камня, — оживленно заговорила девушка. — Смотрите, он как будто дымится! Ох как красиво! А у нас дома есть голубые камешки. Голубые-голубые, как озера! Отец мне обещал отдать их мастеру, чтобы тоже сделал для меня сережки. Но денег все не было... Такие были только у Гульчехры, дочери Пирмата Максума!

— Будут еще у тебя такие бусы! И сережки! Я тебе в подарок привезу! — говорил Джурабек. — Твой муж разрешит мне! Ведь ты мне сестричка!

Он намеренно подчеркивал это «сестричка», как будто спешил убежать от неотвязных мыслей, твердо установив между собой и девушкой стену.

— В горах столько сокровищ, только человек до них еще не добрался по-настоящему! — приговаривал Джурабек, разглядывая скалы.

Чулпан стояла рядом, прижимая к груди диковинный камень — нежный, полупрозрачный, и тонкие пальцы ее выделялись на камне, как будто тоже изваянные из камня. Вдруг она совсем по-детски вскрикнула:

— А вот и кеклики!

Внизу сидела стайка кекликов. Сверху отчетливо видны голубовато-серые их спинки, красноватый оттенок на них, белые шейки, окаймленные узкой черной полоской. Птицы деловито клевали какие-то белые луковички, переговариваясь друг с другом оживленными, радостными трелями.

— Ну что, сделаешь шашлык? — пошутил Джурабек.

— Нет, зачем же. Нам надо спешить! — Чулпан сразу утратила свою живость, посерьезнела. — Ведь все равно вы не берете меня в отряд. Так?

В кишлаке они оказались только вечером. Опять пришлось пережидать ливень. По склонам неслись плотные серые потоки. Сель в горах — еще страшнее, чем лавина. То и дело над склонами вспыхивают оглушительные разряды, и тогда кажется, что сейчас небо обрушится на землю, сметет на ней все живое и по пустынным горам будет летать только эхо от камней, что со страшной силой летят в пропасть. . .

Девушка и парень сидели молча, Чулпан только вздрагивала, когда молния ударяла где-то близко и оглушительный разряд обрушивался на них. Лошади испуганно ржали, шарахались в сторону. Джурабек то и дело подходил к ним, прикрываясь полой халата, проверял привязи. Возвращался весь измокший, и от его одежды пахло прелыми листьями и дымом. Чулпан сидела, плотно сжав губы, лицо ее было исхудавшим и казалось маленьким, совсем детским. Она была похожа на подростка, шапка и поясной платок, перевязывающий халат, винтовка — все указывало случайному путнику на то, что перед ним — юноша. Недаром басмачи издали тоже не могли определить, кто стреляет сверху. Но и такая, усталая, со скорбными глазами, она казалась Джурабеку прекрасной. Влажные щеки ее были нежны, как половинки персика, темные брови, сурово сдвинутые, были тонки и упрямы. Красота Чулпан, словно притушенная тяжестью испытаний, странно гармонировала с суровостью окружающей природы. «Настоящая дочь гор! — подумал с восхищением Джурабек. — Когда она отдохнет и пойдет танцевать среди подруг, она снова будет похожа на цветок. А сейчас она и вправду похожа на бойца. А ливень все не перестает, как будто жизнь нарочно дарит нам еще и еще те минуты, которые мы оба будем вспоминать всю жизнь».

Чулпан вздохнула, сняла с плеча ружье. Посмотрела вверх, на сплошные потоки дождя, и стала аккуратно обтирать с приклада грязь, которая вместе с водой брызгала из-под узкого козырька скалы.

— Ружье придется вам отдать?

— Зачем же? Ты ведь охотник. Дочь охотника!

— Да, конечно... Но вряд ли Арсланбек разрешит мне ездить на охоту... Даже у нас в Багидарье смотрели на это косо, а уж в чужой семье...

— Чулпан, я уверен, что тебя и в новой семье все полюбят. А если нет... Ты мне только напиши, если тебя будут обижать! Обижать тебя я не дам никому! Запомни! Сейчас новая жизнь, женщина сейчас будет наравне с мужчиной. Для этого мы и сражаемся. Ты поняла?

— Поняла. А все-таки...

— Что — все-таки?

— Лучше бы я вас никогда не встречала, Джурабек-ака. Лучше бы я одна поехала через эти горы!

В кишлак они добрались, когда в домах погасли огни. Откуда-то тянуло горьким дымом, слышался собачий лай. Издалека подал голос голодный волк — хорошо, что за все время пути ни разу не попался он путникам!

Никого нет на пустынных улицах. И здесь, видно, держатся настороже, опасаются ночных разбоев. Надо бы узнать, есть ли в кишлаке басмачи, но сперва нужно отыскать дом Кудрата-ака, торговца сладостями. Дехканбай объяснял подробно — при въезде в кишлак стоит большая чинара, за ней арык, а дальше будет дом с калиткой, окрашенной в синий цвет. Это и есть дом Кудрата-ака. Но сейчас, когда все огни в домах погашены, а непроглядная ночь только началась, трудно разглядеть, в какой цвет окрашена калитка! К тому же опять они ехали осторожно — обидно, если что-нибудь случится здесь, у самой цели. Чинару они смогли разглядеть. За ней был слышен шум воды. Значит, все правильно, недалеко арык. Где-то здесь должен быть мостик. Ощупью нашарил ногой деревянный настил, осторожно, стараясь, чтобы не стучали слишком громко копыта лошади, направил ее на мостик. Лошадь шумно дышала ему в спину, нетерпеливо шла к жилищу — сено кончилось еще утром, лошади не кормлены с тех пор. Ощупью Джурабек нашел калитку, велел Чулпан отойти в сторону — на всякий случай. Прикрывая рукой зажженную спичку, поглядел на калитку — синяя. Тогда он тихо постучал дверным кольцом, чувствуя, как в ночной тишине громко колотится его сердце, — наверное от волнения. Во дворе

никто не отозвался. Пришлось стучать все сильнее, потому колотить в калитку — не ночевать же им с Чулпан на улице!

Наконец во дворе послышался скрип двери. Кто-то осторожно подошел к калитке, стал прислушиваться. Джурабек слышал тяжелое дыхание старого человека.

— Откройте! — сдерживаясь, заговорил Джурабек.

— Кто тут? — испуганно спросил старческий голос.

— Это дом Кудрата-ака?

— Да! А вы по какому делу?

— Мы приехали из Багидарьи. Знаете Дехканбая-ака?

— Дехканбая-ака из Багидарьи? Конечно, знаю. А что с ним?

— Откройте, я привез его дочку!

— Э-э, дорогой! Кто ты такой, не знаю. Не морочь мне голову. Что ты мне рассказываешь?

Человек за калиткой направился в дом. Конечно, не поверил! Джурабек со злостью заговорил в щель:

— Эй, Кудрат-ака! Погиб Дехканбай! А дочь вам вез, чтобы от басмачей ее спрятать! Не откроете — обратно увезу Чулпан!

Угроза подействовала. Загремела цепь, потом хозяин убрал бревно, которым была подперта калитка. Сразу загорелся свет в доме, выбежали две женщины. Одна из них, в белом головном платке, лишь слегка прикрывающим властное, гордое лицо, быстро направилась к калитке:

— Уж не Харут¹ ли нам глаза открывает? Или впрямь дочь наша к нам в такой поздний час одна приехала? Входи, доченька, входи! Вот не ждали, не гадали! Ай-яй, какие времена настали! А я-то думаю, гадаю сегодня утром, когда ворона села на крышу и каркает: что за новость такая будет? Недаром в старину говорили: «Ворон — к дороге твоему известию».

Чулпан совсем потерялась, от смущения не могла сделать ни шага. Джурабек ввел лошадей во двор, поздоровался с хозяином. Кудрат-ака был низенький, приземистый человек с благообразным высохшим лицом, с аккуратно подстриженной бородой. Он суетился, ахал:

— Дехканбая убили? Как же так? А как же свадьба?

¹ Харут — в мусульманских сказаниях ангел волшебства.

Да что же это делается на свете? Гюльджамал, ты только подумай!

— Некогда причитать, нужно гостей накормить, уложить. За столом поговорим! — ответила хозяйка. Она все еще, приоткрыв чачван, разглядывала Чулпан при свете, падавшем из окна. Видимо, красота девушки поразила ее.

— А где же Арсланбек? — проговорил Джурабек, когда их ввели в дом. Имя это как будто жгло ему губы, он проговорил его поспешно, но тут же, встретившись с внимательным взглядом хозяйки, выпрямился, смело взглянул ей в лицо. Она первая отвела взгляд. — Я обещал Дехканбаю, что доведу его дочь в целости и сохранности и ничего с ней дурного не случится. И я выполнил свое обещание!

Кудрат-ака усадил Джурабека на почетном месте, внимательно глядел на него.

— А кто вы сами?

— Я? — Джурабек хотел гордо сказать: «Боец революционного отряда Красной Армии!», но спохватился; не надо сейчас рассказывать об этом, впереди — долгая дорога, трудное задание. Сначала надо посмотреть, что это за люди.

— Да я... знакомый. Друг...

— Понятно... — хозяин, видимо, решил отложить расспросы. Он вспомнил, что сам не ответил на вопрос гостя. — Вы спрашивали об Арсланбеке? Он ушел в горы с нашей отарой. Завтра должен быть дома. Подождите его. Вы же ему теперь как брат. Такую услугу нашему дому оказали! Шутка ли — привезти невесту в такое время!

На женской половине — ичкари — застучали шаги. Слышны были голоса. Гюльджамал-апа давала распоряжения кому-то, одновременно обращаясь к Чулпан:

— Дочка, бери-ка кумган. Вот так! Шапку снимай. Девушка ты, а не джигит, так ведь? А вы морковь стругайте да торопитесь!

— Хозяйка у вас хорошая, — почему-то вздохнув, сказал Джурабек. Глаза у него слипались, он встряхнул головой, чтобы отогнать усталость.

— А кто там еще у вас?

— Моя сестра, Халима. И две дочери. Они еще маленькие, замуж не скоро пойдут. Расскажите мне, дорогой гость, как же погиб Дехканбай? Как это случилось?

Джурабек начал рассказывать. В доме запахло жа-

мачей и что-то узнать о них, тогда выезжай скорей. Они поехали по старой дороге к усыпальнице шейха.

— Как же я... не попрощавшись с Кудратом-ака? Где он?

— Он тоже уехал. А ты езжай... Ты же красноармеец, тебе еще нужно узнать, где курбаши...

— Кто вам сказал, апа? Уж не Чулпан ли?

— Зачем Чулпан. Держишься ты на лошади не так, как наши джигиты. Винтовка у тебя армейская, да не такая, какие в наших краях попадаются. И не из Багидарьи ты — я там всех молодых парней знаю... И матерей их...

— Ого, тетушка, да вы настоящий разведчик! Если вы все знаете, скажите: где могут басмачи прятать оружие? Так, чтобы не возить с собой, а при случае забрать шестьсот — семьсот ружей?

Она задумалась.

— Я тоже сквозь горы не вижу, но думаю: где-то недалеко. Если они прячут. Несколько раз ехали к нам из Багидарьи — одни ружья были. А оттуда, от усыпальницы шейха, — уже другие, новые. Поищи там... Ну, езжай, езжай. Да не обижайся на нас. Мы бы оставили тебя погостить, да сам знаешь — дети у меня маленькие, девочки. А хозяин мой — плохая защита.

— У вас же еще сын! — напомнил Джурабек.

— Да, да, сын! — она скорбно сжала губы. — Ну что, посл? Тогда сейчас позову Чулпан, попрощайся с ней. Конь твой накормлен, еще и овса насыпали на дорогу. Прощай, сынок!

Когда прощался с Чулпан, Гюльджамал-апа не сводила с них взгляда. Джурабек заметил: она как будто присматривалась к ним, как будто колебалась, что-то хотела сказать им и удерживалась. Поэтому он чувствовал тягостное смущение.

Чулпан, видимо, была в лучшем своем платье, сшитом из какой-то яркой ткани, из-под которого выглядывали крошечные ноги в ичигах. Лицо ее опять было розовым, отдохнувшим, только глаза смотрели невесело.

— Смотри же, Чулпан, я как брат прощаюсь с тобой и прошу: будь умницей!

Эти немногие слова дались Джурабеку с большим трудом, но делать было нечего — не уехать же без прощания! Когда, опустив голову, девушка вышла из комнаты, он заметил — у Гюльджамал еще больше пожелтело лицо, глаза неестественно расширились, как будто

она стремилась удержать слезы. Но вместе с тем что-то недоброе было в ее лице, какая-то ревность как будто не давала ей покоя, и она изо всех сил удерживалась, чтобы не показать, что у нее на душе. Джурабек немного испугался неподвижного, исступленного взгляда, подошел, чтобы обнять ее, но руки у него опустились.

— Спасибо вам за приют, за гостеприимство. Передайте мой поклон Кудрату-ака и вашему сыну, — проговорил он с трудом, потом поклонился и вышел. На дворе стояла сестра хозяина, она тоже посмотрела на него каким-то странным взглядом.

Да что это с ними? — недоумевал Джурабек. Но он не смел спросить ни о чем: если в доме что-то происходит и ему не хотят об этом говорить, зачем же зря спрашивать. И он молча отвязал коня, вывел его за ворота, легко вскочил в седло.

— Прощай, Чулпан!

Но вокруг было пустынно, солнце еще не взошло, хотя над крышами вились дымки. Доски мостика были влажными, серыми, на них белыми бурунчиками закипала вода горного потока. Джурабеку захотелось припасть к роднику, который рождался где-то высоко в горах; губы его стали сухими и горячими.

Там, в горах, было все просто. Вокруг опасность, тропа в горах одна, и, чтобы пройти по ней, другой должен уступить дорогу. А здесь, внизу, у людей какие-то свои тревоги, заботы, и они боятся доверить их друг другу, боятся и не доверить, потому что человек силен, только чувствуя рядом другое плечо — родственника, друга, соседа... Или любимой...

Без Чулпан как бы он прошел этот трудный путь? Разве не она плечом к плечу выстояла все трудности? Разве не ее выстрел решил исход боя? Почему же он отказался от нее? Разве эти люди ближе ей, чем он, который прошел с ней такую дорогу, что не каждому под силу?

Он пришпорил коня. Ничего не поделаешь. Значит, не судьба...

— Прощай, Чулпан!

Через год Джурабек попал в госпиталь под Маргиланом. Давным-давно было выполнено задание, которое когда-то дал ему в Багидарье командир Караганов. Ка-

раганова уже давно не было в живых — сразила в походе вражеская пуля. Джурабск стал лучшим в отряде разведчиком. Не раз ходил он в трудные походы, добывая нужные сведения. Смуглое лицо его с орлиным носом стало суше, строже, возле губ легли первые складки — опасности чертят свои следы на лице человека, равно как и печали и беды! Глаза его запали, но что-то новое появилось в них, отчего не каждый мог выдержать его взгляд: наверное, не одну смерть близкого друга пришлось видеть веселому когда-то, озорному парню!

Последнее задание чуть не стоило ему жизни. Едва спасся от острого клинка, уже сверкнувшего перед глазами. Бежал из плена, перегрызая веревки зубами. Полз, оставляя на острой, покрытой гравием земле между кишлаками Ертак и Ярмазар длинный кровавый след — рядом с дорогой. Опять светили звезды, и, когда он ложился на спину, чтобы отдохнуть и дать хотя бы минутный отдых исцарапанным, немеющим рукам, видел, запрокидывая голову: разделенные широкой рекой Млечного Пути, сверкают на ночном небе Пастух и Ткачиха, глядят друг на друга... Было лето, сладко пахло из долины спелым урюком, и, когда временами он впадал в тяжелое забытие, пересохшие губы ощущали сладость горного родника, а воспаленные глаза видели перед собой сочную мякоть персика, через которую просвечивало солнце, — такой персик он видел у себя в саду, когда был совсем маленьким, его трудно было достать, а взрослые были в поле, на работе, — сколько помнил, они всегда были в поле, на работе, его родители, мать так и умерла где-то там, в поле, под кустом тутовника, посаженного ее собственными руками! Кровавый след, который он оставлял за собой, был невидим в темноте, но он забирал все силы, а утро неотвратимо настигало его в пути, и басмачи, обнаружив пропажу, нашли его, — чутье, что ли, было у них на кровь? И когда в свете утренних звезд позади увидел он мохнатые шапки — из последних сил подполз к краю дороги и, в последний раз взглянув на Пастуха и Ткачиху, бросился вниз, в темную, притягательную теперь пропасть. Но, наверное, нить его жизни была крепка, нельзя было прервать ее, или, как верили раньше, перерезать мечом Азраила. И потому, ударившись о гранитный выступ, он не покатился вниз, а зацепился одеждой за острый обломок скалы. От удара по-

терял сознание, и это неожиданно помогло ему — когда басмачи смотрели вниз, стреляли, не издал ни стопа, ни всхлипа, когда пуля впилась ему в грудь, и потому, постреляв, они поехали назад, сожалея, что не отведали их клинки свежей крови. А он остался висеть, и какой-то путник утром снял его, беспомощного, с простреленной грудью, и передал красноармейцам, проезжающим по следам банды. А потом — по тряской дороге вниз, в долину, и целые ночи напролет метался между жизнью и смертью, скрипел зубами от нестерпимой боли, раздрающей грудь. Потом пошел на поправку. Когда первый раз сестра поднесла ему зеркало, не узнал себя: казалось, глянул на него отец. Как-то однажды, когда он сидел в саду, безучастно глядя на желтеющие листья огромной чинары, которые медленно, лист за листом, падали вниз, к нему подсел парень с перевязанной рукой. Разговорились.

— Надоела мне такая жизнь! — рассказывал парень. — Сиди взаперти, жди, чтоб тебя не заметили, уехали. Отец у меня строгий. Просился в Красную Армию — не отпустил. Однажды чуть басмачи с собой не забрали. Говорят: «Эй ты, собака, нам, что ли, кровь проливать, а тебе сидеть в тепле. Или расстреляем, или поехали с нами!» Тогда отец еле откупился, пришлось старую кубышку, что под домом была зарыта, достать. Отец у меня не то что богатый, но и не бедный, лошадыми торговал, баранами, я ему помогал. Ну, выкупил он меня, а я думаю — баран я, что ли? Каждый раз отец меня выкупать будет, так? А тут такое вокруг творится! Выбрали мне девушку, а я думаю — зачем мне жениться, я хочу все вокруг увидеть. Теперь вон как далеко стало видно! Могу в Москву уехать, правда? Как ты думаешь, пустят меня в Москву, когда все это окончится? Я бы поехал туда учиться, там, говорят, хорошие учителя — примут меня, как ты считаешь?

— Почему не примут? — пожал плечами Джурабек. — Если голова на плечах — примут. А ты сам откуда?

— Далековато... Слышал, есть такой кишлак Бешарык?

— Бешарык? — встрепенулся Джурабек. — Это где — в двух перевалах от Багидарьи, там, где усыпальница шейха?

— Да... А вы что, там бывали?

— Бывал! Ты скажи мне — знаешь Кудрата-ака? Торговца сладостями?

— Кудрата-ака? Ну, конечно, знаю. Это у него сына убили басмачи и отару забрали.

— Арсланбека убили?

— Вы и Арсланбека знаете? Да, хороший был парень, хорошо играл на дутаре. Чуть-чуть старше меня...

— Послушай... — у Джурабека блеснула догадка, — вначале слабая, она тут же превратилась в уверенность. — Когда Арсланбека убили? Не тогда ли, когда к ним в дом невестку привезли?

— Этого я не знаю... Что-то такое слышал, но не помню, врать не стану. Я вскоре и сам оттуда убежал, я же вам рассказывал — меня отец проклял...

Но Джурабек не слушал. Мысли у него закружились, на лбу выступила испарина. Может ли это быть, что Арсланбека убили той ночью, когда он привез Чулпан? Он вспомнил взгляд Гюльджамал, ее колебания, ревнивые, заплаканные ее глаза, и окончательно уверился — вот потому-то так торопила его хозяйка дома!

Эх, Гюльджамал, Гюльджамал!

С той поры Джурабек считал дни еще с большим нетерпением. Теперь он часто видел во сне Чулпан. Каждый раз она смотрела на него укоризненно, прекрасные глаза ее были печальны. Он видел во сне, что падает, осыпаясь под легкими шагами Чулпан, щебенка, когда она спускается к нему сверху, закидывая за спину ружье. Часто повторялись во сне те выстрелы, которыми они вдвоем отбились от басмачей. А последний раз привиделось во сне Джурабеку, что Чулпан взяла серебряную серьгу своего отца, Дехканбая, протянула ему. Держит Джурабек на ладони серьгу и видит: серебряный диск на глазах растет, растет — и вот уже скользнул вверх. Да это же не серьга, а молодой месяц! И как будто плывет по небу месяц, и видно, как переплывает он Млечный Путь. Проснулся Джурабек и никак не может понять, почему ему такая небывальщина снится; пожаловался медсестре, что его разные сны замучили, а Евдокия Петровна, пожилая, степенная женщина, стала расспрашивать, что же такое ему виделось. Да разве расскажешь детские сказки — засмеют! Он пробурчал что-то невразумительное, попросил воды. Вода в стакане, тепловатая, пахла каким-то лекарством, была она невкусной, какой-то вялой, и он с новой силой затосковал о вольном воздухе гор, о пронизывающем

холоде родника, что рождается в горах, — когда сделаешь несколько глотков, начинает ломить зубы! А небо в горах — пронзительное, синее, нет ему ни конца ни края! Эх, скакать бы сейчас по узкой каменной дороге и чтобы эхо вторило словам песни, которую подсказывают сами горы!

Он поднимался, шел к окну. Но никак не заживала простреленная грудь, как будто даже пули врагов были пропитаны ядом, и потому, постояв у окна или посидев в саду, он начинал чувствовать, как кружится голова и испарина выступает на спине. Приближалась осень, спадала жара, августовские рассветы были прохладными, больше обыкновенного кружили над головой бесчисленные листья старой чинары, а виноград на лозах, вьющихся вдоль ограды госпиталя, наливался тугой силой. По утрам Джурабеку было особенно тоскливо: что-то свое, ласково говорили друг другу горлинки, расхаживая по серой, местами осыпающейся стене госпиталя, утренней росой, свежестью дышал арык, и как-то сильнее, как будто оживая после ночи, пахли розы...

Когда его выписали из госпиталя, он попросил, чтобы в справке указали четыре лишних дня. Главврач, старый, с маленькой, клинышком, бородкой испытующе глядел на парня, раздумывал:

— Если мы вас, батенька, раньше отпустим... не навредите вы дел, а?

— Что вы, что вы! — Джурабек не упрашивал, но в голосе его чувствовалась твердость. — Мне нужно захватить в один кишлак, а потом... потом снова в отряд. Не убегу же я в конце концов!

— Мы не думаем, что вы убежите, но... Сейчас одному разъезжать опасно. Не напрасны ли будут наши усилия? Мы вас здесь лечили не за страх, а за совесть. Жалко ведь свою работу, — говорил, чуть посмеиваясь, доктор, и Джурабек, сидя рядом, видел, как устал за это время старый врач: лицо его посерело, глаза сквозь пенсне казались красными. Много раненых поступало в последние недели в госпиталь. Шли бои.

Главврач поставил свою подпись, отдал справку:

— Занесете в канцелярию, пусть поставят печать. Счастливой дороги, джигит! Береги свою грудь. Особенно сердце, смотри!

Джурабек улыбнулся: откуда-то доктор знает, о чем он думает. Но что тут удивительного — ведь он старый,

мудрый человек, и не только человеческое тело ему открыто, но и душа. Только разве в силах человека уберечь свое сердце? Сердце само диктует свои законы, оно никому и ничему не подвластно!

Хотелось Джурабеку лететь, как соколу, в кишлак Бешарык, но крыльев ни у лошади, ни у него, Джурабека, нет. Потому часы и дни дороги казались ему бесконечными. Он ехал по ночам, остерегаясь опасности, чутко прислушивался к каждому шороху. Понимал — его поездка опасна, он не должен был сейчас ехать к Чулпан, один. В лучшем случае — трое-пятеро джигитов. Но ждать подходящего случая... Жизнь его в опасности ежедневно, ежечасно, и так будет долго. Теперь он не мог ждать ни минуты.

Но где сейчас Чулпан — в доме ли Кудрата-ака или, может быть, возвратилась к себе, в кишлак Багидарья? Но нет, вряд ли. Шила в мешке не утаить, не простят басмачи семье Дехканбая убитого Башар-палвана. Не узнают, кто убил, — все равно узнают, что Дехканбай уехал из Багидарьи вместе с красным бойцом и дочерью. А там связать воедино все события просто: горная тропа одна, на ней не разминуться...

Путь лежит в Бешарык. Только там может найти Чулпан убежище. А Кудрату-ака нужны в доме лишние руки. Да еще такие руки, как у дочери Дехканбая.

Знакомые места удесятрили его желание снова увидеть девушку. Вот скалы с голубыми, розовыми, красными блестками, вот скала дымчатого, светло-серого цвета, где он сорвал Чулпан диковинный цветок. Здесь должна быть пещера, где они ночевали. Джурабек спешился, пошел наверх. Увидел: на маленьких камнях разложены травинки, веточки кустарника с листьями. Из-за камня высунулась маленькая мышинная мордочка, укоризненно глянула на Джурабека бусинки-глаза. Он засмеялся: это горная мышь-пищуха готовит себе сено для гнезда. Просушит травинки, потом уносит их под укрытие. Ведь уже кончается лето, нужно готовиться к зиме. Вон наверху тоже высунулась потревоженная жительница гор — краснокрылый стенолаз. Птичка выскочила из гнезда, проворно, как дятел по стволу дерева, поползла по скале. Ярко-малиновые крылышки ее трепетали, как крылья бабочки. Вот раздался громкий, тревожный крик. Это удар — горная индейка пре-

дупреждает об опасности туров. «Напрасно старайся! — тепло подумал о ней Джурабек. — Я не охотник, мне бы только укрыться от опасности!» Ему было приятно, что теперь он многое сам знает о горах. Когда Чулпан рассказывала ему о повадках зверей и птиц, он слушал ее с восхищением. Казалось невероятным, что девушка так много знает о горах. И вот теперь он сам, как заправский охотник, знает многие повадки зверей, отличает одну птицу от другой, знает, чего ждать от парящего полета бородача-ягнятника — крупной, хищной птицы, осмеливающейся нападать и на человека. Может сразу узнать орел снежного барса-ирбиса, чтобы вовремя избежать встречи со зверем. Знает, что ветер часто приносит в равнину пыльцу можжевельника и хвои, и это кормит самых мелких и незаметных обитателей гор — ледниковых блох, которые живут во льдах... Как-то незаметно для себя полюбил Джурабек горы, и ему хочется узнавать о них все больше и больше... Когда окончатся бои и басмачей изгонят отсюда раз и навсегда, Джурабек останется здесь, в горах, чтобы вместе с Чулпан вставать ранним утром и встречать рассветы, преследуя барса или кабаргу... А может быть, пойдет учиться, чтобы узнать, какие сокровища таят в себе горы и как их можно использовать. Как называется снежный камень, который он выломал для Чулпан. Как найти горный лен, из которого ткут полотна, которые не горят, — об этом он слышал от одного русского парня... А еще есть в горах маленькие прозрачные камешки, которые режут железо, как воск. Ими можно украшать женщин. Как хороша была бы Чулпан в таком ожерелье из сверкающих камней, чистых, как вода родника! И все это хочется увидеть своими глазами, понять, научиться большой человеческой мудрости. Как много может знать человек, как много он умеет, и предела его мудрости нет...

Обо всем этом думал Джурабек в долгие часы пути, которые отделяли его от Чулпан. Он сам впервые задумался над тем, кем ему хочется стать в мирной жизни, и пока не находил на это ответа: мир казался огромным, пути, которые можно выбирать, — бесконечны. Раньше, дома, он не задумывался над тем, кем он может стать. Путь был один — тот, по которому шли его дед, его отец. Конечно, дехканином! Заставлять упрямую землю становиться ласковой и покорной, беречь ее, знать ее повадки... А сейчас, после трех лет неустанной борьбы в

горах, когда пройдены сотни километров трудных, капризных, коварных и вместе с тем незабываемых дорог, властно тянет навсегда остаться здесь. Шаг за шагом одолеть затерявшийся среди туч перевал — что может сравниться с радостью этого преодоления? А само ощущение — прикоснуться к туче, которая там, на равнине, кажется недосыгаемой, надменной? А красота гор — молчаливая, вечная красота, заставляющая сердце человека сжиматься от непонятного восторга, — что с нею сравнится?

Так, в раздумьях, шли часы, и каждый стал уже не отделять, а приближать его к Бешарыку. Ему опять хотелось приехать к дому Кудрата-ака вечером, чтобы не навлечь на его дом беду. Правда, как ему говорили еще в госпитале, здесь, после разгрома банды курбаши, почти не оставалось басмаческих банд, но все же... Еще год-два, и здесь будет совсем спокойно, а пока нужно и самому быть осторожным.

Вот и знакомая чинара смутно затемнела в ночи. Опять лай собак отозвался со стороны кишлака, опять, как и год назад, застучали по деревянному настилу копыта лошади. Но когда Джурабек подъехал к дому Кудрата-ака и направился к калитке, он заметил, что силуэт дома как-то странно изменился. Не успев еще понять, что это могло значить, увидел открытый проем в стене, разрушенные стены, рухнувшую веранду...

Дом был пуст, двор густо зарос травой. Одичалое эхо метнулось в стены и обратно. Мяукнула из-под досок бродячая кошка, в темноте дико блеснули два горящих глаза. Зашумел под порывом ветра карагач, что раньше рос у калитки. Пусто... Что случилось с домом? Куда девалась Чулпан?

Он прошел к соседнему дому, принялся стучать рукояткой камчи по калитке.

— Эй, кто там? — незамедлительно послышалось за калиткой.

— Хочу узнать у вас, что случилось с соседями? — громко ответил Джурабек.

Калитка быстро распахнулась. Высокий, грузный, стоял за ней хозяин дома, рядом — двое сыновей. Видно было, что в этом доме привыкли к опасности: у двоих в руках были ружья, у хозяина — толстая палка. Джурабек быстро прошел вперед. Вид его успокоил хозяев. Ружья опустились, палка была отброшена. Джурабеку

здесь явно обрадовались: видимо, давно из-за перевала не доходило вестей.

— Наверное, красноармеец? — спросил хозяин.

Опять Джурабек удивился тому, какой острый глаз у здешних людей, если они успевают сразу разглядеть под обыкновенной одеждой, какую носят в горах и которую Джурабек купил у торговца старой одеждой, военную выправку. А может, уже было в лице нечто, что заставляет людей сразу узнавать человека много видавшего, многое пережившего. Гостя повели в дом. И только тогда, когда, умывшись с дороги, Джурабек сел за стол с хозяевами, он узнал о том, что случилось с домом Кудрата-ака. Суров здешний обычай, важные речи в горах не ведут возле калитки!

— Кудрат-ака словно помешался после смерти своего Арсланбека, — повел разговор хозяин — кузнец Мирза-Бехамед. — Он потерял дар речи, стал молчаливым, как камень на мазандаране. И как-то ночью уехал, никому не сказав ни слова. А через два дня нагрянула в кишлак банда. Оказывается, ночью у них был зарезан новый помощник курбаши, Али-бек, и еще двое басмачей. Следы вели в наш кишлак. И хотя шел ливень, басмачи нашли след лошади, на которой приезжал неизвестный джигит. Один-единственный след, пять гвоздей на подковке... Этот след был у дома Кудрата-ака... Дом окружили и... Сами понимаете...

— Их невестка тоже? — глухо спросил Джурабек, опустив глаза, чтобы не могли окружающие заметить, как побелело его лицо.

Хозяин и сыновья переглянулись.

— Вот невестке повезло! Чулпан в тот момент дома не было, она ушла в горы пасти отару. В тот же вечер она исчезла.

Вся кровь прихлынула к лицу Джурабека.

— Чулпан жива... Куда же она уехала?

— Говорят, ушла в красноармейский отряд. Домой ей возвращаться тоже нельзя было. Погодите, вы не тот ли джигит, который ее привез в дом Кудрата-ака? — догадался хозяин. — Тогда, значит, она для вас передала такие слова. Погодите... Я их никак не мог запомнить, а она не могла написать. Сами знаете, грамоту мы не знаем... Да! «Я в мире скиталец, и не упрекай, что следую я за тобой». Она прочитала всю газель Саади, но я запомнил только эти слова. Вы, наверное, не знаете —

Кудрат-ака и его семья очень любили свою невестку, а он ведь еще любил стихи, знал их лучше всех в кишлаке...

И опять было утро, и стремительно неслась вода в арыке перед кишлаком Бешарык, и там, за последними домами, вторили музыке воды остальные четыре арыка. Опять предстоял длинный путь Джурабеку, но сердце его было полно решимости пройти все, что назначила ему судьба. Чулпан жива — он теперь знал это твердо. А если это так...

— Где ты, отзовись, дорогая, любимая моя!

СЕРЕБРИСТЫЕ ЛИСТЬЯ

дом Карима-бобо — над грохочущей рекой.

Крут нрав реки, своевольна она: того и гляди выплеснется из пологих каменистых берегов, взиграет, широко разольется по равнине, охваченной подковой гор.

Но до уютной усадьбы воде не добраться: дом и сад высоко на склоне. За долгую жизнь вырастил здесь Карим-бобо щедрые деревья, развел удивительные цветы. «Рай земной», — говорит каждый, кто бы ни заглянул сюда. И вокруг красота — глаз не оторвешь. За рекой луга, на склонах — рощи, над ними, как стражи, вершины в снеговых шлемах.

Поет стремительный поток неумолчную песню. Несется она к людям, славя жизнь и труд, наполняя ликованием сердца...

В то апрельское утро в прохладном воздухе витал тонкий запах цветущего миндаля. По берегу шли две девушки. Они прыгали с камня на камень, и заметно было, как легки они и стройны. Девушки пели, словно состязаясь с птицами, которые укрылись в ветвях.

Под старой джидой, что растет у излучины, они остановились. Смуглая худенькая девушка сняла туфлю, дотронулась ногой до стремительного потока и вскрикнула, будто палец обрезала:

— Ой, Мактуба! Вода-то — как лед!

Мактуба, высокая девушка с красивым задумчивым лицом, заметила:

— Зато у девушки, которая искупается в первой весенней воде, сбудутся все желанья. — Она взглянула на снежную гряду вдаль и пошла к воде неторопливо, но решительно. В больших глазах ее таился озорной вызов.

— Я тоже хочу!

Худенькая схватила Мактубу за руку, потянула ее вперед, споткнулась, и обе упали в воду. В то же мгновение крики и визг взметнулись до небес. Девушки вскочили и побежали прочь от реки. Сели на камень, тесно прижались друг к другу, дрожа и всхлипывая, не в силах произнести.

Тогда-то и увидел их Анвар — младший, еще не же-

натый сын Карима-бобо. Сквозь грохот реки расслышал он крики девушек и отыскал их взглядом.

Солнце быстро обогрело подружек. Они поднялись и направились вниз, к долине, где в свежей зелени прятался кишлак. Дурачась, они шлепали друг друга ладонями по спинам, потом помчались вперегонки. Мактуба легко вышла вперед. Длинноногая, с развевающимися за спиной косами, она была хороша, будто из сказки выпорхнула.

«Кто же это такая? — подумал Анвар. — Почему я не видел ее прежде?»

До сих пор ни одна девушка Анвару не нравилась, хотя отец его, Карим-бобо, и мать, Хамро-буви, решили, что сына надо немедля женить. Чего, мол, тянуть: парень институт в Ташкенте окончил; едва начал работать, главным агрономом назначили. Правда, здесь Анвару попросту повезло: главного агронома Маликова избрали партгором и Маликов настоял, чтобы пост главного агронома доверили Анвару. Так или иначе, Анвар в глазах односельчан стал лицом значительным, а такому человеку негоже на девушек заглядываться, подобно легкомысленным юнцам.

Вот так, или примерно так, рассуждали родители, всей душой желая Анвару добра. Мать и многочисленные тетушки с ног сбились, подыскивая в кишлаке невесту. Впрямую сказать Анвару о той или иной — дескать, чем не жена тебе? — мать не решалась. Лишь время от времени, не жалея красок, она принималась расписывать то библиотекаршу, то среднюю дочь колхозного фельдшера. «Уста ваши, дорогая матушка, еще более добры, чем сердце», — отвечал Анвар, и мать, потеряв терпение, однажды бросила ему: «Привези из Ташкента ту, что по душе тебе». Анвар улыбнулся: «Нету такой, матушка! — А потом добавил задумчиво: — Может, и есть, да не знаю, кто она». Хамро-буви только плечами пожала: «Учат вас, учат, а говоришь непонятно. Твои братья институтов не кончали, да и живут по-простому и доброму: женились, внучат родили нам со стариком на радость. А младшему нынешняя красотка, наверное, нужна, бесстыдница с голыми коленками. Тьфу! Я как в телевизоре увижу, сама от стыда за нее готова сквозь землю провалиться».

Мать рассердилась, и поиски невесты прекратились. А вот теперь Анвар сам готов был начать их снова.

Он поднялся по каменистой тропе и прошел через сад к дому. «Кто же такая? — мысль эта не покидала его. — Была бы здешняя, я бы знал. Но из другого кишлака девушки вряд ли забредут в горы в такой ранний час».

Умный парень, а простая догадка не пришла ему в голову: девчонки, и среди них Мактуба, на которых он внимания не обращал пять лет назад, стали за эти годы взрослыми красивыми девушками.

Анвар рассеянно завтракал, не замечая, с какой любовью накрыла для него стол Хамро-буви. Сама она уже давно ушла на работу, в червоводню. Отец, прежде чем отправиться в поле, возился в саду. Слышны были его побряхтыванье да стук топора. «Загодя подпорки готовит!» — понял Анвар. И тут же вспомнил отцовское: «Весенний день — год кормит». Как мог хоть на время об этом забыть он, главный агроном колхоза! Посевная на носу, а он о какой-то девчонке размышлялся. Взмахнула широкими рукавами, он и растаял, будто нет у него настоящих мужских забот.

И все же побрился и причесался Анвар в то утро с особой тщательностью.

По пути он встретился с парторгом Вахабом Маликовым. Парторг, мужчина лет сорока с небольшим, вид имел самый добродушный, чему немало способствовали веселые глаза, от которых лучниками разбегались морщинки. Он все умел делать легко, вот и сейчас: едва прикасался ладонями к рулю, но газик его шел по ухаби-стому проселку, словно по шоссе.

Был Маликов много лет бригадиром, не шумел, как другие, не суетился, а больше улыбался, но самые высокие урожаи получал он.

Все так же, казалось бы, незаметно окончил он заочный факультет, получил диплом, был назначен главным агрономом. Но люди на селе всё знают. Знают они, что Маликов первым среди бригадиров ввел на своих участках севообороты. Замечали, что до рассвета не гаснет лампа в его комнате и, считай, каждый месяц приходит к нему по почте толстая связка книг. Видели, что он руководит как надо и кетмень не гнушается в руки взять. По всему тому и выбрали его парторгом.

— Я учел все замечания, Вахаб-ака, — сказал Анвар. — Внес поправки в схему севооборота. Теперь, наверное, возражений не будет? Но, может, еще раз поставить вопрос на правлении?

Маликов нажал ногой на педаль. Машина пошла медленнее. Они выехали на проселок, и тогда Маликов ответил:

— Не до прений сейчас, дорогой Анварджан. Я твою схему знаю, актив — тоже. Сеять надо, вот что.

— Согласен с вами. Но раис говорит: «На бумаге у тебя все куда как хорошо получается, однако осенью придется не палочки считать, а канары¹. Вот ты и веди подсчет не по рекордам, а по минимуму. Что тогда получается?» Я ответил: «Плана не будет». — «То-то, — говорит раис. — Найдешь добавочные площади — сей на старых полях свою люцерну. Я тоже, говорит, малость в полеводстве разбираюсь. Помню, говорит, как деды-прадеды лечили землю: год — хлопок, год — люцерна, год — джугара. Так-то, дорогой мой агроном!»

— Знакомая песня, — сказал Маликов. — Но раис прав: хлопок надо дать, да и прошлогодний должок государству вернуть.

— Триста гектаров можно дополнительно засеять, — горячо произнес Анвар, — никак не меньше. — Глаза его смотрели из-под тяжелых, таких же, как у Карима-бобо, бровей решительно. Парторгу понравился этот взгляд.

— Ты Хонтахту имеешь в виду, конечно, — сказал он. Анвар кивнул.

— Идея хорошая, но, чтобы поднять воду на Хонтахту, денег нужна уйма. А хлопот! — Маликов отпустил на миг руль и развел руками. — Пока гипроземовцы проект выдадут, пока строители придут... А тут сеять надо со дня на день. Это ты не хуже моего понимаешь.

— Получится, — убежденно возразил Анвар и похлопал по своей брезентовой сумке. — Вот здесь все расчеты. Земли на Хонтахте не новые, а заброшенные, вы же знаете об этом. В войну там не сеяли, арыки запустили, а потом решили — возни с Хонтахтой много. Проще занять степь в низине, куда самотеком вода приходит.

— Прежде те поля попросту смывало, — сказал Маликов. — Я помню с детства.

— Вот-вот! — Анвар обрадовался поддержке. — На такой риск правление идет, а на расходы, чтобы снова поднять Хонтахту, ни в какую. А земля хорошая. Между прочим, в прошлом году Каратай, ну тот, что фермой заведует, бахчу там держал. Тыква, конечно, не хлоп-

¹ Канар — большой мешок для хлопка.

чатник, но ведь и ей вода нужна. Каратай воду чигирем поднимал. Я знаю.

— Да? — сказал Маликов. — Любопытно.

— Канал расчистить надо, пару мощных насосов поставить, — заключил Анвар. — Техники, правда, у нас маловато для этого, но экскаватор «Беларусь» имеется, и потом...

— Что потом?

— Молодежь попросим.

— Хорошо говоришь, только где взять лишние руки во время сева?

— Ночами работать будем.

— Это ты будешь. А остальные?

— Они что, не поймут, во имя чего трудиться надо?

— Дело, дело... — По лицу Маликова нельзя было догадаться, доволен ли парторг тем, что молодой агроном так горячо берется за самое главное.

Маликов остановил машину.

— Вот она, Хонтахта, — он показал рукой на обширное возвышение, действительно напоминавшее стол, поставленный среди равнины. — Тут рядом бригада Байзакова. Есть в ней комсомольское звено. Потолкуем с ребятами, что ли?

Они вышли из машины и направились к полевому стану — навесу под глиняной крышей, на которой пробилась реденькая трава.

Несколько парней и девушек (этих можно было издали отличить по ярким платьям) хлопотали под навесом и у сеялок, стоявших чуть поодаль.

— Не уставать вам! — приветствовал их Маликов.

Они все сразу повернулись, откликнулись живо:

— Здравствуйте! Пожалуйста к нам.

— Идем, идем, — ответил Маликов. — А что же это Мактубахон не встречает нас? Хозяйка-то где?

Высокая девушка в сером комбинезоне, перетянутом по тонкой талии ремнем, поставила на землю ведра, наполненные доверху семенами, и оглянулась.

Анвар опешил. Да это же она! Та самая красавица, которую он видел нынче утром у реки. Сейчас она показалась Анвару еще более статной; и пестрая косынка была ей как нельзя к лицу.

— Здравствуйте, — сказала девушка и смело подала Маликову узкую ладонь. Анвару она кивнула, а он так растерялся, что даже не поприветствовал ее.

— Кто это? — спросила она у подружки.

— Да неужто не знаешь: кичкинтай¹ Карима-бобо. Из института вернулся недавно.

— Какой он кичкинтай! Он агроном теперь. С ним не шути! — перешептывались девушки, украдкой поглядывая на Анвара.

— А на брюках-то складочки! Сразу видно: городской парень.

Девушки засмеялись.

— Вот что, молодежь, — сказал Маликов. — Может, еще не все знают, так я вам сообщу, что Анвар Каримов, которого вы видите здесь, назначен главным агрономом нашего колхоза.

Один из парней присвистнул.

Другой сказал как будто про себя, но все услышали:

— Начнет он теперь нашу карту заново перекраивать.

— Зачем же? — ответил, смущаясь, Анвар. — Вы — народ достаточно опытный. Поле у вас к севу готово. Не сомневаюсь.

— Это еще проверить надо, — вставил Маликов.

— Конечно, — согласился Анвар, — но только кому, если не молодежи. . . — Он почувствовал, что запутался.

— А-а, ладно! — громко произнесла худенькая смуглая девушка. — Главный агроном все проверит. Он теперь зачастит сюда. — Она многозначительно сперва посмотрела на Анвара, а потом на Мактубу, а та смутилась не меньше Анвара и шепнула подруге:

— Не стыдно тебе? При старших. И вообще, что ты надумала?

— У главного агронома дело есть к вам, — сказал Маликов. — Не правда ли, Анварджан?

— Может, в другой раз? — Анвар умоляюще посмотрел на Маликова.

— Нет уж, друг, — возразил Маликов. — Тянуть некогда. Вон земля-то как парит.

— Да, — согласился Анвар.

Он говорил и волновался еще больше, чем на защите своей дипломной работы. То и дело ловил он насмешливые, хотя и любопытные взгляды, которые бросали на него девчонки. Глаза парней казались ему угрюмыми, враждебными. Мактуба тоже смотрела на него внимательно, словно изучала.

— Ребята! Нам же в родном колхозе жить да жить, —

¹ Кичкинтай — младший в семье.

закончил Анвар. — Говорят, молодежь — будущее. Значит, о себе заботимся, чтобы на добрых полях нам трудиться.

Мактуба пошептала с подружкой, и наконец та, а не Мактуба спросила:

— А поливать как? На Хонтахте воды нет.

Анвар по-дружески подмигнул худенькой девчущке. Он уже услышал, что ее зовут Назира.

— Нам бы только посеять. А всходы появятся, раис сам сделает все, чтобы воду поднять.

— Да он никогда и не разрешит там сеять.

— Это я на себя возьму, — сказал Маликов.

— Ну так как, ребята? — спросил Анвар. — Вспашем Хонтахту?

Все долго молчали, поглядывая на Маликова. И парт-орг молчал тоже. Ждал чего-то.

Длинный парень в армейской фуражке хлестнул по своему кирзовому сапогу ивовым прутиком и сказал:

— За неплановую работу бухгалтерия платить не станет.

— Тебе бы только деньги, Садык! — упрекнула Назира.

— Садык прав, — сказал Назире тракторист Эргаш и вздохнул. — Строится Садык. Доски нужны, шифер. За все плати. А тут авансы только обещают. На отчетном собрании раис красиво говорил: каждый месяц зарплата, как в городе. А где она?

— Не спеши бы жениться, — не унималась Назира.

— Мала еще в такие дела вмешиваться, — оборвал ее Садык. — Когда женятся, у малолеток совета не спрашивают.

— Эх ты! — Назира покачала головой. — Умела бы я трактор водить, не кланялась бы тебе.

— Зато подружка твоя умеет. И ты учись, пока не поздно. — Эргаш осклабился.

— И поведу свой трактор, — заявила Мактуба, как о давно решенном, и спросила: — Кто еще? Дело, как понимаете, добровольное, и от своей работы нас никто не освободит. Ночью пахать придется. Проектора включим. . .

Никто не откликнулся. А парторг все что-то записывал в свой блокнот. Потом спрятал его в сумку, застегнул и не торопясь сказал, обращаясь к Анвару:

— Вот ты и убедился: ничего не выходит. План ты составил хороший, но выполнять-то его людям. А им

плати, условия обеспечить. Есть, конечно, и добровольцы, — парторг взглянул благодарно на Мактубу, — но вот же прав Садык! И возразить ему нечем. Авансы действительно обещаны были давно.

Маленькая Назира вскочила:

— Вы извините, Вахаб-ака, но как ему не стыдно, Садыку! Что с ним станется, если две ночи поработает? Да на нем самом пахать можно. Вон какой здоровенный.

— На нем жена уже пашет, — сказал Эргаш и ехидно засмеялся.

— Ты мою жену не задевай! — Садык покраснел. — А я ничего плохого не сказал. Вот и парторг со мной согласен: застря никто работать не обязан.

— Я не согласен с тобой, а просто понимаю, чего ты требуешь, — сказал Маликов. — Это разные вещи. — Он обвел всех взглядом. — Итак, есть один тракторист — Мактуба. Но одной машиной эту Хонтахту не поднять. Там же земля стала как камень. Повторная вспашка потребуется.

Анвар решил:

— Я тоже изучал трактор. Не знаю, как получится, но готов попробовать хоть сейчас.

— А машину ты возьмешь мою, что ли? — с вызовом спросил Эргаш и сам ответил: — Нужно очень. Разобьешь трактор, а мне потом возись с ремонтом.

— Не бойся, не разобью.

— Я и не боюсь. Только здесь не студенческая практика, а дело.

— Вот и Эргаш тоже здраво рассуждает, — сказал Маликов. — Техника за ним, а не за кем-то закреплена. Он за нее в ответе.

Анвар растерянно посмотрел на парторга: «Что же это он?»

И тут Маликов спросил:

— А мне кто-нибудь свой трактор доверит? — Теперь уже наступило молчание иного рода: очень неловкое. — Не понимаете вы меня, что ли?

— Эх, — сказал тот же Эргаш. — Разве вам откажешь, Вахаб-ака? Так и быть! Берите машину. Ну, и меня заодно, — он засмеялся, растянув и без того широкий рот, и все вместе с ним облегченно засмеялись. — Только попросите раиса, чтобы деньги нам все-таки выдали. Хоть по сотне.

— Он себе курточку хочет купить японскую, с молнией, — снова засмеялись девушки.

— Нет, — сказал Эргаш, улыбаясь во весь свой большой рот, — я вам на полсотни духов надарю, чтобы вы керосином не пахли.

— Добро, — заключил Маликов. — Есть два тракториста и два не очень выдающихся сменщика. Я буду работать с Эргашем, а на другой машине Мактуба и Анвар.

— Нет, нет! — поспешно прервала его Мактуба. — Я с вами, Вахаб-ака.

— Что же, — сказал парторг. — Вызываем в таком случае на соревнование Эргаша и Анвара.

Анвар только кивнул в восхищении.

Дома его уже ждали. Мать возилась у очага, на котором стоял казан, накрытый деревянной крышкой. Дразнящий запах плова вырывался из-под нес. Отец, сидя на корточках, чистил мелкую редиску, самую первую. Только в огороде у Карима-бобо и появилась она.

Старики обрадовались.

— Ко времени в дом, теща любить будет, — сказала мать. Она притронулась к глазам краешком платка.

— Садись, сынок, садись, — пригласил отец.

Анвар опустил на супу и застыл. Он теперь думал о Мактубе неотступно. О ней, о девушке, которую ему подарила заря. Теперь-то он понял, что означают слова, встречающиеся во многих песнях: «Ты сердце мое пленила».

— Чем ты расстроен, сынок? — Кариму-бобо пришлось повторить свой вопрос несколько раз.

Анвар наконец очнулся.

— Просто устал я, отец, пока все поля обошел...

Плов был отменно вкусен. Старики ели, не скрывая удовольствия, и Анвар наконец сообразил, что следует похвалить пищу.

— Что же мало ешь? — упрекнула в ответ Хамробуви.

— Я ем, ем, — поспешно ответил Анвар.

Наспех попив чаю, он отправился к себе. Лег, зная, что не уснуть; вновь и вновь воскрешал он в памяти все события этого необыкновенного дня. Лишь под утро задремал, но и тут Мактуба не выходила из головы.

Видел Анвар реку, а в ней плавающих девушек. «Кто купается в такую пору?» — хочется крикнуть им, но вместо этого Анвар хватает яркое платье Мактубы и прячет его в густых ветвях джиды, что растет над водой. И вот выходит из воды, не стремглав, как это было на самом деле, а степенно, гордясь своей красотой, Мактуба.

«Где мое платье?» — спрашивает она.

«Я не знаю, кто его спрятал», — отвечает подружка и идет прямо на Анвара.

«Вот он, бесстыжий». Худенькая девушка колотит кулаками, но боли Анвар не чувствует. Он ищет взглядом Мактубу, а ее уже не видно. Укрыла девушку джида в листьях своих, словно серебряное платье на красавицу накинула.

Анвар открыл глаза. Прохладный воздух вливался в распахнутое окно. Анвар долго лежал не шевелясь. Потом заставил себя подняться.

Вышел в сад. Ноги сами понесли его на берег, к вековой джиде. Анвар обнял рукой жесткий черный ствол. Ветви джиды тихонько звенели под ветром. Они были сплошь в почках. А листья еще не появились.

* * *

Вернувшись с поля, Маликов сразу же зашел к кассиру. Он положил перед худощавым человеком список и сказал:

— Вот этим людям немедленно выдайте авансы.

— В кассе ни копейки, — привычно бросил кассир, но все же с опаской взглянул поверх очков на парторга. Маликов рассердился.

— Вчера при мне подписали чек, — сказал он. — Как же так: нет денег?

— Не обижайтесь на меня, товарищ парторг. — Кассир снял очки. — Раис приказал: никому денег не выдавать.

— Вот что, — тихо произнес Маликов, теряя терпение. — Слушайте меня внимательно. У ворот ждет машина. Вы поедете в бригаду Байзакова и выдадите деньги по этому списку.

— Не мучайте меня, товарищ Маликов, — голос кассира стал жалобным. — Нрав нашего раиса вам известен. Не могу я послушаться, и все тут!

Кассир беспомощно развел руками и с деланной озабоченностью вновь уткнулся в свои бумаги.

— Ну, коли так, поговорим по-другому. А пока поезжайте в поле и объясните людям, почему не выдаете авансы. Это я вам как коммунисту поручаю. — С тем Маликов ушел.

Теперь кассиру не сиделось на месте, — парторг слов на ветер не бросает.

Он даже застонал, борясь сам с собой, потом поднялся и побрел по коридору в комнату парторга.

— Уж так и быть, — произнес он обреченно. — Возьму деньги и поеду. Но только прежде давайте поставим в известность раиса. Прошу вас, Вахаб-ака.

— Мне вы доверяете?

— Какие могут быть сомнения?

— В таком случае берите деньги и отправляйтесь. А с раисом я сам объяснюсь. Авось не проглотит меня. Вскоре на улице зафыркал мотор.

Утомленный, как борец после схватки, Маликов шагал туда-сюда по узкой комнате. Лишь успокоившись, присел к столу и углубился в блокнот. Затем попросил позвать нужных людей. Надо сказать, что являлись они не тотчас же и не все дела сразу решались. Лишь к вечеру парторг смог договориться о том, чтобы газеты вовремя доставлялись на полевые станы, чтобы не срывались колхозные радиопередачи и чтобы автолавка добиралась до отдаленных участков, чтобы всюду шурпа попевала к обеденному перерыву, чтобы на полевых станах свет не гас и не мигал, потому что от этого настроение людей зависит: им хочется спокойно посмотреть и телепередачи, и кинофильм.

Едва он освободился от своих забот, в коридоре слышался топот — уверенный, хозяйский. Ему вторили торопливые, сбивчивые шаги. То пришли раис и Каратай, еще не старый, до времени полысевший человек. Впрочем, лысину свою Каратай ловко скрывал под папхой из золотистого сурха¹. С нею Каратай не расставался ни зимой, ни летом; мстительные острословы утверждали, будто Каратай спит в папаше. Головной убор этот был вроде бы положен Каратаю по чину: как-никак заведующий животноводческой фермой. «Полк Каратая, — язвили все те же острословы, — сто хвостов в навозе, девяносто — яловых». Было все это, увы, не так уж далеко от истины, и все же раис благоволил к Каратаю. А тот следовал за раисом повсюду, как пес за всадником.

Итак, раис с Каратаем укрылись в кабинете, но вскоре дверь отворилась и голос, привыкший повелевать, потребовал:

— Кассира ко мне.

¹ Сурх — вид каракуля.

— Нет его, Ахмад-ака, — тотчас откликнулся секретарь, румяный, аккуратный юноша.

— Где его носит?

— В поле уехал. Кажется, товарищ Маликов его отправил. Авансы выдавать.

— Авансы? — Невинное слово это бухнуло с такой силой, будто бомба взорвалась. Раис к тому же еще и грохнул кулаком по настольному стеклу. Во все стороны от могучего кулака побежали трещины.

— Ахмад-ака, дорогой. Руку-то не повредили ненароком? — засуетился Каратай. Он даже подул раису на ладонь, выражая всем видом своим сочувствие. А в душе у Каратая пело: «Хвала аллаху! Кажись, парторг снова влип».

— До коих пор! — прокричал раис и повторил еще грознее: — До коих пор будет он совать нос не в свои дела?

— Люди-то к парторгу охотней обращаются. Скорее все решает, говорят, — Каратай подлил масла в огонь.

— Здесь парторг?

— Тут они, — ответил оробевший секретарь.

— Зови!

Председатель передового колхоза Ахмадали Турдыев повернулся спиной к двери. Он смотрел в окно. Пальцы его плясали на подоконнике. Лишь желтая лампочка, висевшая над оплывшей глиняной крышей, мигала ему из темноты, но видел раис совсем другую картину.

Турдыев видел поля. Свои поля, которым вновь угрожал вилт. И мальчишку этого, главного агронома. Почему он вспомнил сейчас об Анваре, о вилте? А-а, опять парторг! Чувствует юнец поддержку парторга. Иначе не решился бы так дерзко заявить раису: «Нельзя колебаться. Либо нынешней весной внедряем севообороты, либо будущее колхоза под угрозой. Сожрет нас вилт».

Непочтительно, с вызовом сказано. Но ведь прав мальчишка. Прав. Хочешь не хочешь, надо немедленно решать: все ли поля засеять хлопчатником, отвести ли часть под люцерну... Ох, взялись за него — парторг и агроном. Как тисками сжали. А давить-то зачем? Неужто сам он, Ахмадали Турдыев, бессменный председатель, вся грудь в орденах, куда бы ни явился — почет и уважение, в президиум приглашают, совета просят, — неужто ему нет дела до судьбы колхоза? Не чужого колхоза — своего. Он-то вправе называть колхоз своим. На голлом месте начинал. Было времечко и минуло. Казалось

бы, лучше не вспоминать, а нет: с гордостью думаешь теперь вот хотя бы о том, что в трудную послевоенную пору, когда едва ли не на себе плуги по полю волочили — какая там техника — рук не хватало! — даже в ту пору давали государству хлопок и сами крепи год от года. И радостей немало было. Молодежь, Анвар этот хотя бы, усмехнется, наверное, расскажи ему раис, как школу строили. Ту самую, где Анвар со своими замурзанными приятелями научился первые буквы выводить. Сейчас тот дом отдали под червоводню. Школа теперь новая, в три этажа, с залом, даже фильмы у себя показывают. А тогда... Сколько же это прошло, дай бог памяти? Да, незаметно, незаметно почти четверть века минуло. Тогда Ахмадали Турдыев из-за школы той, неказистой, маленькой, едва под суд не угодил. Дело было так. Купил он на большой дороге у шофера два десятка досок, — на полы не хватало, а близился сентябрь, начало учебного года... Недорого сговорился. Но только свернули с большака, тут как тут добры молодцы из милиции. И пошло: водитель вор, а он, Турдыев, соучастник. Время было крутое. Едва выпутался из беды. Благо, хоть прокурор понял: не для себя купил Турдыев по дешевке те проклятые доски. Закрыли его дело. А главное, лес для школы все-таки выдали.

Первого сентября Турдыев на рассвете пришел в новую школу. Прошелся по свежим полам. Ладонью парты погладил. А эти, замурзанные, уже у крыльца стоят, — кто в пилотке отцовской, кто в вылинявшей кофте до пят, а глазенки у всех как звезды...

Турдыев поискал чайник. Каратай с лету понял его, в тот же миг наполнил пиалу и протянул раису:

— Пейте, уважаемый Ахмадали-ака.

Раис отхлебнул и притронулся к скрытой кнопке. Вошел румяный секретарь.

— Я, кажется, приглашал к себе парторга.

— Они сказали, что кончат разговор по телефону и зайдут... Я уже напомнил один раз. — Даже Маруфджан, всегда робкий, сейчас показался раису дерзким, под стать всей нынешней молодежи.

Турдыев отшвырнул с дороги стул и стремительно вышел.

Действительно, Маликов разговаривал по телефону. Он кивнул Турдыеву и сказал в трубку:

— Вот и раис здесь.

Турдыев, по всему судя, намерен был не очень вежли-

во прервать парторга, но почтительность, с которой Маликов даже трубку держал, заставила его сдержаться.

Чтоб хоть как-то выйти из положения, раис начал осматривать маленький кабинет, вдруг поймав себя на том, что после избрания Маликова парторгом зашел сюда впервые: он предпочитал вызывать или приглашать людей к себе.

В комнате чисто, уютно. На стене — портрет Ленина, тот, где Ильич с кумачовым бантом на груди. Этот снимок и раису очень нравился. Карты, диаграммы, на которых показаны достижения колхоза. Шкафы полны книг. Диван — в белом чехле. А вот у раиса в кабинете посетители весь бархат поистрепали. Турдыев невольно подумал, что все здесь к месту и красиво. Даже авто-ручка, ракетой торчащая из подставки. Даже скромный чайник с пилкой на краю стола. Да и сам парторг подтянут, строен. Костюм у него выглажен и галстук повязан куда как красиво. А вель тоже не сидит сиднем в кабинете. Весь день в поле. Редко в машине, а то — на лошади либо пешком.

— За советы спасибо, — говорил между тем в трубку Маликов. — Постараюсь побывать вскоре у вас, и надеюсь, вы подробнее побеседуете со мной. Беспокойство ваше понимаю. Но, к счастью, и председатель полностью за. Да, да. Все противовилтовые мероприятия горячо одобряет. Как же иначе? Все, все сделаем. И торговлю в поле организовали, и авансы выдаем. Спасибо, передам. От души желаю здоровья и вам.

Маликов положил трубку, улыбнулся — раису показалось, что даже подмигнул, — и сказал:

— Вам большой привет.

— Ага, ага, — закивал раис. Он был уверен, что Маликов разговаривал с самим секретарем обкома.

— Сердит? — спросил он только.

— Да нет. Как обычно. Заботлив. Весна, а он все о вилте.

— А мы о чем же? — с достоинством возразил раис.

— Вы так поспешно вошли ко мне... Случилось что?

— Ничего не случилось. — Раис засопел. — Почему бы мне не зайти сюда просто так? Я все-таки тоже член партбюро.

— Верно, — сказал Маликов, и в ту же минуту в кабинет ввалился взволнованный, бледный кассир.

— Враг за тобой гонится, что ли? — недовольно спросил председатель.

— Вернули меня с поля, — ответил кассир, тяжело дыша. — Какой-то парень на мотоцикле примчался. Вернись, говорит, не то раис тебе голову снимет. Вот я и пришел. — Кассир растерянно посмотрел на обоих.

Турдыев шагнул к нему и взял за грудки.

— Это какой же дурень сказал тебе такое?

— С фермы Каратаевой парень, — пробормотал кассир.

— Что же ты за работник, если каждому встречному барану подчиняешься? Деньги людям выдал?

— Не всем... Не успел.

— На рассвете чтоб был в поле. И выдать все до копейки! Понял?

В кабинете у раиса все еще сидел Каратай.

— Что прилип к дивану? — сердито спросил Турдыев. — Дел у тебя мало? Завтра же представь мне отчет по удоям.

— Я о том как раз и хотел, Ахмадали-ака, — начал было Каратай, растерянно поглядывая на невозмутимого парторга, который пришел вместе с Турдыевым. «А разноса, кажется, не было».

— Прочь, я сказал! Все диваны мне пообтерли. Знай просиживают здесь, будто в поле забот мало.

Каратая как не бывало. Лишь папаха мелькнула.

— Вот народ, — сказал, как бы оправдываясь, раис. — По-хорошему с ними никак не получается.

— Почему же? — возразил парторг. Он и в кресле сидел непринужденно, но не развальясь. — Вот вы вчера нескольким колхозникам объявили строгие выговоры за то, что они на работу не вышли.

— Ну?

— Я побывал у этих людей. У женщины из третьей бригады ребенок болен. Бабка его своим снадобьем едва не уморила. Я поругал их и врача вызвал. У Алимова — жена в роддоме. За ребятами присмотреть некому. Накануне он детей своих одних оставил, так они вздумали лепешки печь. Развели огонь, пальцы себе пообжигали. Хорошо хоть соседка заметила.

— Няньки у нас в яслях, — вставил раис.

— У Алимова уже школьники. Старшая — в третьем классе. Вот она-то и есть главная заводила. — Маликов улыбнулся. — Забавная девчонка. Но теперь ее приструнят. Я за сестрой Алимова в город машину послал. С письмом от моего и вашего имени. Чтобы приехала на время. Надеюсь, не возражаете?

Раис тяжело кивнул.

— Алимов работник прекрасный. Особенно на себе, — продолжал парторг. — Ну, а остальные, — закончил он, — действительно на базар ездили.

— То-то и оно! — Раис поднял палец.

— Верно, — согласился парторг. — Но и этих тоже понять надо. Они справедливо жалуются на то, что в магазине нашем самого необходимого нет: соли, спичек. Я выяснил, в чем дело. Оказывается, продавец наш не желает брать соль с базы. Хранить, дескать, негде, а соль, она, известно, впитает влагу, слежится, как камень станет. Никто ее брать не хочет. Одни убытки. Так он объяснил мне.

— Пусть держит запас в доме, — сказал раис. — Что за причина: соли в магазине нет, дехканин в самую горячую пору в город подался? — Он порывлся в памяти, проверяя себя, к месту ли употребит редкое слово, и закончил: — Демагогия.

— Согласен, — улыбнулся парторг. — Но соль и спички, масло, сахар должны быть всегда на полках и в сельмаге, и в автолавке.

— Колхоз — сложное дело, — сказал наставительно раис. — Иногда нужно и потребовать жестко, и выговор вкатить. А если прислушиваться к нытью и жалобам, люди тебе вот сюда сядут, — он похлопал себя по мощной, сплошь в складках, шее. — Вот вчера, к примеру, приходит ко мне тракторист. Отпустите, говорит, в Коканд. Брат женится. Я ему и всыпал. Нашел, говорю, время для свадьбы! Весна, сев на носу. Если у них там, в городе, терпежу не хватает до осени подождать, так хоть бы ты, говорю, своего братца усовестил. А тракторист — в обиду. Радость, мол, у него, а раис ее омрачает. Вот и получается, как с детьми. Ежели отец во всем потакает, значит, он хорош, а коли откажет, да еще шлепка даст, сразу плох.

— Правильно поступили вы, — сказал парторг. — И мысли у вас верные. Потакать не надо, а понять человека, кто бы он ни был и с чем бы ни пришел, необходимо. Особенно если ладонь для шлепка поднялась.

— Слушай! — вдруг вспомнил раис. — С кем это ты давеча по телефону говорил?

— С Каримом-бобо, — ответил парторг. — А что?

— Как? Я же по разговору твоему понял, будто ты перед высоким начальством отчитываешься.

В карих глазах парторга мелькнула лукавинка.

— А с каких это пор аксакал перестал быть для узбека самым уважаемым лицом? — спросил он.

— Я этого не говорю, — пробормотал раис. Он был смущен, но справился с собой. — Ему-то до вилта что за дело, Кариму-бобо этому? — спросил он. — Возился бы в своем саду да на полевом стане у себя за порядком следил бы. А в поле мы и без него справимся.

— Хлопок — общая забота, — сказал парторг. — В прошлом году вилт у нас треть доходов сожрал. Каждая семья на себе почувствовала, что такое вилт. А нынче обещают сырую весну. Значит, жди еще большей напасти. Главный агроном. . .

— Анвар этот, что ли? — перебил председатель.

— Главный агроном, — продолжал парторг, — предложил отличную схему севооборотов. Он все поля обследовал, с каждого участка пробу грунта взял. В Ташкент в институт ездил. Проверял в лабораториях, советовался с учеными. Определили, на какой карте хлопок сеять, на какой кукурузу или джугару, а люцерну — в междурядьях. Мальчишескими планами это не назовешь. Все научно, все обоснованно.

Председатель слушал, и взгляд его тяжелел.

— А план где я возьму? — спросил он и стукнул кулаком по стеклу. — План! Из халата твоего Карима-бобо вату вытряхивать прикажешь?

— Спокойнее, пожалуйста. — Маликов поморщился. — Вы же знаете: все подсчитано. План должен быть.

— «Должен!» — передразнил Турдыев. — Каждая дыня должна быть сладка. Да только когда разрежешь, тогда и увидишь: мед в ней или гниль.

— Не злитесь, — сказал парторг. — Вы же знаете, я не в меньшей мере, чем вы, желаю добра нашему колхозу. И отвечать, в случае чего, мне придется так же, как и вам.

Раис не сдавался.

— Знаю я твою ответственность, — сказал он. — В прошлом году мы шесть процентов недодали. Парторга пожурили и вскоре на учебу в Ташкент отправили. Тебя новым парторгом выбрали. А мне — предупреждение. Ты понял? Предупреждение! Это значит: еще раз не выполнишь — тебе под это самое место! — Он с силой хлопнул себя по бедру.

— Погодите, — сказал парторг. — Я предлагаю завтра же обсудить вопрос о схеме севооборотов на парт-

бюро. Таким образом, я буду нести главную ответственность. Я сделаю доклад, и я первый проголосую за.

— А я — против, — сказал раис. — И ничем меня ни ты, ни начальство не переубедите. Ребенку ясно: нельзя засеивать лучшие земли люцерной, а хлопку отводить заваль. В будущем году еще куда ни шло. Может, и займемся этой схемой. А нынче не позволю.

— До завтра время еще есть. Подумайте.

— Ты меня не учи! — Раис вскипел. — Ты мне помогать должен, народ поднимать должен, чтобы каждое решение мое...

— Не ваше, а правления.

— Ну, пусть правления. Но чтоб поддерживали единодушно. Понял? А ты — палки в колеса.

— Ладно, — Маликов поднялся. — На том и расстаемся. Завтра в восемь — заседание партбюро.

— В восемь я уже буду на самом дальнем участке, — сказал раис. — И тебе советую быть в поле, а заседать станем зимой.

— Вы придите, — сказал Маликов. — Вы член партбюро.

— Спасибо, что хоть вспомнил. — Раис одернул на себе китель и первым вышел из кабинета.

* * *

Теперь у Анвара появился повод видеть Мактубу не только ежедневно, но и ежечасно.

На другой же день, едва дождавшись рассвета, он помчался в бригаду Байзакова, но бригадира разыскивать не стал, а отправился на то поле, где работало звено Мактубы.

Солнце взошло в то утро по-летнему яркое. В ранний час от небосклона растекалось марево над вспаханной землей. Трактор Мактубы стоял на краю поля. Мактуба, очевидно, только-только приглушила мотор: машина еще подрагивала. Но девушка уже успела расстелить на свежей травке, густо поднявшейся вдоль обочины, белый платок и разложила на нем нехитрый завтрак: лепешку, конфеты, поставила чашку молока.

Неподалеку стояли еще трактора, но сердце правильно вело Анвара — к этому.

Анвар огляделся. Мактуба была одна. Она прилегла на траву, отломил кусочек лепешки и раскрыла газету.

Девушка не слышала его шагов, и Анвар не нашел ничего лучшего, как спросить громко:

— Что вы читаете, Мактубахон?

Мактуба резко повернулась и подобрала голые ноги (брюки у нее были закатаны выше колен). Смущенно зарделась. И все же улыбка ее показалась Анвару радостной. Он приободрился.

— Вы хоть бы кашлянули издалека, товарищ главный агроном, — произнесла Мактуба с шутливым упреком и плавно повела рукой, приглашая к дастархану.

— Спасибо, — произнес поспешно Анвар. — Я уже позавтракал.

— А вот мы дома поесть никак не успеваем, — сказала Мактуба. — В поле уезжаем затемно. А на поле-вом стане ночевать не хочется: холодно еще.

— Да вы ешьте, ешьте на здоровье!

— И вы со мной, товарищ главный агроном. Попробуйте, какое молоко моя мама заквашивает. Ни у кого в кишлаке так вкусно не получается!

Анвар зачерпнул ложку-другую и зажмурился, изображая великое удовольствие.

— Жаль, что я не наделен талантом Саади, — произнес он и причмокнул губами. — Такое молоко надо воспевать.

— У вас, наверное, есть другие таланты, товарищ главный агроном? — В темных глазах Мактубы таился вызов. — Слышала я, как вашу схему севооборотов хвалят.

Глядя на красивую девушку, Анвар не мог говорить о деле, хотя заботы о Хонтахте не оставляли его ни на миг. Надо было узнать, точно ли сегодня в ночь Мактуба и заодно и Эргаш выведут свои трактора на Хонтахту, ответить, что схема схемой, но теперь все зависит от нее, от всех, кто обещал поддержку. Вместо этого Анвар поднял газету и уткнулся в нее.

Прошла минута.

— Что вас увлекло так? — заинтересованно спросила Мактуба.

— Стихи, — неожиданно для себя произнес Анвар.

— Прочтите вслух, если не трудно.

— Пожалуйста! — Волнение сдавило Анвару горло. Он произнес негромко:

Много, река, ты видала в пути.

Дай же мне знак, как подругу найти...

Где же любимая? Где? Подскажи!
К сердцу, что верит мне, путь укажи.

— Погодите-ка! — испуганно прервала его Мактуба. — Там ничего похожего нет.

— Есть! — Анвар упрямо тряхнул головой, но поднять глаза на Мактубу не решился.

— Дайте-ка мне газету! — Мактуба вскочила и приблизилась к Анвару. Она разволновалась и стала еще краше.

Анвар газету не дал, а протянутую руку Мактубы задержал в своей.

— Отпустите! — тихо попросила девушка и попыталась освободить руку. — Не дай бог увидят!

Тогда он отдал газету. Мактуба пробежала глазами страницы и, рдея, произнесла с подчеркнутым осуждением:

— Конечно же ничего подобного здесь нету и в помине.

— Ну и что?

Исподлобья Мактуба взглянула на Анвара, и он изумился и онемел. В глазах Мактубы прочел юноша то, на что втайне надеялся и во что поверить не мог: таким великим счастьем было это!

— Скажите же наконец, где вы нашли это? — тихо повторила Мактуба.

И он ответил:

— У старой джиды. На берегу. Воскресным утром... Больше он не сумел произнести ни слова.

Мактуба прикрыла глаза, будто припоминая, вздрогнула и тоже умолкла.

Так и стояли они друг против друга, оглушенные своим открытием, не смея ни на что решиться.

Наконец Мактуба заговорила, не потому, что ей хотелось сказать об этом, а чтобы прервать молчание, которое становилось невыносимым. Пытаясь придать голосу деловитость, она сообщила:

— Я сберегла горючее. На три смены хватит. А Эргаша придется обеспечить.

— Я позабочусь, — глядя в землю, пообещал Анвар и спросил: — Значит, сегодня начнем поднимать Хонтахту?

— Я же сказала — да.

— Спасибо! — искренне поблагодарил Анвар и протянул Мактубе руку.

Она подала горячую ладонь. Анвар готов был держать ее в своей руке вечно.

— Пустите! — сказала Мактуба и тут же вскрикнула испуганно: — Ой! Кто-то едет.

Словно из-под земли выскочила черная «Волга». Сам председатель колхоза сидел за рулем; позади в машине покачивалась золотистая папаха.

Анвар покраснел, хотя в том, что он, главный агроном, находится с утра в поле, ничего странного не было.

Раис кивнул Мактубе и подал руку почтительно приблизившемуся Анвару. А Каратай... Его глазки сверлили Мактубу, полные губы кривились в двусмысленной улыбке.

— Зачастил ты в бригаду Байзакова, парень, — мрачно произнес раис. Не дожидаясь ответа, он не без труда наклонился, взял в пальцы щепотку вспаханной земли и взгляделся в нее изучающе.

— Наш главный агроном — на самом важном участке, — произнес Каратай, ослабившись и подмигнув неизвестно кому.

— Звено Мактубыхон старается закончить сев досрочно, — сказал Анвар.

Прозвучало это как оправдание.

— Хвала Мактубехон, — все так же угрюмо произнес Турдыев, не удостоив девушку даже взглядом. — Справятся со своим полем, перейдут в соседнюю бригаду. Там — ни трактористов путных, ни сеяльщиков. Мальчишки да девчонки. Поокончали курсы на мою голову! Я только что у них полкарты забраковал. — Раис тяжело дышал.

— Извините, Ахмадали-ака, — тихо произнесла Мактуба, — но мы же будем поднимать Хонтахту. Есть решение.

Шея у раиса побагровела. Наконец-то он посмотрел Мактубе в лицо.

— Ночью, — зло и твердо произнес он. — Только ночью. Тогда делайте что хотите. Ночью я над вами не хозяин. А днем будете работать по нарядам правления. Ясно? — Теперь он обращался и к Анвару тоже.

— Почему же так? — волнуясь, спросил Анвар. — Она же, то есть мы — Мактуба, Эргаш, я, товарищ Маликов, — мы же не для себя Хонтахту поднимаем. Для колхоза. Нельзя ведь за счет отдыха заставлять людей...

Но тут прорвало Каратая.

— А никто и не заставляет! — закудахтал он, выскрывая из-за спины Турдыева и выбрасывая вперед сразу обе ладони. — Спице себе на здоровье всю ночь в постели, как подобает порядочным людям. А то вздумали: Хонтахта! Да там сроду ничего не росло.

Анвар с трудом сдерживал себя: гнусные намеки улавливались в торопливой речи Каратая. Потому Анвар и боялся взглянуть на Мактубу.

— А кто на Хонтахте по пять тонн тыквы каждый год собирает, вы не знаете? — спросил агроном с вызовом. — Думаете, не понимаем, о чем вы хлопочете?

— Разрешение у меня есть! — выкрикнул Каратай. — И не в свой карман деньги я кладу. Да и денег никаких: тыквы не на базар, а на корм скоту выращиваем. Для полноты рациона. Я на правлении отчитался честь честью. Не тебе меня допрашивать, парень. А бахча там останется. Останется! Так правление решило.

— Замолчи! — с оттенком неприязни произнес раис.

Подбежал взмокший бригадир Байзаков.

Раис поздоровался и долго разговаривал с Байзаковым о делах бригады. Каратай сопел. Мактуба застыла, опустив глаза. Анвар мучительно соображал, как сохранить достоинство, вступив в разговор, чтобы это не показалось нарочитым, а значит, глупым. Как-никак он — главный агроном. Председатель колхоза в его присутствии беседует с бригадиром. Не пристало вроде бы ему сейчас молчать. Но чем больше думал он об этом, тем труднее было раскрыть рот.

Наконец раис сам обратился к нему и, как бы не впряму, к Мактубе тоже:

— На партбюро мы поладили так: поднимайте, коли хотите, Хонтахту. Ответственность — на вас, на главном агрономе. И на мне, само собой, — не меньшая. Накладную подпишу я, не дядя; а семена — элитные. Почему тонна, вам хорошо известно.

— Я знаю об этом, — сказал Анвар и добавил, чтобы взять реванш за молчание: — Я на партбюро тоже был. И не дремал там, а слушал и сам говорил. Вы должны помнить, о чем. Всего один день с той поры минул.

Раис почувствовал вызов.

— Я понимаю, — сказал он. — И не только тебе одному: убытки покроете из своего кармана. Нечего за колхозный кошт в герон лезть.

Анвар побледнел.

— Вы меня обижаете, Ахмадали-ака, — сказал он. — За что?

Раис внезапно изменил тон. Он даже впервые улыбнулся и усы погладил.

— Эх, парень, парень. Думаешь, я ретивым не был? Тоже казалось — все слепы, один я зрячий. Потом понял: единым махом дувал не одолеешь. Только лоб расшибешь да народ насмешишь. Не лучше ли обойти стену?

— А если пожар в доме случился? — спросил Анвар. — Что ж, прикажете тыкаться в ограду, пока не найдешь лазейку, а дом тем временем пускай себе горит? — Он заметил одобрительный взгляд, который кинула на него украдкой Мактуба, и не дал раису возразить. — Вилт — тот же огонь. В одном лишь нашем колхозе он сжигает ежегодно бунт хлопка.

— Азбуку я давно прошел, — раис вновь помрачнел. — Еще в ту пору, когда ты на свет не родился.

Неожиданно Анвару стало весело.

— Знаете, Ахмадали-ака, — произнес он совсем непринужденно, — жил в давние времена неглупый человек, и он заметил как-то, что молодость — единственный недостаток, от которого человек избавляется без собственных усилий.

Наступило молчание.

— Вот как ты меня! — сказал наконец раис и хохотнул. Байзаков тоже позволил себе улыбнуться, а Мактуба покраснела. Только Каратай был мрачен.

— Ладно, — заключил Турдыев. — На том, выходит, и порешим, пашите и сейте когда заблагорассудится, но только чтоб наряды Байзакова были выполнены: бригада страдать не должна. Горючее экономьте, покупайте, — со склада не дам ни грамма.

— Да-а, — протянул Анвар. — Жестко вы стелете.

— Ваша затея, — возразил раис. — Я еще не все сказал. Оросительную систему тоже восстанавливайте своими силами. А засохнут посевы, пойдет под суд прежде всего товарищ главный агроном.

— Переживу, — бросил Анвар.

Раис повернулся, ссутулившийся, грузный, и пошел к своей «Волге».

Каратай засеменил следом, что-то испуганно шепча на ухо раису. Тот остановился на миг, посмотрел на Анвара, на Мактубу (Байзаков бочком-бочком уже подо-

шел к машине и открыл дверцу) и успокоил не то Каратая, не то себя:

— Пять лет нашего агронома государство учило. Теперь разок заплатит за науку сам. Зато поймет, что к чему.

Анвар рванулся было, чтобы ответить, но тут Мактуба едва-едва, кончиками пальцев, дотронулась до его локтя, и он смирился мгновенно.

— Смотрите только, чтоб эта самая Хонтахта вас от главных забот не отвлекла, — сказал раис, уже садясь за руль. — Все посевы должны быть как на выставке! — Машина рыкнула, загудела и умчалась.

* * *

А в центре поселка, у невзрачной лавки с вывеской, запылившейся до такой степени, что буквы синие по зеленому: «Смешанный магазин» — были неразличимы, остановился автомобиль с открытым верхом. Машина была неновой, из тех, что были списаны из армии после войны и за небольшую цену проданы демобилизованным. Выглядел газик вполне прилично, хотя на боках его виднелось немало заклепок. Из-за руля поднялся высокий, спокойный человек лет сорока с лишним. Звали его Набиджан Садыков. Он действительно был в войну сержантом-танкистом. Ушел на фронт в первый год, добровольцем. Окончил войну в Берлине. А до того были у Садыкова за спиной трудные и радостные годы: с отрочества трудился он в колхозе — и арыки чистил, и на окупке помахал кетменем немало. По призыву комсомола участвовал в строительстве Большого Ферганского канала. Таскал на плечах мешки с землей и был счастлив, как все, кто работал на незабываемой всенародной стройке.

После войны в своем родном кишлаке, километрах в ста от Богистана, где происходят описываемые нами события, Садыков был избран партгоргом колхоза. Работал, как воевал: не щадя себя, но понимал, что ему, бывшему кетменщику и танкисту, не хватает знаний. Человек он был толковый и настойчивый, уже немолодым за два года подготовился и сдал экзамены за среднюю школу. Потом райком партии направил Садыкова в Ташкент, в высшую партийную школу. Два месяца назад Садыков окончил ее, вернулся в родную долину, и здесь

секретарь обкома велел ему подождать с работой месяц-другой.

— Поезди по районам, приглядишься к людям, к жизни, — сказал секретарь и добавил с улыбкой: — Тем паче что конь у тебя свой.

— Боевой конь, — в тон секретарю ответил Садыков. — Ни на какого другого не променяю.

— Смотри, — пообещал секретарь обкома. — Припомню тебе эти слова, когда будешь просить новую машину.

Садыков только засмеялся в ответ.

На своем латаном, но безотказном автомобиле он уже объездил не один кишлак и вот сейчас завернул в Богистан.

Прибыл он сюда не случайно. Все тот же секретарь обкома, с которым Садыков недавно разговаривал по телефону, спросил, нет ли у Садыкова знакомых в хозяйстве Турдыева.

— Есть! — обрадованно ответил Садыков. — Мой фронтный друг, Маликов, живет в Богистане.

— Побывай у него, — посоветовал секретарь обкома.

Садыков жалел теперь, что не спросил у секретаря обкома, нужно ли представляться Турдыеву. Садыков прежде слышал о Турдыеве немало, о его заслугах и крутом нраве, граничащем со своеволием. Правда, и урожаями такими устойчивыми, как у Турдыева, едва ли мог похвастаться кто-либо другой из колхозных руководителей. Однако в прошлом году, Садыков знал об этом, колхоз впервые за всю историю не выполнил план.

Поэтому и раздумывал Садыков, нужно ли говорить, что он партийный работник, пусть пока без должности.

«Началось! — несомненно подумает Турдыев. — Теперь пойдут комиссии-перекомиссии, а там — бюро и предложение: «Не желаете ли на заслуженный отдых?»

«Нет, лучше молчать об этом», — решил Садыков и с тем шагнул в полумрак, царивший в низеньком магазине. В нос ударил резкий запах слежавшейся кожи и самсы с луком. Сидя в одиночестве за прилавком, молодой продавец с аккуратно причесанными курчавыми волосами завтракал, запивая самсу чаем.

— Не найдется ли стакана «Ташкентской»? — спросил Садыков.

Продавец долго жевал и, погодя, произнес, хмыкнув: — Вы, никак, из столицы?

— Я сельский, — сказал Садыков и спросил: — Какое это имеет значение?

— Вы еще нарзану спросили бы, — ухмыльнулся вновь продавец. — К нам сроду ничего подобного не возят.

— И очень плохо! — Садыков не выдержал. — В соседнем кишлаке и магазин, и кафе — городским не уступят.

— Соседская корова всегда по два теленка приносит, — философски заметил продавец, проглотил самсу, тщательно отер губы и даже в зеркальце погляделся.

Садыков направился к выходу, с досадой думая о том, что и чайхана в эту пору закрыта, а Маликов, друг, с которым когда-то вместе на фронт уходили, наверное, в поле. Придется терпеть жажду, пока какой-нибудь добрый человек не предложит напиться. И добрый человек этот сыскался.

— Эй, браток! — послышалось из глубины лавки. — Машина на дороге стоит ваша, что ли?

Садыков не ответил, но продавец догнал его, подхватил под локоть, вернул к стойке и поднес пиалу.

«Черт с ним, напьюсь», — решил Садыков.

По-девичьи красивые глаза продавца сощурились.

— Что же ты обиделся, друг? — спросил он снисходительно, как старший, хотя и не по возрасту, но зато по положению, и не дал Садыкову ответить. — Дельце есть, — сказал он. — Небольшое, непыльное и денежное. — Он добавил в пиалу чаю. — Да ты пей, пей. — А сам глянул на газик. — Груза у тебя нет?

Садыков пожал плечами.

— Вот что, друг, — продавецдохнул ему в лицо луковым запахом. — Подбросим небольшой куль в одно местечко. Отсюда недалеко. Я тебя не обижу. — Он не дал Садыкову возразить. — Заводи.

«Что же, — решил Садыков, — кажется, знакомство с кишлаком начинается, как говорят, с самой глубинки».

Парень вышел, сгибаясь под тяжестью куля, поставил его на задок и сам влез в машину.

— Трогай, — велел он. — Пока — прямо, а там я подскажу. Узнаешь, кстати, где наш раис живет.

— Добро! — Садыков кивнул головой, не снижая скорости перед очередным ухабом.

Машину тряхнуло. Продавца подкинуло, и он стукнулся затылком о раму.

— Осторожнее нельзя? — спросил он недовольно. — Не саксаул везёшь небось.

— А что же? — невинно поинтересовался Садыков, обернувшись и взглянув на мешок.

— Отец твой мельником был, наверное, — пробурчал продавец. — Непременно нужно тебе знать, что в мешке. — Он скомандовал: — Направо, до урючины. Так. А теперь прямо, до синих ворот. Стой.

Продавец вытащил мешок и понес его во двор, открыв ногой калитку. Надсадный собачий лай слышался изнутри.

Садыков закурил и с любопытством оглядел большой дом, который смотрел на улицу четырьмя высокими зарешеченными окнами, закрытыми тюлевыми занавесками.

У ворот был сооружен высокий айван. Садыков присел на айван и прикрыл глаза, наслаждаясь тенью.

Калитка отворилась. Поспешно вышел продавец, приблизился к Садыкову и положил рядом с ним пятерку, прихлопнув бумажку ладонью.

Садыков покосился на деньги.

— Да ты бери, бери, — продавец хотел сунуть деньги в карман Садыкову.

— Брось! — резко произнес Садыков.

— Вот чудак! — Продавец деланно засмеялся. — Впервые вижу такого. Вы же по-честному заработали.

— По-честному? — Садыков посмотрел в упор на парня. Тот вытер вспотевшее лицо и отвел глаза.

Садыков вскочил на ноги, одернул на себе китель и пошел к машине.

— Постой-ка, дорогой друг! — Парень догнал Садыкова и попытался удержать его. Он был испуган и не мог скрыть этого. — Зайдемте к раису. Он приглашал вас. И плов уже готов. Нехорошо отказываться. Вы же гость у нас, — торопливо говорил продавец.

Садыков вдруг улыбнулся. «А что? Кажется, неплохой повод для знакомства с Турдыевым».

— Ладно, — согласился он. — Так бы сразу. А то кидаешь мне бумажку.

У продавца отлегло от сердца.

— Я сейчас, сейчас. — Он опередил Садыкова. — Собаку привяжу только. Вы подождите, пожалуйста.

Ждать пришлось довольно долго, причем Садыков ясно слышал раскаты недовольного начальственного голоса и тенорок продавца с умоляющими потками. Нако-

нец парень показался на пороге и с подчеркнутым радушием пригласил Садыкова войти.

Двор, как и ожидал Садыков, оказался большим и просторным. Вокруг хауза цвели розы. На деревянной супе возлежал, опершись на подушку, грузный человек в зеленом халате, сквозь открытый ворот виднелась волосатая седая грудь.

Раис обмахнулся полотенцем, небрежно кивнул в ответ на вежливое приветствие Садыкова и бросил ему:

— Проходите, джигит.

Сопровождаемый продавцом, Садыков омыл руки и присел на краешек супы. Все молчали, пока раис не крикнул куда-то в глубь двора:

— Эй, неси-ка свой плов.

Тотчас появилась женщина в шелковом платье и калошах на босу ногу. Не глядя на мужчин, она проворно расстелила скатерку, поставила плов и салат.

— Ешьте, — пригласил раис. — Я только недавно пообедал, так что вы на меня не глядите.

— Сами-то хоть немного. . . — Продавец посмотрел на ранса умоляющими глазами.

Раис кинул горсть риса в рот.

— А вы кушайте, пожалуйста. Хорошо кушайте, — обратился к Садыкову продавец. — Шофер должен быть сыт, иначе руль не удержит в руках.

— Да-а, — только и произнес Садыков, смакуя плов, который действительно был очень вкусен.

— А ты неразговорчив, джигит, — заметил раис и добавил наставительно: — Это благо. Болтливый шофер или секретарь — горе для руководящего работника. Ох-ох-ох, — вздохнул он, сожмурившись. — Сколько больших людей пострадало из-за длинных шоферских языков. . .

Садыков ел и кивал непонятно: не то соглашаясь с раисом, не то в похвалу блюду.

— Сам-то ты кого возишь? — спросил раис. Когда калитка была открыта, он успел разглядеть неказистый газик и потому с уверенностью продолжал: — Ветслужбу, наверное?

— Нет, — возразил Садыков. — Сам себя вожу.

— Твоя машина, что ли?

— Моя.

— А что же тебя к нам привело? Наш кишлак, кажется, не на большой дороге?

— Друг у меня здесь живет, в Богистане, — доверительно сообщил Садыков.

Он отер полотенцем, которое ему услужливо подал продавец, губы и руки и окинул, словно невзначай, взглядом двор. Женщина в шелковом платье, присев на корточки рядом с мешком, беспечно раскладывала на коврике его содержимое: несколько бутылок коньяку, консервные банки с золочеными ярлыками, яркие кофты, упакованные в прозрачные мешочки; вытащила модный блестящий плащ-пальто, — его женщина подняла и прикинула на себя, хотя плащ был мужской. Она не успела достать следующую вещь.

— На кухне у тебя дел мало, что ли? — завопил раис, перехватив напряженный взгляд Садыкова и побагровев.

Женщина испуганно вскочила и убежала, оставив все, что достала из мешка, на коврике. Продавец бросился было к вещам, но его остановил окрик раиса:

— Не лезь в бабы дела, Юсуфджан!

— Ага, — согласился продавец, прижав руки к груди. — Ага. — Он вернулся к супе, и снова наступило неловкое молчание.

Раис посопел и продолжал прерванную беседу:

— Так кто, говоришь, твой друг здесь у нас в Богистане?

— Маликов Вахаб, — простодушно произнес Садыков. — Знаете, наверное, такого? Мы с ним вместе на фронте были. Вот только не виделись давно, хотя и живем вроде бы неподалеку. Я из Янги-кишлака. Слышали, наверное?

— Слышал, — сказал раис, исподлобья, но пристально глядя на Садыкова, и добавил: — Друг ваш большой человек у нас. Он парторг. Я без него ни шагу.

— Вот как! — Садыков искренне обрадовался. — Хороший он парень, Вахаб Маликов. Я его в бою видел. Там человек как на ладони.

Продавец Юсуфджан заерзал на месте.

— Тебе что, парень, горячие угли под зад попали? — спросил раис.

Юсуфджан, и без того вспотевший, пробормотал в ответ что-то невразумительное. Он еще пытался улыбаться, но получалось это жалко.

Раис хохотнул, привстал и сообщил Садыкову, уже как равному, показав через плечо пальцем на Юсуфджана:

— Говорил дурню: не привози мне на смотрины никаких товаров. Если что надо, я сам найду, как все, к тебе в лавку. Посмотри, выбери, куплю. Так нет же! Не пони-

маст! И вот, — он положил ладонь на плечо Садыкову, — еще и заставил доброго человека везти все это. Забери, — грозно велел он продавцу. — И чтобы — в последний!

— Майли, майли¹, — Юсуфджан соскочил с супы и побежал к мешку.

— Вот и спрашивают потом, — продолжал раис, теперь уже совсем искренне, — спрашивают, откуда это вдруг появляется у хороших руководителей зазнайство, байство. Да из-за таких, как этот! — Он даже фыркнул сердито, показывая на Юсуфджана, который уже успел завязать свой мешок. — Не просишь его ни о чем. Наоборот, запрещаешь! Так нет: лезет со своей услугой, будь она проклята. Ладно, будет. — Раис переменял тон и положил ладонь на руку Садыкову. — Так кем же вы будете, дорогой товарищ? — Он улыбнулся. — Вы извините, конечно, за такой вопрос, но полагается же знать, кто у тебя в доме за дастарханом сидел, кто тебе честь оказал?

— Садыков моя фамилия. Вам она ничего не скажет. А занятие — хлопкороб, как большинство нас, узбеков.

Продолжать расспросы было неприлично.

— Хотите, — предложил раис, — поедем к Маликову вдвоем. Он сейчас в поле. Пора теперь ой какая жаркая! — Раис спохватился: — Я вот сегодня впервые за полгода позволил себе отдохнуть. Сердце пошаливает. — Он прижал ладонь к груди.

— Отдыхайте, пожалуйста. Я и сам разыщу Маликова. Тем паче конек у меня свой. Правда, староват, но надежен.

Раис задумался. По сосредоточенному лицу его было видно, что противоречивые мысли мучают его. Что, если этот друг Маликова и впрямь мелкая сошка? Машина-то у него — сам, видно, сляпал ее из обломков. Пристало ли в таком случае ему, Турдыеву, сопровождать случайного проезжего? Но вот взгляд у этого Садыкова (так, кажется, он назвал себя?) уверенный очень, да и улыбка смелая...

— Ладно, — избавляясь от сомнений, произнес раис. — Будете в наших местах, заглядывайте.

— За угощение спасибо, — сказал Садыков. — Вам и вашей хозяйке.

— Э-э, — раис поморщился. — Готовит она хорошо, а так все не научу ее уму-разуму. Ну посудите сами, до-

¹ М а й л и — ладно, хорошо.

рогой, — он обрадовался, что Садыков помог ему сказать о главном непринужденно, — на что нужны ей эти тряпки, что Юсуфджан привез? Ему, бедняге, аллах тоже не полной горстью разум отпустил. Послушал бабу! Привез в мой дом весь свой атарлик¹. Нашел где выставку устраивать. Тьфу! Он у меня еще получит за это.

Садыков молча протянул раису руку, и тот благодарно взял ее. Уже потом, когда зафыркал на улице старенький мотор, Турдыев пожалел, что отпустил Садыкова одного. Но не мог же он, раис, выскочить за ворота в одном халате и закричать: «Погодите! Я с вами!» Да и к чему?

Раис пил чай. Тревога не оставляла его. «Давно не отдыхал, — решил он. — Долой заботы!»

Он вошел в дом, снял телефонную трубку и потребовал, чтобы сейчас же прислали к нему «Волгу» и Каратая.

Пока Садыков разыскивал бригаду, где, как ему сказали, должен был находиться Маликов, солнце уже склонилось к закату. На полевом стане ничего не было видно, но в сторонке от навеса кипел большой самовар. И вскоре показался старик в длиннополой белой рубашке. Он нес горку вымытой посуды.

Старик радушно ответил на приветствие и предложил свежего чаю.

— Спасибо, отец, — сказал Садыков. — Мне ехать надо. Парторга вашего разыскиваю, Маликова. Он у вас, наверное, на крылатом коне по полям скачет? Куда ни приеду, говорят: только был — уехал.

Старик засмеялся: лицо его по-доброму сморщилось.

— У нас он тоже недавно был. Вместе с главным агрономом в первую бригаду уехали. Ко мне заезжал товарищ Маликов. Советовался со мной. А главный агроном, — старик добавил, не тая гордости, — главный агроном — сын мой.

— Вот как!

— Выпейте чаю, — старик радушно подал Садыкову пиалу. — Успеете найти Маликова. Он во-он на том бугре. Бугор тот в народе Хонтахтой называют.

— Похожа! — Садыков улыбнулся.

— Из-за нее, из-за этой Хонтахты, и сынок мой, глав-

¹ Атарлик — хлам.

ный агроном, и товарищ Маликов, парторг, покой потеряли.

— Что ж так?

— Э-э-эх, — старик на миг заслонился коричневыми ладонями.

— Ладно, отец, коли нельзя. . .

— Да никаких тайн здесь нет. Все из-за вилта, будь он неладен.

— И нынче ждете напасти?

— Сами-то и порождаем ее. Кого еще винить? Ну вот вы не знаете, вы молоды, а я-то хорошо помню: отцы-деды наши после хлопка давали отдых земле: гулять оставляли, потом люцерну сеяли. Она и омолаживалась, земля-то.

— Знаю я об этом, — сказал Садыков. — И раис ваш тоже, наверное, понимает, что такое севообороты и травопольная система.

Старик внимательно посмотрел на Садыкова и, очевидно, решил, что этому худощавому человеку со спокойным взглядом можно довериться.

— Конечно, он все понимает, — сказал старик. — Ахмадали хлопок так чувствует — другого знатока не сыщешь. Едва ростки покажутся, а он уже видит, сколько коробочек будет осенью на каждом кусте.

— Так в чем же дело?

— План, говорит, нужен. План! Восстановить свое доброе имя надо. А потом уже будете землю лечить, — так он рассуждает, а они, парторг и сынок мой, собрались на свой страх вспахать Хонтахту, посеять там хлопчатник, а старые поля, те, что в низине, у реки, чтоб в этом году отдохнули.

— Добро! Что ж раису-то не поддержать их?

— Да он вроде бы и не возражает, но и помощи не оказывает. Мол, как хотите, так и выкручивайтесь, а мое дело — сторона; других забот по горло. И поля в низине велел опять засеять. А они — в самой пойме. На моей памяти там три раза все до камней сносило.

— Не верит он в их затею, что ли?

— Надо полагать, не верит. Да и людишки вокруг него такие, что с толку сбивают, хотя он, Турдыев, казалось бы, куда как самостоятелен. — Старик долго пил чай, беззвучно шевеля губами; словно проверял себя, не наговорил ли лишнего. Но, видно, все это давно у него наболело, а приезжий был сдержан, внимателен и уж очень располагал к откровенности. — Я Ахмадали Тур-

дыева вот еще таким помню, — старик чуть приподнял ладонь над помостом. — Боевой парень был, ничего не скажешь. В поле — первый. Был бригадиром, ни шагу без совета с людьми, со стариками. А теперь он нервный какой-то стал, что ли? Обижает людей, отчитывает всех напропалую. До поздней ночи никому покоя не дает. Затемно сам поднимает бригадиров, звеньевых: «В поле! В поле! Нечего спать!» А сам, едва солнце взошло, завалится на бок и до вечера храпит.

Садыков подумал, подумал и засмеялся раскатисто.

— Ну и хитер ранс! — произнес он сквозь смех. — А вы-то раскусили его!

— Раскусил! От меня не скроешься. — Карим-бобо засмеялся вместе с Садыковым, но вдруг прервал себя и сказал: — Вон идут сюда.

— Кто?

— Как кто? Неужто не узнаете?

Садыков обернулся и увидел невысокого человека со знакомым добродушным лицом и вздернутым носом.

— Маликов! — воскликнул он, бросившись навстречу. — Здравствуй, друг мой дорогой!

— Хоть бы предупредил, что приедешь, — говорил Маликов, крепко обнимая Садыкова. — Я бы тебя у самой околицы встретил, а так небось намаялся ты, пока разыскал меня?

— Не сомневаюсь в твоём гостеприимстве, друг, — отвечал Садыков. — Но, честное слово, я доволен: успел познакомиться с вашим кишлаком. И с людьми некоторыми тоже. — Он вежливо поклонился Кариму-бобо.

— Сколько же это лет мы не виделись? — спрашивал сам себя Маликов. Он наморщил лоб, и потому нос его казался теперь еще более вздернутым.

— Много, — ответил Садыков. — Ей-ей, стыдно мне: живу-то неподалеку! Поверь: едва ли не каждую неделю собирался к тебе. Но все дела, дела... Конца им нет.

— И не будет, — подхватил Маликов. — Ну да ладно. Оставим пока заботы. Поехали ко мне. И главного агронома с собой прихватим. Познакомитесь, кстати.

Садыков пожал Анвару руку и внимательно взгляделся в его лицо. Анвару Садыков понравился — подтянутый, мужественный. И все же Анвар понимал, что будет лишним.

— Благодарю вас, Вахаб-ака, — сказал он. — Я еще на кукурузное поле хочу заглянуть засветло. А потом — на Хонтахту.

— Хоп, — согласился Маликов, обнял Садыкова за плечи, и они ушли к машине.

Карим-бобо проводил их долгим взглядом.

— Вот, сынок, — произнес он раздумчиво. — Хороша жена — счастье в доме, хороши друзья — счастье всему миру.

— Ваша правда, отец, — сказал Анвар и посмотрел в сторону, откуда доносился едва слышный за далью постук мотора: та-та, та-та, та-та. Словно кто-то напоминал: «Не забывай. . . Не забывай. . .»

«А если жена и есть твой лучший друг? Самый лучший», — подумал Анвар. Но сказать об этом отцу не решился.

* * *

Уж какое другое, а это дело Каратай знал. Раис желал развлечься — будет исполнено.

Каратай кое-куда сбегал, кое-кому позвонил и потом велел председательскому шоферу:

— Боевое задание, Абдулхан. Мотай в центр. К пяти часам чтоб был у бакалейного магазина. Подойдет женщина. Она сама узнает машину. Возьми ее и привези ко мне в дом.

Шофер попробовал было возразить, но Каратай напомнил:

— Тебе раис что сказал? Поступаешь в полное мое распоряжение.

Шофер включил скорость.

— То-то, — подмигнул Каратай.

В шесть вечера «Волга» притормозила у калитки, едва заметной в длинном глухом дувале. Каратай ждал. Он открыл калитку, а женщина, прикрыв лицо платком, юркнула во двор. С Каратаем она даже не поздоровалась.

Каратай не отошел от машины. Он снял папаху и почесал лысый затылок.

— Не закончили дело, — произнес он, вздохнув. — Езжай-ка, джигит, снова на базар. Свеженькую рыбку надо привезти. Хозяину вдруг захотелось.

Юношеское лицо Абдулхана скривилось от досады, но Каратай утешил его:

— Потом до двенадцати машина твоя. Да! Вот тебе деньги на рыбу. На сдачу купишь себе папирасы.

Шофер не поблагодарил. Угрюмо рванул рычаг и умчался.

В низкой комнате, на помосте, застланном коврами, сидел, поджав ноги в новеньких ярких носках, раис Ахмадали Турдыев. Перед ним на дастархане стояло несколько бутылок, тарелки со шпротами, тоненько нарезанным лимоном.

Вместе с раисом сидел полный мужчина в чесучовом кителе — работник хлопкопункта Умаров.

— Не грустите, дорогой Ахмадали-ака, — сказал Умаров, продолжая разговор, который был начат давно. — Благодарите Каратая. Он вам помог правильный путь найти. Если мы, вы и я, будем вот так, — Умаров крепко сцепил поросшие волосками пальцы, — тогда о плане не беспокойтесь. Будет у вас план.

Глаза у раиса уже стали красными. Он долго молчал и произнес с трудом:

— Я — Турдыев. Я привык добывать хлопок на поле. Понятно?

— А кто же против этого? — Умаров пожал узкими плечами. Нижняя губа у него отвисла. Тут же выражение лица его изменилось. Он наклонился к Турдыеву и зашептал: — Все не святые. Вы думаете, кто у соседей ваших спасает поля от града да вилта? Аллах? Так я вам покажу его, — Умаров взял бутылку, извлек из кармана авторучку, ловко пририсовал к трем звездочкам на этикетке еще пару и предложил: — А теперь выпьем, Ахмадали-ака.

Он проглотил коньяк, сощурился и спросил:

— Ну как? Разницу замечаете? А цена, между прочим, на два рубля возросла. По целковому за звездочку. — Он захохотал, довольный.

— Не может такого быть, — сказал раис. — В прошлом году я с взаимопроверочной бригадой в Янги-кишлак ездил. Хлопок у них был отменный. Потому и ходят они нынче в победителях. А прочее — для дурачков. — Он зло соскреб вилкой пририсованные звездочки.

Умаров неожиданно заскучал, зевнул, с трудом застегнул китель. Словно почувствовав это, бесшумно вошел Каратай.

— Скоро все будет готово, — сообщил он.

— Тороплюсь я, дорогой друг, — ответил Умаров и еще раз зевнул. — Дела, дела... — Он мельком взглянул на Турдыева. Раис молчал, уткнувшись взглядом в пустую бутылку. — Прощайте, Ахмадали-ака, — сказал Умаров и улыбнулся, наклонившись близко к Турдыеву. —

Может, я здесь в разговорах что-то напутал, так вы уж извините и забудьте! Коньяк — злая штука.

— Верно, — согласился раис. — Злая. — Он нехотя подал руку Умарову.

Каратай возвратился возбужденный и веселый.

— Насреддин сказал: лишь проводив гостя, поймешь, как он тебя обрадовал! — воскликнул с порога он. — Ей-богу, Ахмадали-ака, невелика птица этот Умаров, но вот второй год напрашивается: хочу посидеть с твоим раисом. Ну, я и привел его, вы уж не сердитесь. Хоть уйти-то догадался вовремя, — Каратай не давал раису вставить слово. — А у нас — порядочек! Угощение готово. Сейчас подадут. Жена принесет. Да и свояченица моя — тоже здесь.

— Мархамат, что ли? — спросил раис. В его глазах появилась заинтересованность.

— Она, — Каратай радостно кивнул головой.

— Как же она успела из райцентра добраться? Работа-то только окончилась.

— Ракетный век! — Каратай совсем уже по-свойски подмигнул раису.

Турдыев подобрел.

— Коли так, пусть несут твою стряпню.

Вошли две женщины. Сухопарая Каратаева жена и чрезмерно румяная Мархамат. Свежеокрашенные черные волосы ее были по-городскому распущены.

— Присаживайтесь с нами, — велел раис. Хохотнул и налил коньяк в четыре бокала.

Женщины повиновались и присели к дастархану, опустив глаза. Мархамат, так же как Ходжала — жена Каратая, едва прикоснулась губами к бокалу. Раис пробовал шутить, но веселье не налаживалось.

Каратай вдруг хлопнул себя по лбу:

— Огонь-то я в очаге не погасил! А рядом — охалка дров. Как бы не занялась!

— А мне пора корову встречать! — Ходжала тоже вскочила.

— Если что надо будет, постучите в окошко, — сказал с порога Каратай и прикрыл дверь. Раис поднялся и накинул крючок на петлю.

— Пей! — велел он, вернувшись.

Мархамат не заставила упрашивать себя. Она привычно справилась с изрядной порцией коньяка и закусила лимоном.

Раис взял ее за руку.

— Спой что-нибудь, — сказал он. — Люблю, когда ты поешь.

— Не могу, — ответила Мархамат. — Не поется.

— Это мы поправим быстро. — Раис снова наполнил бокалы.

— Не в том дело, — сказала Мархамат.

— А в чем же? — Раис начал сердиться. — Ты что, дразнить меня решила?

— Настроенное плохое, — сказала Мархамат.

— Быстрее ты можешь? Выкладывай, что у тебя там еще стряслось.

— У меня-то все в порядке, а вот племянник мой, Юсуфджан, сна лишился.

— Ревизия у него в магазине будет, что ли?

— Если б ревизия, — Мархамат махнула широким рукавом. — Влюблен он, сил нет, — пропела она.

— В кого же?

— Есть у вас тут одна такая. Активистка. Звеньевая, что ли?

— Мактуба?

— Она.

Раис удивленно хмыкнул:

— Она Юсуфджану твоему такая же пара, как персик репе.

— Да что вы, Ахмадали-ака? Он же такой парень! Дом построил, на «Москвич» деньги собрал.

— И что же, согласна Мактуба?

— В том-то и дело... — Мархамат вздохнула. — Мать ее согласна.

— Так он же не к матери сватается, — раис хохотнул, но Мархамат не поддержала его.

— Отца у Мактубы нет, — сказала она. — Вот вы и будете ей за отца, Ахмадали-ака. Она вас ослушаться не посмеет.

— Ты думаешь? Ого-го... Как бы не так. Мактуба мне как врежет по-своему: правду-матку в глаза. Да еще на партийном бюро.

— Ну, как хотите.

Раис стал мягче.

— Пойми ты, — он попытался снова поймать руку Мархамат. — На что ей твой Юсуфджан? Плевала она на его дом и машину. Захочет, сама заработает, купит. А ему бы какую-нибудь такую, тихую, чтобы взгляда его боялась.

— Мактуба нужна ему, и все. Вы что, не знаете, какая любовь бывает?

Раис вдруг задумался.

— Вот что, — сказал он, — давай-ка лучше выпьем еще по одной.

— Нет, — резко возразила Мархамат.

— Ты что, затем приехала, чтобы в сваты меня завербовать к твоему дурню? Многого захотела, женщина.

Мархамат поднялась, забросила волосы за спину.

— Найдутся сваты, — сказала она и откинулась назад, причесываясь перед зеркальцем.

— Не сердись, поди сюда, — позвал раис.

Мархамат сверкнула на него подведенными глазами.

— Эх, вы, — упрекнула она. — Так-то вы обо мне думаете? Стала бы я тащиться в такую даль из-за сватовства. Просто вспомнилось, и я сказала вам. Почему бы вам не помочь моему родичу?

— А мне самому кто поможет?

— Ну что с вами поделаешь? — Мархамат повела глазами, опустила на ковер и взяла бокал...

Издали Анвар увидел, что у шийпана¹ первой бригады стоит автолавка. Он подошел ближе. Продавец с курчавыми волосами, расчесанными на пробор, показывал девушкам платья и косынки. Девушки рассматривали их без интереса и возвращали продавцу.

— Старье одно, — разочарованно произнесла худенькая Назира. — Никто теперь не носит такое.

— Бери тогда это, — Юсуфджан бросил Назире платье из бекасама.

— Ой, красота какая! — воскликнула Назира, но прикинула платье к своей щуплой фигурке и чуть не расплакалась. — В это платье три таких, как я, влезут. А поменьше не найдется? — спросила она с надеждой.

— Выбирать будешь в универмаге, — ответил Юсуфджан. — А у нас — что дают, тому будь рада.

Подошла Мактуба. Сердце Анвара радостно вздрогнуло и тут же зануло, потому что Мактуба будто не заметила его. Завмаг поспешно бросился навстречу Мактубе:

— Чего желаете, Мактубахон?

¹ Ш и й п а н — беседка.

Она удивленно повела тонкими бровями и сказала:

— Вот такое бы платье мне, как у Назиры.

— Да-а, — обиженно протянула Назира. — Если бы оно мне годилось. Я же утону в нем.

Мактуба приложила платье к себе и засмеялась.

— И я — тоже, — сказала она и спросила: — А моего размера нет?

— Для вас все найдется, — Юсуфджан юркнул в глубь своего фургона.

Вскоре он вынырнул потный, но с платьем в руках.

— Держите, Мактубахон. Вам будет в самый раз.

— А нам? — спросила Назира.

— А всем? — спросила в свою очередь Мактуба.

— Нарочно на базу поеду. Всем до одной привезу.

— Нам одинаковые не нужны.

— Разные, разные привезу, — Юсуфджан прижал руки к своей модной рубашке: сплошь в дырочках, как сито. — А это возьмите вы, Мактубахон.

— Не надо, — сказала Мактубахон и пошла к навесу.

Завмаг соскочил на землю и догнал девушку.

— Что же вы обижаете меня? Я дарю вам это платье.

Мактуба повернулась к нему. Красивое лицо ее стало пунцовым.

— С чего это вдруг вы стали мне делать подарки? — спросила она. — Как вы посмели?

— Примерьте, пожалуйста, — забормотал Юсуфджан и протянул Мактубе платье. Наверное, он прикоснулся к Мактубе, потому что она вспыхнула и закрылась руками.

Не помня себя, Анвар бросился к ним и отшвырнул Юсуфджана.

— Оставьте в покое девушку!

Юсуфджан было сник, но тут же взял себя в руки.

— Ага! — произнес он зловеще. — И вы здесь, агроном ташкентский. Ходите, как тень, за красивыми девушками. — Он кинул взгляд на Мактубу, которая делала Анвару знаки: не надо, мол, связываться, и это еще больше распалило завмага. — Пойдемте-ка в теник, — сказал он. — Мне давно с вами поговорить охота.

— О чем бы это?

— О том, чем вы по ночам занимаетесь.

Благо, они уже отошли в сторону и Мактуба не слышала этих слов. Не то Анвар ударил бы Юсуфджана и завязалась бы драка.

— Ты ответишь за свои гнусные слова, — сказал он сквозь зубы. Подошел вплотную к Юсуфджану и произ-

нес прямо в потное, искаженное злобой лицо: — Я из тебя шашлык сделаю по-столичному. Понял, скотина?

Была в глазах Анвара такая решимость, что Юсуфджан оробел.

— Не пугай, — хорохорился он, но уже без прежней наглости.

— Я предупредил, — проговорил Анвар. — Обид не прощаю никому. Тем паче — тебе.

— Ну ладно, — сказал Юсуфджан примирительно. — Ну, не подумавши брякнул. Ничего плохого и в мыслях не было.

— Смотри, коли так. А говорить у меня с тобой охоты нет. Велика честь для тебя.

И вдруг Юсуфджан схватил Анвара за руку и заговорил умоляюще:

— Отступитесь от нее, прошу вас!

— От кого это?

— От Мактубы.

— А-а, — протянул Анвар. — Уже пошли гулять сплетни. А ты-то при чем?

— Я два года хожу за ней. Трижды сватов посылал. Отказывает.

— Ее воля.

— Не становитесь мне поперек дороги, Анвар-ака. Прошу вас, — торопливо и, кажется, искренне заговорил Юсуфджан. — Вы вон какой: авторитетный, образованный. Любая девушка за вас с радостью пойдет. Хоть сельская, хоть та, ташкентская.

Анвару словно обожгло.

— Какая такая ташкентская? — спросил он. — Ну-ка, выкладывай.

— Ну, невеста ваша. Пока об этом только несколько человек знает. Я, конечно, никому не скажу. . .

Теперь Анвар не выдержал и взял Юсуфджана за ворот.

— Я из тебя душу вытрясу, если не скажешь, кто распускает эти грязные сплетни.

— Пустите! — Юсуфджан рванулся. — Кто, кто? — передразнил он. — Женщины в магазине болтали. Разве удивишь их? Я на работе делом занимаюсь.

— Однако услышал же.

— Краем уха. Больно мне нужно.

— А ты, оказывается, сам баба, — сказал Анвар, отпуская завмага, — по-честному не можешь.

— Сами-то язык не очень распускайте. Я тоже кусаться умею.

— Пошел вон!

— Рано гоните. — Юсуфджан пошел к своей лавке, у которой столпился народ, но оглянулся, сплюнул под ноги и сказал: — Осенью поглядим, на чем дереве аист гнездо соьет. Так-то, товарищ ташкентский агроном.

— Иди, иди, — кинул ему Анвар, но на душе у него стало нехорошо.

Да. Слухи и сплетни поползли по селу. Как проклятый вилт хлопчатник, так слухи разъедали и поганили то хорошее, что только-только возникло между Анваром и Мактубой.

— Слыхали, душа моя, молодой-то агроном с этой, которая без отца растет, с Мактубой связался. Все почи вместе в поле проводят. Мы, мол, пашем.

— Для отвода глаз, дорогая. Для отвода глаз.

— Истина ваша! Нашли где пахать. На Хонтахте.

— Там сроду ничего не росло.

— А у самого-то, говорят, невеста в Ташкенте.

— Какая невеста? Жена! Нажил ее, пока учился там неизвестно чему.

— И ребенок, говорят, у него от той женщины.

— О-ох! Ославит этот Анвар нашу девушку и бросит. Ему не впервой. . .

Такие разговоры вели между собой Каратаева жена — Ходжала и ее свояченица из райцентра Мархамат. Говорили они об Анваре и Мактубе то в магазине, то на улице, останавливаясь под дувалами. Обращались друг к другу, но слышали многие.

Женщины не могли пропустить мимо ушей скандальные новости.

— О ком это вы, соседка? О младшем сыне Каримабобо?

— А что за Мактуба? Никак, тетушки Саодат дочка? Ходжала взглядывала уничтожающе на них:

— Я вам что-нибудь говорила?

— Нет, конечно. Но вы разговаривали об этом со свояченицей. . .

— Наш разговор — наше дело. Другим прислушиваться — вроде бы неприлично. Так, кажется?

— Так, так, — соглашались женщины, но вскоре об Анваре и Мактубе судачил весь Богистан. Лишь сам Анвар, как водится, ничего об этом не знал.

Хонтахта уже была вспахана. Они трудились всю неделю ночи напролет.

Эргаш и Мактуба вели трактора, Анвар и Назира, сидя на прицепах, следили за плугами. Парторг сменял то Мактубу, то Эргаша: давал им отдохнуть. Вскоре к ним присоединился худощавый спокойный Садыков.

Маликов противился было.

— Друг! — говорил он. — В кои веки ты ко мне в гости приехал, так неужто затем, чтобы работать ночами? Отдыхай.

— А для меня это отдых, — серьезно отвечал Садыков. — Насиделся я за столами. Охота рычагами поворачивать. А то, может, я не гожусь? Так ты скажи.

— Трактористам у тебя учиться надо. Ведешь, как по ниточке. Но не затем же ты сюда приехал.

— Кто знает? — загадочно произносил Садыков и оставался в поле.

Многие парни и девушки из бригады Байзакова, да и из других бригад тоже, вышли на Хонтахту на третью ночь. Ярко светили прожектора. Апрельские ночи выдались, на счастье, лунные, и работа шла.

Появился как-то раис. Он сам вел свою «Волгу». Вышел, никем поначалу не замеченный, присел на корточках, привычно измерил глубину вспашки, дождался, пока агрегат приблизится, и окликнул Анвара. Тот соскочил с прицепа, возбужденный, радостный, хотя уставал в последнее время по-страшному: в сутки едва удавалось соснуть часа три.

— По правилам твоим сеять сразу после вспашки можно? — спросил раис.

Анвар ответил, как его учили в институте, что не рекомендуется.

— Та-ак, — протянул раис. — Значит, против агротехники идешь. А ты, между прочим, главный агроном.

— А что теперь поделаешь? — сказал Анвар. Он помрачнел. — Могли бы и с осени вспахать Хонтахту.

— Да, — сказал раис, — тогда тебя у нас не было. Некому было научить нас уму-разуму.

Подошел Маликов. Он не удивился тому, что раис среди ночи приехал в поле, будто иначе и быть не могло, и заговорил о деле:

— Ахмадали-ака! На посевной материал документы оформлены?

Раис пожал плечами:

— Я же сказал, получайте. Хоть завтра.

Неожиданно налетел резкий порыв ветра, но раис не спешил в машину, и парторг с Анваром стояли рядом с ним. Упали первые крупные капли.

— Сейте, — проговорил раис. — Поначалу аллах польет вам поле. А дальше?

— Каратай здесь чигирь свой поставил, — сказал Анвар. — Только сломал теперь чигирь. И, видать, недавно. Это он со зла, из-за того, что бахчу его вспахали под хлопок.

— Может, и со зла, — спокойно согласился раис. — Много ли чигирем начерпашь?

— Черт с ним, с чигирем, — сказал Анвар и рубанул ладонью воздух. — Главное, место есть, где шлюз поставить можно и парочку насосов.

— И чайхану с помостом на бережку, — раис не скрывал насмешки.

— Он дело говорит, — вступился за Анвара Маликов. — Вам бы поддержать его, Ахмадали-ака. У вас же сила в руках.

— Нет уж! — Турдыев отгородился ладонями. — С самого начала уговор был: вы затеяли дело, выкручивайтесь как хотите. Ни одна копейка, затраченная на Хонтахту, не окупится. Я убежден. А зря тратить общественные деньги не привык. Вот такой уж я плохой, судите, коли виноват. — Он пошел к «Волге» и по пути спросил через плечо: — Кто это там, в белой рубашке? Не наш вроде.

— Это Садыков, — ответил Маликов. — Мой фронт-вой друг. Гостит у меня.

— Ну и пусть гостит. В поле-то ему зачем надобность выходить? Да еще ночью. Трактор наш, а водит посторонний.

Маликов ответил не сразу. Чувствовалось, что он сдерживает себя.

— Я доверил Садыкову трактор, — сказал он наконец. — Считаю, что более надежных рук не сыщешь. Садыков коммунист и хлопкороб. Наше дело для него не чужое.

— Не в пример мне, что ли? — не скрывая вызова, спросил раис.

— Да, если хотите знать правду.

Раис не ответил. Сгорбившись, влез в машину и с треском захлопнул дверцу.

А на следующую ночь не вышла в поле Мактуба.

— Устала девушка, — сказал Садыков Анвару. — Ничего. Я-то за день отоспался. Могу поработать до рассвета.

Но Анвар встревожился: что-то стряслось. Он не находил себе места, хотя и молчал о том, что его мучит. Маликов понял его. Он сменил за штурвалом Садыкова, а тот отвез на своем газике Назиру к Мактубе. Вернулись они скоро.

Анвар не выдержал и подбежал к Назире.

— Что с ней? — Он не мог скрыть волнения.

— А ничего, — чересчур беспечно ответила Назира. — Спит, как все хорошие люди. Это я, дурочка, извожу себя. Было бы ради кого!

— Ты что, Назира? — Анвар был потрясен.

— А то, что слышали. И не вздумайте сами объясняться с Мактубой. Видеть вас она не хочет.

— Как же это? — Анвар бессильно опустил на вспаханную землю.

И тут к нему подошел Садыков. Чиркнул зажигалкой, осветив на миг спокойное лицо в глубоких морщинах, и сказал:

— Засылай сватов, друг. Мой тебе добрый совет.

Утром во двор к тетушке Саодат вошли две женщины с узелками в руках. То были Хамро-буви и ее соседка Лазокат.

Саодат-хола возилась в огороде, готовила грядки под помидоры. Она положила тяпку и вышла к ранним гостям, вытирая руки о передник.

— С чем пожаловали? — спросила она, взглядываясь в лица женщин, и воскликнула: — Никак Хамро-буви! А вас, — она обратилась теперь к другой женщине, — я что-то не припомню.

— Соседка моя — почтенная Лазокат, — сообщила Хамро-буви.

— Ну проходите, садитесь, гостями будете.

Саодат-хола быстренько заварила чай, принесла блюдо со сладостями и под села к гостям.

Начав издали рассказ о том, как они с Лазокат шли и что видели по пути, Хамро-буви тем не менее весьма умело перешла к делу:

— Да ведь джигит, который направил нас к вам, готов был снабдить нас крыльями, так хотелось ему, чтобы прибыли мы скорее в ваш радушный дом.

— Кто же он? — не сдержалась Саодат-хола.

— Сынок мой младшенький, Анвар, — охотно сообщи-

ла Хамро-буви и добавила, как обычно, гордясь: — Главный агроном всего нашего колхоза.

Тут вмешалась бойкая Лазокат и сообщила без обиняков:

— Наш Анварджан да ваша Мактубахон — чудо, а не пара! Оба красивы, у обонх добрая слава.

Тетушка Саодат опустила, однако, глаза и отвечала заученными словами:

— Что тут скажешь, уважаемые... Главное в наш век — нравились бы девушка и парень друг дружке. За свадьбой дело у нас не станет: сваты пороги обивают... А выросла-то она у меня, родная моя, разъединственная, без отца. Ох-ох-ох, сколько пережила я с ней! Нашла бы она счастье свое, чего мне еще желать?

— Такая же, как я: вся душа нараспашку! — Хамро-буви взглянула на Саодат-хола.

— Родное к родному тянется, — заметила не без умысла Лазокат.

— Если звезды наших детей встретились, о чем же еще говорить? — спросила Хамро-буви.

— Дом с девушкой — караван-сарай, — уклончиво отвечала Саодат-хола. — Люди приходят, люди уходят.

— Не пойму я вас, — сказала Хамро-буви. — Неужто вы против?

Саодат-хола вдруг всхлипнула:

— Я-то что? У нее бы, у доченьки моей, у самой спросить не грех. Мы-то нынче, старые, не больно много значим в таких делах.

— Так неужто она?.. — Хамро-буви так и застыла с раскрытым ртом. Из дома вышла Мактуба. Приблизилась она, гордо держа красивую голову, хотя и глядела в сторону. Под глазами у нее были круги.

— Я мало знаю вас, тетушка Хамро, — медленно произнесла Мактуба, стараясь, чтоб голос не сорвался. — Но я уважаю вас. О сыне вашем сказать этого не могу, — Мактуба задыхнулась, закрыла лицо и убежала. Тут же из дома донесся сдавленный крик.

— Доченька, милая, что с тобой? — как перепуганная птица, Саодат-хола метнулась вслед за Мактубой.

Подобрав свои узелки, стараясь не глядеть друг на друга, Хамро-буви и Лазокат поспешно вышли. Оглушенные позором, они не слышали смеха, который доносился сзади. Из-за соседнего дувала за ними подглядывали Ходжала и румяная Мархамат,

Известие о неудавшемся сватовстве мгновенно облетело кишлак. Мактуба боялась показываться людям на глаза, но Анвар вынужден был бывать и в полях, и на Хонтахте, где уже вторые сутки сеяли. Садыков был обескуражен.

— Ты уж прости, парень, — сказал он. — Не думал, не гадал я, что она тебе откажет. Как увидел вас впервые, сразу понял: любите вы друг друга. Узнать бы, в чем дело? Нечисто здесь что-то, не сомневаюсь.

Маликов тоже переживал за Анвара, но говорил ему:

— Не кисни! Работай так, будто ничего не произошло. Смотри людям прямо в глаза, коли чист. Правда — как солнце, сквозь тучи прорвется.

Едва окончили сев на Хонтахте, Маликов собрал комсомольское бюро. Мактуба была заместителем секретаря, но на заседание не пришла.

— Болеет она, — коротко сообщила худенькая Назира, которую Маликов послал за Мактубой.

— Ладно, — сказал Маликов. — Пусть поправляется. Без нее подумаем, как нам теперь быть.

Речь шла о том, как подать на Хонтахту воду из канала. Предложений было много — и дельных, и нелепых. Наконец решили объявить комсомольский субботник и соорудить запруду там, где стоял сломанный Каратаем чигирь. Нужно было раздобыть несколько мощных насосов. Гадали, гадали, как и где взять, ничего не придумали, устали наконец, и Маликов отпустил всех, сказав:

— Ладно. Сооружаем плотину, подводим электролинию. О насосах еще подумаем.

И тут, когда все потянулись к двери, Анвара словно током ударило.

— Есть насосы! — Он вскочил, забыв на миг о своих переживаниях. — Есть.

— Где, где?

Анвар неожиданно сник и даже ругнулся потихоньку:

— Опять с ним связано, с Каратаем, будь он проклят.

— Постой, постой, — велел Маликов. — Говори.

— На ферме у Каратая три сильнейших насоса ржавеют. Их поставили, наверно, давно, чтобы воду подавать в поилки и мыть коровники. Только воду к ферме по-прежнему бочками возят. Да и коровы сейчас будут на выгоне до самой осени. Вот и взять бы эти насосы! А осенью мы их обратно ему установим. Пропади они пропадом.

— Да, не любишь ты Каратая, — заметил Маликов. — А вообще-то дело говоришь. Завтра же на правлении вопрос поставлю.

— Ранс разве даст? — безнадежным голосом произнес кто-то.

— Ну-ка, погодите! — остановил всех Маликов. — Запомните, — сказал он. — Ахмад Турдыев наш колхоз с первого камня строил. Кто-кто, а уж он за общее дело порадел, себя не щадя, когда вас еще на свете не было. Советую всем хорошенько запомнить это, прежде чем критиковать ранса.

— А почему же он тогда против Хонтахты?

— Кто вам сказал, что он — против?

— Сами видим, не маленькие. Мы по ночам там корпели, а он бочку керосина несчастную и то пожалел. «На сбереженном горючем работайте», — передразнил ранса Эргаш. — Я на свои деньги горючку покупал. Очень мне нужно было, — сказал он и закончил невпопад: — Хорошо, парни из райцентра мне бочку подкинули. Но литр «Аксакала» я им за свои кровные поставил. Никак не иначе. Клянусь!

Все засмеялись, и Маликов громче других.

— Возместим тебе расходы, Эргаш. Премией. И не «Аксакалом», а шампанским. Клянусь! — в тон Эргашу пообещал он.

Маликов не стал продолжать разговор о рансе, отпустил всех, лишь Анвару велел остаться.

— Подсчитай-ка хоть примерно, какой расход воды потребуется на один полив на Хонтахте, но и, конечно, сколько могут подать те насосы. А то, может, зря я буду вырывать их.

— По-моему, должно хватить, — Анвар пожал плечами, придвинул к себе бумагу и углубился в расчеты. Он считал, мрачнел, начинал сызнава, нервно перечеркивая цифры.

Маликов с кем-то говорил по телефону. Анвар не слышал о чем. Не сразу понял он, что кто-то стучится в дверь. Вздрыгнул, будто его током ударило, когда услышал:

— К вам можно, Вахаб-ака? — И сразу же: — Ой! Я думала, вы один. Тогда извините, я в другой раз.

То была Мактуба.

Анвар вскочил, сам не понимая зачем.

Маликов тоже поднялся, подошел к Мактубе, взял под локоть и проводил ее к креслу. Она обреченно опу-

стилась в кресло, уставившись в пол. Лицо ее было бледно, а пальцы теребили платок.

— Я, наверное, мешаю, пойду, — забормотал Анвар. Он сгреб свои расчеты, уронил карандаш, полез за ним под стол, а поднимаясь, стукнулся затылком о доску.

Со стороны это выглядело смешно. Но никто из троих не улыбнулся.

— Присядь-ка там, в конторе, за секретарский стол, — сказал Маликов. — Да не вздумай уходить. Мне расчеты сегодня нужны.

— Я понял, понял, — проговорил торопливо Анвар и выскочил из кабинета, прижимая к груди бумаги.

Где там считать! Цифры плясали у него перед глазами, как сумасшедшие. Он не мог вспомнить простейшие формулы. Вскочил. Прошелся из угла в угол по пустой неудобной комнате. Вышел в коридор, но не решился шагу ступить. «Подумают, подслушиваю...» С превеликим трудом заставил себя Анвар присесть к столу и переписать выкладки, сделанные еще до прихода Мактубы.

И тут с силой хлопнула входная дверь. В коридоре слышались тяжелые шаги. Анвар выглянул и едва не столкнулся нос к носу с раисом. Вслед за председателем, согнувшись, семенил кассир: он сегодня дежурил по правлению.

— Как это никого нет? — чрезмерно весело гремел Турдыев. — Я есть, и у парторга моего, вижу, свет горит. На боевом посту товарищ Маликов. Молодец!

Раис рывком распахнул кабинет Маликова и громко захохотал:

— Вот те на! Я говорю всем, парторг мой делами занят, а у него, никак, свиданьце! Да и девушка знакомая. Ой, Маликов, не впервые я застаю у тебя по вечерам эту самую Матбуа. Нет, не Матбуа — Мархамат. Тьфу, черт! Мактуба, так, что ли, зовут тебя, красавица?

Маликов ответил, Анвар не расслышал что, но раис не унимался:

— Все парни наши из-за тебя с ума посходили, а ты, оказывается, начальству голову морочишь.

— За что позорите меня? — раздался вскрик Мактубы. — Я по делу пришла к Вахабу-ака! По делу!

Теперь стало слышно и Маликова.

— Вы пьяны, товарищ Турдыев, — произнес он твердо. — Идите проспиться. Вы на себя не похожи.

— Во-от как! Командовать? У меня, в моей собствен-

ной конторе? Да я вас всех разгоню, духу вашего не останется.

— Успокойтесь, пожалуйста, товарищ Турдыев, — слышался уверенный голос. В коридоре появился Садыков. Он подошел к раису сзади, взял его за локти, ввел в кабинет Маликова и плотно прикрыл за собой дверь.

В то же мгновение мимо Анвара, всхлипывая, промчалась девушка. Не помня себя, Анвар кинулся вслед за ней.

— Не бойтесь, это я. Не бойтесь! — повторял он на бегу, но Мактуба неслась как от огня. Он все же догнал девушку, но она, не обернувшись, произнесла с трудом:

— Не прикасайтесь! Я закричу.

Они уже пересекли большую дорогу и бежали огородом. За ним начинается спуск к реке. Неподалеку от берега жила Мактуба.

Анвар не отставал. Он видел, что Мактуба выбилась из сил.

— Не бойтесь, — еще раз сказал он. — Отдышитесь немного. Я вас не трону.

Тяжело ступая, Мактуба подошла к дереву, оперлась о ствол руками.

Анвар остановился в сторонке. Прошло немало времени, пока умолкли всхлипы.

Тогда он решился.

— Извините, — сказал он. — Я теперь понял: не надо было моей матери ходить к вам.

Молчание длилось невыносимо долго.

— Сами виноваты, — сказала наконец Мактуба. Голос ее звучал глухо.

— В чем?

— Сами знаете. Из-за этого — все сплетни. И раис сейчас тоже. — Она заплакала в голос.

— Мактубахон, — волнуясь, произнес Анвар, — я прошу вас, очень прошу, скажите, что случилось? В чем вы вините меня? Даже преступник имеет на это право.

— А вы и есть преступник. Бесчестный вы человек.

— Пусть! Но скажите все-таки. Хотя бы из жалости.

— Пусть вас жена пожалеет.

Анвару будто ведро горячей воды выплеснули в лицо.

— Какая жена? — произнес он растерянно.

— Та, что в Ташкенте осталась.

— Вранье все это, Мактубахон. Сплетни. Клянусь. Это с умыслом делают, чтобы поссорить нас. Я догалы-

ваюсь, кто это! Но я доберусь до них, поганых! Я заставлю, чтобы они на коленях прощения молили у вас. У меня.

— Лжете вы! Снова все лжете! Вот, держите! Все равно мне это ни к чему. — Она лихорадочно порылась в кармане, швырнула Анвару какую-то открытку, а сама обхватила ствол джиды обеими руками и прижалась к дереву, словно боялась, что вот-вот свалится с пог.

Благо у него были спички. Он сломал их одну за другой, пока наконец увидел в колеблющемся свете, что открытка, которую ему бросила едва не в лицо Мактуба, была приглашением на свадьбу, какие изготавливают в фотомастерских по заказам повобрачных. Он зажег еще спичку и ужаснулся. Слева вверху в овале была его фотография! А справа внизу, тоже в овале, красивая девушка со знакомым лицом, и было написано, как принято: «Анварджан и Севархон приглашают вас на веселую студенческую свадьбу в кафе «Рахат»...»

Дальше Анвар читать не стал. Он сжал кулаки и за метался, как в клетке.

— О-о, подлецы! Я доберусь до вас, доберусь. Это он — мерзавец торгаш! Я знаю! — закричал Анвар и бросился наверх. — Ну, я вытащу тебя сейчас на свет божий!

Юноша побежал огородами, не разбирая пути, спотыкаясь, упал, поднялся и побежал снова.

Все же нога подвернулась. Он захромал, но не останавливался, пока не очутился на освещенной улице. Здесь Анвар перешел на шаг, соображая, где может быть сейчас завмаг Юсуфджан: у родителей или в своем новом, только что отстроенном доме. Тут он услышал позади горячее дыхание.

— Так и будем мы всю ночь друг за дружкой бегать? — спросила Мактуба. — Что вы задумали?

— Увидите, — спокойно ответил Анвар. — Мне теперь безразлично, верите вы мне или нет. И вообще можете думать обо мне что угодно. Но с подлецами я счеты сведу без суда и милиции. Так-то скорее получится.

— Не делайте глупостей.

Он безжалостно оттолкнул ее и пошел. Все же один раз Анвар оглянулся.

— Эх вы! — только и произнес он. — Человеку живому не верите, а на дешевую фальшивку купились.

Мактуба что-то говорила, но Анвар уже не слушал ее.

Почувствовав сильные руки Садыкова, раис было притих. Он позволил усадить себя в кресло, посмотрел осоловелыми глазами на двух мужчин, склонившихся над ним, и спросил, ткнув пальцем в грудь Садыкова:

— Ты кто будешь? Не наш? Ну и убирайся к безбродным праотцам.

— Стыдно! — сказал Маликов. — Прославленный председатель. Член райкома. Что люди скажут?

— А ты меня не кори, парторг. Зелен ты. Понял? Турдыева люди поймут без твоей помощи. Понял?

— Не надо так, — тихо бросил Маликову Садыков. — Ахмадали-ака, дорогой. Неужто вы меня не узнали? — спросил он. — Я же, честь честью, в гостях у вас сидел. Так хорошо поговорили мы тогда.

Турдыев вперил мутный взор в Садыкова.

— Газик у тебя? — спросил он. — Да? Старый газик, как бабкино корыто. — Он засмеялся. — Маленький ты человек. Сразу видать. Но Турдыев... Турдыев не гнушается простых людей. Поэтому сейчас мы с тобой выпьем. А этому, — он сердито ткнул пальцем в сторону Маликова, — не дадим. Понял?

— Как не понять, Ахмадали-ака? Мы хоть не ровня вам...

— Плевать! — смилостивился раис. — Ты мне нравишься. Где коньяк? Шампанское где?

— Завтра выпете, — вставил примирительно Маликов. — Сейчас уже все закрыто. Завтра спит.

— Для вас закрыто, — сказал раис. — Поняли? Для Турдыева всегда все открыто. Запомните! — Он поднялся, пошатываясь, и пошел к выходу.

— Пошли, — шепнул Садыков. — Главное — затолкать его в машину.

Шофер спал, положив голову на руль «Волги». Садыков потряс его за плечи. Парень оторопело заморгал, но, быстро сообразив, что к чему, спросил:

— Домой?

— Я тебе покажу — домой! — пригрозил раис. — К Юсуфу езжай. Разбудим ленивого. Пусть достает хоть из-под земли коньяк, шампанское. С другом своим выпить желаю. Пошел!

Вспыхнули фары. «Волга» покатила вперед.

— Домой к раису, — шепнул шоферу Маликов, но Турдыев, как ни был пьян, расслышал.

— Хоть в машине-то своей хозяин я или нет? — И велел шоферу: — Гони, куда сказал.

Маликов сделал нетерпеливое движение рукой, намереваясь выйти из «Волги», но Садыков остановил друга.

— Нельзя оставлять его, — сказал он на ухо Маликову.

— Стоп! — весело закричал раис. — Никак, прибыли!

Они остановились у высокого дома, сложенного из сырцового кирпича. Стены еще не были оштукатурены, но в доме уже жили; одно из трехстворчатых окон даже в этот поздний час светилось.

— Эй! — громко крикнул раис. — Поднимайся, Юсуфджан-батыр. Невесту тебе привезли. Мактубухон белолицую. — Он нехорошо засмеялся.

— Зачем вы это, почтенный Ахмадали-ака? — мягко упрекнул Садыков. — Не пристало вам так вести себя, да и девушку ни за что ни про что нечего славить. Вас же вся улица слышит. Вы лучше посидите спокойно в машине, подождите, а я сам все улажу. — Говоря так, он усадил раиса в «Волгу» и шепнул Маликову: — Брось дуться! Успеется. Задержи его. Поговори. Я сейчас.

Калитка оказалась открытой. Садыков поднялся по ступеням на террасу, толкнул дверь и оказался в большой комнате, застланной коврами. Он не сразу понял, что происходит здесь.

Юсуфджан — на нем от страха лица не было — забился в угол.

Над ним стоял Анвар в брюках, заляпанных грязью, в разодранной рубашке.

— Сознаешься, шакал? — спрашивал Анвар.

— Что ты пристал ко мне? — плачущим голосом откликнулся Юсуфджан.

— Убью, — спокойно произнес Анвар. — Все равно мне без нее не жить.

Тут завмаг заметил вошедшего Садыкова и завопил:

— Вы видите? Видите, он убить меня хочет.

Анвар тоже обернулся и уставился на Садыкова.

— Партизанишь? — спросил Садыков. — Правду добываешь в одиночку. Ну-ну...

— Я все объясню, — сказал Анвар, поостыв.

— Не надо! Ты объяснишь не мне, а властям, почему среди ночи врываешься в дом к человеку.

— Да, да, дорогой товарищ Садыков, — торопливо вставил Юсуфджан. — Именно так. — Он искренне прижал руки к груди: — Аллах вас прислал, не иначе.

И тут с порога послышалось:

— И не только его аллах прислал сюда.

Председатель колхоза Ахмадали Турдыев, оставляя на новом ковре грязные следы, приблизился к Юсуфджану и Анвару. Маликов бежал за ним и только руками беспомощно разводил.

— Что не поделили, джигиты? — весело спросил раис. — Девчонку, что ли? Так у нас этого добра девать некуда. Разрешал бы закон, я бы каждому по шесть штук нашел. — Он засмеялся. — Лучше тащи, Юсуфджан, коньячок, тащи эти, как их, шпроты. Посидим у тебя.

Завмаг не шевелился.

— Ты что, не понял? Раис желает у него в доме гостем быть, а он вроде не рад.

— Как же не рад? Садитесь, отдыхайте, — бормотал Юсуфджан, глядя на Садыкова теперь уже не как на избывателя, а с явной опаской.

— Ну-ка, ну-ка! — нетерпеливо подгонял завмага раис.

Маликов еще раз попробовал остановить раиса:

— Ночь сейчас, Ахмадали-ака. И потом, у Юсуфджана сроду таких вещей на складе не бывало. Это вроде в городе, в ресторане: шпроты, коньяк.

Но раис вновь оттолкнул парторга:

— Это уж, дорогой друг, позволь мне знать, что есть и чего нет на складе у моего завмага.

Юсуфджан затравленно оглянулся по сторонам и прижал руки к груди:

— Вахаб-ака правду говорит. Я на складе даже водки не держу, тем паче — в посевную. Вы же знаете, райком запрещает.

— А мне тогда, днем, откуда приволок все? Вот, человек видел, — раис указал на Садыкова.

— Не было этого, Ахмадали-ака! Ничего похожего не было.

Раис вплотную подошел к Юсуфджану и вкатил ему пощечину с такой силой, что завмаг упал.

— Дрянь! — сказал раис. — Выходит, я вру?

Он посмотрел на всех красными, но вмиг протрезвевшими глазами и велел:

— Пошли. Хватит.

— Пойдем, — Садыков взял Анвара под руку. Анвар порывался что-то сказать, но Садыков вывел его на улицу. — Успеется, — произнес он голосом, не допускающим возражений. — Все успеется. А сейчас — все по домам.

Разворачиваясь в тесном переулке, «Волга» на миг бросила свет на противоположную сторону, и тогда стало видно девушку, прижавшуюся к дувалу. В испуге прикрыла она воротом платья лицо.

Но все узнали ее.

Назавтра кишлак был взбудоражен. Еще бы! Кассирова жена, не зная устали, рассказывала о том, как раис («Среди ночи, подруженьки!») застукал парторга с Мактубой («Как уж он стыдил их, дорогие мои!»).

Нашлось с десяток, не меньше, очевидцев, которые своими глазами наблюдали за тем, как Анвар («Главный агроном называется! Дойдем мы до ручки с таким «главным»!») ворвался в дом к завмагу, стал требовать у него коньяк и шампанское, грозил Юсуфджану смертью, если тот посмеет отказать («А зачем, спросите, соседушка, понадобилось спиртное ему в такой час? Да чтоб с девкой своей распивать! Она его в темноте на улице как проклятая ждала»).

Другие возражали. Не так, мол, было дело. Раис девушку ту привез ночью Юсуфджану, а Анвар взревновал. Ну и завертелось...

Большинство, разумеется, этим рассказням не верило, но были и такие, что напоминали: не бывает, дескать, дыма без огня. Тем паче что Каратай со своими присными всю раздувал угли.

Карим-бобо у себя на полевом стане чистил морковь: решил побаловать в обед колхозников пловом. Как изпод земли вырос перед ним Каратай.

— Их видел! — сообщил он таким тоном, будто вот-вот выследил преступников.

— Кого? — не понял Карим-бобо.

— Как кого? Да все их же: Мактубу с парторгом. Во-он туда направились, голубчики. — Каратай показал рукой.

— Знаешь, Каратай, что я тебе скажу: если у человека язык длинный, то жизнь у него — короткая. Ну, пошли они вдвоем. Там что? Там — Хонтахта. Они на ней дни и ночи пропадают. И сынок мой, главный агроном, тоже там.

— Вот, вот, — заметил Каратай, хрустя очищенной морковкой. — О сыне-то вашем и пекусь. Он ее в жены, кажется, хотел взять, а она же опозорена! Женится, а девка будет по-прежнему к парторгу убежать.

Карим-бобо вырвал из Каратаевых пальцев морковку. Глаза его недобро блеснули. Он даже кухонный длинный нож занес, как для удара.

— Прочь отсюда, скорпион!

Каратай поднялся, отряхнул руки.

— Напрасно вы так, отец. — Он укоризненно покачал головой, на которой красовалась золотистая папаха. — Все люди говорят об этом. И осуждают. Только вы как младенец.

— Сгинь с глаз моих. Не то я перед смертью грех на душу возьму.

Старик, известный своей добротой, был сейчас так грозен, что Каратай попятился и затрусил прочь, с опаской оглядываясь.

Карим-бобо сплюнул в сердцах. Разумом он понимал, что все это — грязные сплетни, но на душе все равно стало нехорошо. В тяжких раздумьях сидел он, забыв о моркови, о плове, которым хотел удивить бригаду. Худь было еще и то, что жена его Хамро-буви в последнее время изводила себя из-за всех этих слухов: об Анваре, Мактубе, парторге, завмаге, — Карим-бобо терялся, слушая допоздна ее бесконечные рассказы и пересказы вперемежку с всхлипами и стонами.

И вдруг пришел на ум выход. Такой простой, что старик даже лоб потер в изумлении.

— Женить их надо, вот что, — произнес он вслух. — Не дожидаясь осени, сейчас же. Ничего, что она разок отказала. Без этого у красивой девушки не обходится. Одумается — согласится.

Он повторял это про себя, не позволяя, чтоб набрал силы голос сомнения, до противного похожий на голос проклятого Каратая: «А если она и впрямь опозорена? Каково-то будет с ней Анвару всю жизнь?»

— Сделал-таки свое дело, змей! — Старик кинул нож в ведро и пошел, сам не зная куда.

Ноги вели его к Хонтахте.

Анвар чуть свет поднялся. Вспомнил о своих расчетах по поливу. Он так и не смог отдать их парторгу в тот злополучный вечер. «И все-таки: зачем в поздний час приходила к Маликову Мактуба?»

«Дело у нее было, — сам себе отвечал Анвар и тут же возражал: — Какое такое срочное дело? Не присгало де-

вушке даже к такому уважаемому человеку, как Вахабака, приходиться одной, да еще вчером».

Что же! Надо спросить об этом у Маликова напрямую.

С тем Анвар и направился на Хонтахту.

Было очень рано. Солнце еще не поднялось из-за гор. В долине было ясно и тихо. Лишь река грохотала. Анвар почувствовал себя спокойнее.

Он направился к ферме. Хотел сам взглянуть на насосы, о которых шла речь на комсомольском бюро. И снова подумалось: придется перед ребятами ответ держать за то, что ворвался к завмагу. Ну и ладно! Его поймут. Кто бы на месте Анвара не возмутился? Впрочем, не станет этот гнус, Юсуфджан, никому жаловаться. Побойтся. Он еще ответит Анвару за все.

Не пояись тогда Садыков, Анвар душу бы вытряс из торгаша, но заставил бы сознаться в подлости. Надо же придумать такое!

Анвар нащупал в кармане ту поганую открытку — приглашение на свадьбу. «Ты у меня еще попируешь! — пообещал он Юсуфджану и оборвал сам себя: — Хватит! А то сейчас снова возникнет Мактуба. . . Не надо думать о ней».

По чести говоря, осуществить это Анвару не удалось. Он думал о Мактубе и поднимаясь в гору, к ферме, и осматривая насосы, убеждаясь с горечью, что они изрядно поржавели, потому что ими не пользовались, не красили их, не смазывали. Попросить бы о помощи ребят с ремонтной станции, но только кто сейчас свободен? Сев в разгаре. Все ремонтники на полях, по вызовам мотаются.

Неожиданно Анвар услышал наверху голоса. Разговаривали двое — громко, в уверенности, что никто не слышит их. Да и кому, вправду, быть в такой час сейчас здесь, под обрывом, куда ни одна тропа не ведет.

Говорил Каратай и еще кто-то, чей голос не был Анвару знаком.

— Ну, подписал твой индюк те последние акты? — спрашивал неизвестный.

Каратай хихикнул:

— Сперва не хотел ни в какую. Сам, говорит, желаю убедиться, сколько телят пало.

— Ишь ты!

— А ты думаешь? Это он теперь сговорчивее стал.

Да и то нужно быть с ним начеку. Если б я хоть чуть-чуть дал ему усомниться. . .

— Короче: ты можешь?

— В общем, подпустил я к нему снова ту же бабенку.

— Мархамат, что ли?

— Ага. Возле нее он мягче становится. Да и коньячком его теперь больше развозит. Это в прошлые годы он пил, как верблюдов. Только злей становился.

— Не тяни!

— Да подписал он, подписал. Вот они, твои акты. Держи.

— Добро. Так ты отбери тройку бычков: чтоб сытенькие были. Понял? Я их сам в Ташкент отвезу. Там уже ждут. В пятницу вечером придет машина. Шофера ты знаешь. Арсен.

— С усиками?

— Да. Смотри, чтоб на ферме никого не оставалось. Отпусти всех в кишлак, — приказывал неизвестный.

— Это я понимаю. Не впервой.

— Номер машины запомни на всякий случай: «ЕЗ 42-13».

— «ЕЗ 42-13», — как эхо, повторил Каратай.

— Не забудь! А то в «Намуне» был у нас случай. Погрузили скот на чужую машину. Ну, да ладно. . .

— Хоп, — произнес Каратай и добавил торопливо: — Сердце все же порой в пятки уходит.

— Чего бояться? Документы в порядке.

Каратай только воздух глотнул с шумом.

— Парторга берегись. Он, видать, дошлый парень.

— Все обещает добраться до моей фермы.

— А мы его обдурим. Оставишь должность по состоянию здоровья. Справки тебе добуду. Еще пару актиков оформишь — и отправляйся на заслуженный отдых. Так, кажется, говорят? А пока держи еще парочку. Все подписи на месте. Моя, ветеринарова; не хватает твоей и раиса.

Зашуршали бумаги.

— В пропасть толкаешь ты меня, — плачущим голосом произнес Каратай, но, по всему судя, бумаги взял. — Дети у меня малые. Пожалел бы!

— Трус! Взятся, так выполни дело с размахом. Ну, я пошел.

Анвар выглянул из-за обрыва. Человек в чесучовом кителе и Каратай направились к «Волге». Человек сел за руль. Машина покатила вниз.

— Та-ак, — прошептал Анвар. — Значит, в пятницу вечером, «ЕЗ 42-13».

У дороги Анвар повстречал парня на мотоцикле. Парень ехал на ферму за Каратаем. Того требовал к себе ранс.

— Ты «Волгу» встретил? — спросил Анвар.

— Ну!

— Как же ты так? Своего хозяина не увидел?

— Тьфу ты! Так он, видно, сзади сидел. А я еще подумал: почему инспектор «Заготскота» от нас в одиночку уезжает.

Не без труда Анвар уговорил парня, чтобы тот по пути довез его до Хонтахты.

Анвар был потрясен тем, что услышал на ферме. И все-таки его кольнуло, когда, подъехав, он увидел, что Маликов беседует с Мактубой. Завидев Анвара, девушка быстренько отошла в сторону.

Треволнения этого дня сделали свое дело: на Анваре лица не было.

— А-а, — произнес Маликов, завидев его. — Иди, иди сюда. Ты мне нужен.

— Я тоже хотел поговорить с вами, Вахаб-ака. Тогда вечером нехорошо получилось, но если бы вы знали, что сотворил этот негодяй Юсуф!

— Пока ни о чем знать не хочу. Сейчас главное другое. Ранс сказал: берите насосы. — Маликов все же улыбнулся и сморщил нос. — Трезвый разрешил.

— Добро, — сказал Анвар.

— Ты вроде бы и не рад?

— Не в том дело, Вахаб-ака. Видел я сейчас эти насосы. И еще кое-что. Отойдемте-ка в сторонку — расскажу.

— Да у нас, кажется, ни от кого секретов нет, — Маликов со значением посмотрел на Мактубу.

— Пойдемте, — повторил Анвар.

— Ну, коли так тебе хочется...

Однако, узнав о разговоре Каратая с инспектором Асильковым, Маликов вспыхнул.

— Я давно подозревал этого проходимца, — сказал он. — Ну ничего! Наконец удастся застукать жуликов с поличным. — Он сжал кулак и погрозил им в пространство.

— Все они — одна шайка, — Анвар не сдержался и показал Маликову открытку.

Маликов еще больше помрачнел.

— Не сомневаюсь, что это еще одно грязное дело Юсуфа, — сказал он. — Ну ничего! За все сразу ответит. Потерпи, друг.

— Она не верит, — Анвар едва-едва повел головой в сторону Мактубы.

Маликов мгновенно обрел свой обычный веселый вид.

— Дай-ка сюда ухо! — Он притянул Анвара к себе и зашептал: — Верит она тебе, глупый ты барашек. Верит и любит. Затем и прибежала вечером, чтоб я помог ей разобраться в том, что происходит. Не поможете — утоплюсь, говорит. Понял, как любит тебя?

Анвар на миг потерял дар речи. Он только тряс Маликову руку и повторял:

— Спасибо, большое спасибо вам!

— Не меня благодари, — намеренно громко сказал Маликов. — Раиса. Это он разрешил насосы снять. Пойдем. И вы тоже идите с нами, — пригласил Маликов Мактубу.

Но она произнесла что-то невнятное и быстро побежала вниз. Только яркая косынка мелькнула.

— Ничего, все уладится, — сказал Маликов. — Не вшей нос.

— Болтают в кишлаке разное про нас. Матери покоя не дают какие-то женщины. Где бы ни увидели, все о Мактубе. Ну и о других тоже...

— О ком же?

— О разных людях.

— А все-таки?

— О вас, — сказал Анвар и почувствовал, что сейчас сквозь землю провалится.

— И что же говорят?

— Не могу я сказать этого, Вахаб-ака.

— А веришь этому?

— Нет.

— Правду говори, коли начал мужской разговор.

— Не верю, Вахаб-ака. Но червь точит. Вот здесь. — Анвар показал на сердце.

— Значит, попадают их отравленные стрелы в цель. На то и рассчитывают. — Маликов достал сигареты, предложил Анвару. — Я вот вчера много думал еще о том, ради чего старается Каратай с присными поссорить вас с Мактубой. И понял: не только чтобы Юсуфджану

угодить. Им важно посеять раздор между нами. Вот пример. Подкинули Мактубе ложное свадебное приглашение, она расстроилась, плакала. А результат? Перестала выходить на Хонтахту. За ней — ее верная подруга Назира и почти все ее звено. Благо друг мой Садыков появился. Они хотят, чтобы ты меня возненавидел. Шутка ли, пользуясь положением, я девушку отбиваю! А результат? Сообразить не трудно: мы с тобой на ножах, Хонтахте — конец. Опять Каратай здесь бахчу разводит и личный скот свой пасет. А в глазах раиса оба мы — болтуны, мальчишки, — что ты, что я. Значит, конец нам. Вот каков дальний прицел у этих ядовитых стрел. Смекаешь?

— Я не верил сплетням, Вахаб-ака, честное слово!

— Не сомневаюсь. Но они знают, что каждый влюбленный — Меджнун. На том их расчет и строится. — Маликов положил ладонь на колено Анвара. — Ну скажи, только откровенно. Ничего больше не мучит тебя?

— Мучит, — Анвар вздохнул. — Почему она в такое позднее время одна пришла?

— Объясню, — сказал Маликов. — Ты веришь, что я не из тех, кто кабинет партийного секретаря превращает в комнату свиданий?

Анвар кивнул.

— Тогда слушай: Мактуба — честнейший человек. Я за последнюю неделю трижды вызывал ее к себе. Всякие поводы выискивал: то актив, то комсомольское бюро. Хотел, чтобы она появилась, а там бы я нашел возможность потихоньку узнать, что у вас случилось. Она не приходила. Стыдилась чьих-то глаз. Тебя боялась встретить. А совесть ее мучила. Вот она и дождалась, пока все разошлись после бюро, и вошла ко мне. Она считала, что и ты ушел с ребятами. Но не только потому, что звал я, пришла ко мне Мактуба. Я тебе уже сказал сегодня: она себе места не находила, а посоветоваться не с кем. Душу-то она могла излить той же Назире. Но ее сомнения мучили. Не хотела, не могла Мактуба поверить, что ты оказался подлецом, обманул ее. Она и пошла к человеку, который, как ей кажется, опытен, во всем разбирается. А человек тот, оказывается, не подумал, что в красивую девушку, как в самое спелое яблоко, все камни летят. Ему бы отправить ее до утра домой да встретиться с ней в поле. А он обрадовался, чаю ей предложил. — Маликов щелчком отбросил окурок. — Что было дальше, сам знаешь. И хватит об этом. Пошли.

— Вахаб-ака! — Анвар от полноты чувств обнял парторга. — Не поссорят они нас! — произнес он убежденно. — И вообще я ради вас, Вахаб-ака, готов не знаю что сделать.

— Насосы поставь, — откликнулся Маликов и улыбнулся, сморщив нос. — Пойдем-ка посмотрим, где устанавливать их. Да прикинем, как проложить новые арыки к полю. Завтра экскаватор придет.

— Отца бы позвать, — сказал Анвар. — Он безо всякой геодезии, на глаз, точно определит, где уклон, где подъем.

И тут Маликов воскликнул:

— Легок на помине! Вот он идет к нам, Карим-бобо.

Старик тоже увидел их и услышал восклицание Маликова.

— И о тебе вспоминали не так давно, — сказал он, ответив без обычного радушия на приветствие.

— Каратай? — спросил Маликов, не выпуская руку Карима-бобо.

Тот даже вздрогнул.

— Отец, — спросил Анвар, — вы не знаете, куда он пошел?

— Не пошел, а побежал, — Карим-бобо наконец улыбнулся. — Я вижу, у вас все в порядке.

— Порядок в танковых войсках! — бодро поддержал Маликов. — Так говаривали мы на фронте. — И добавил раздумчиво: — Да и сейчас мы воевать не кончили.

Каратая они нашли лишь к вечеру на ферме.

— Ты ничего не слышал ни о Каратаевых сплетнях, ни о пятнице, — сказал Анвару Маликов по пути. — Понял?

— Что я, маленький?

— И раису ни слова.

— Понимаю.

— Веди себя так, будто ничего не произошло.

По чести говоря, Анвару трудно было не сорваться. Особенно когда Каратай с ехидцей заявил:

— Что же, берите насосы. Для меня хозяйское слово — закон. Оставляйте ферму без техники, коли считаете, что это — сегодняшняя политика.

При этих словах Маликов поежился, но попросил:

— Ближе к делу.

— Пожалуйста, — все с той же ехидцей продолжал Каратай. — Вот здесь — документация на насосы. Вот акт. Подписываем. Первый — я.

— Здесь указано, что моторы и насосы в хорошем состоянии, — заметил Анвар, — а их же отремонтировать надо. Они у вас бездействовали, заржавели. Так нечестно.

— Хорошо, — все с той же улыбкой согласился Каратай. — Пригласим специалиста из РТС. Пусть составит акт осмотра.

— Да пока он явится, полгода пройдет. А насосы надо устанавливать. Дополнительные поливы нужны. Почва-то запущена.

— Аллах милостив — промоет, — сказал Каратай так же, как недавно раис.

Сквозь тусклое окошечко Каратаевой служебной комнаты видно было: и впрямь собирается гроза. Серые тучи слезли с гор в долину. Вдалеке ударил гром.

— Ладно, — решил Маликов. — Подписывай, Анвар. Вернем на ферму исправные насосы. Наша же ферма, колхозная, не чья-нибудь!

— Истина ваша, Вахаб-ака, — откликнулся Каратай. Маликов поднялся и выглянул в окно. Лицо его стало озабоченным. Гром теперь грохотал не переставая.

Анвар достал авторучку.

— Своей хочешь? Ну давай, подписывай своей. Свои береги, парень, не то уведут. Бывает, друг разлюбивший обнимет, а хватнись — кошелька нет. — Каратай перевел взгляд с Анвара на Маликова.

— Где подписывать? — зло спросил Анвар и черкнул трижды свою фамилию.

Парни из бригады Байзакова едва успели снять насосы и моторы, погрузить их в кузов. Хлынул ливень. Благо вскоре он иссяк. Выглянуло солнце.

На Хонтахте их ждал Садыков. Он сидел на ступеньке своего «козлика», покуривая.

— Воздух-то какой после дождя, — сказал он радуясь.

— А лило-то как, — сказал Маликов. — Словно водопад обрушился. Хорошо, хоть кончилось скоро. — Он снова упрекнул Садыкова: — Сидел бы дома, друг.

— Скучно без дела, — сознался Садыков. — Хотелось на насосы взглянуть.

— Дрянь, не машины, — Анвар махнул рукой.

Парни тем временем перенесли насосы под навес.

— Посмотрим, — сказал Садыков.

Он присел на корточки, долго изучал каждый насос, выстукивал его, как врач больного.

— Да-а, — он вздохнул. — Повозиться придется.

— Сам поеду в РТС, попрошу комсомольцев, — сказал Анвар. — Объясню, какое у нас положение. Неужто не поймут?

— Свободных механиков сейчас не найти, — заметил Маликов. — Придется и мне с тобой поехать. В райком поеду за помощью. Хантахта — наша внутренняя политика. Должны поддержать.

Садыков молчал, хотя оба говорили, как бы обращаясь к нему.

— Трудно, — сказал он. — Но на фронте, друг, мы за ночь танки восстанавливали. Попробуем, может, не забыл еще. — Не давая Маликову возразить, спросил: — Двух парней найдете? Покрепче.

— Конечно, — сказал Маликов. — Только, честное слово, совесть меня замучит: гость у меня дорогой, а я его работать заставляю.

— Да мне же это в удовольствие, — просто ответил Садыков. — Соскучился. Два года, кроме авторучки, никакого инструмента не держал. Да и себя проверю: го-жусь ли еще?

Анвара словно прорвало.

— Слушайте, пожалуйста, — сказал он волнуясь. — Вы, Набиджан-ака и Вахаб-ака. Я и все мы, молодые, много раз слышали: «Коммунисты, коммунисты...» Но вот с вами по-настоящему понял, что это за люди. Я и думаю: если быть коммунистом, то таким, как вы.

Садыков внимательно посмотрел на парня.

— На добром слове — спасибо, — сказал он. — А вот что ты скажешь, если я разобрать насосы разберу, а собрать не сумею?

— Все равно! — горячо заверил Анвар.

— Нет уж. Лучше постараюсь, как говорится, оправдать доверие. Помоги-ка мне принести из машины ящик с инструментами. Он у меня тяжелый.

— Бери мою машину и езжай по бригадам, — сказал потом Анвару Маликов. — Дай указания на случай затяжных дождей. Чует мое сердце, этим пахнет. Да и метеосводка вчера была тревожная. Ты же ее видел?

Анвар кивнул.

Уже отъехав порядком, он высунулся на повороте из оконца, нашел взглядом двух друзей — они что-то обсуждали — и помахал им рукой.

А жизнь напоминала о Мактубе. Склонила к воде тонкие ветки джида. О чем шепчете вы, серебряные листья?

Эй, река! Мудрая, вечная, бурная. Твоя вдохновенная песня зажгла в моем сердце любовь; я так боюсь потерять ту, что нежна, словно роза, и чиста, как изумруд. Просветли меня, река.

Эй вы, горы! Великие! Слышите, как бьется сердце мое? Поделитесь со мной силой своей.

Укрой нас, джида! Дай нам счастье. Счастье нам обоим.

Мамочка, мама моя... Ты дала мне жизнь, ты — как солнце: растишь, даришь добро. Ты богаче солнца, потому что и ночью, и зимой согреваешь меня теплом души своей.

Много ты потрудилась на своем веку. Тебе бы отдохнуть, а я тревожу тебя снова. И взываю, как маленькая, к надежному прибежищу: «Мама, мамочка... Помоги, родная. Хочу быть счастливой. Но нет счастья мне без него».

Не слышала тетушка Саодат этих слов. На заре она, по давней привычке, уже хлопотала, чтобы управиться по хозяйству, прежде чем выйти в поле. Пора бы и Мактубе подняться, да мать жалела ее. Пусть поспит еще полчаса. За последнюю неделю девочка извелась. Переменилась совсем. Ни о чем не рассказывает матери, а по ночам плачет. Вот и нынче, кажется, только-только уснула. «Который же это час, даже не поймешь!» — подумала тетушка Саодат, потому что вокруг было все серо. А вскоре стало и совсем черным-черно. Вспыхнула молния, загрохотал, не прекращаясь, гром. Поток хлынул с небес на землю. Стена воды заслонила мир. Стало жутко.

Надевая на бегу платье, из дома выскочила Мактуба.

— Вещи собирай во дворе! — едва успела крикнуть тетушка Саодат. Гром небесный и грохот вмиг образовавшихся потоков, смешавшись, заглушили ее голос.

— Какие там вещи! Арык разливается! — Мактуба бросилась за кетменем. Она хотела отвести воду от дома, но ей это не удалось. Весь двор был уже залит, и вскоре Мактуба в прилипшем к телу платье стояла по колена в воде.

Сзади раздался грозный гул, и Мактуба поняла, что поток ринулся через плотины во дворы.

— О аллах великий, могучий! — громко причитала тетушка Саодат. — За что караешь нас? Разве ж было когда такое?

— Бегите в дом, матушка! — Мактуба силой увела мать в пристройку, которая была под железной крышей. И правильно сделала, потому что многолетний глиняный настил набухал на глазах и стропила потрескивали.

Рухнул дувал, и желтая лавина — вода, смешанная с глиной, — помчалась через сад. В потоке мокли пестрые одеяла, одежда, домашний скarb. Плыла и люлька. Сама не зная почему, Мактуба следила за люлькой. Бешик унесло в глубь сада, и он там повис на урючине, зацепившись за черную ветвь.

— Вай! — вдруг отчаянно вскрикнула Мактуба. — Там ребенок!

Не раздумывая, девушка кинулась в холодный ревуший поток. Дико заголосила тетушка Саодат, но Мактуба поплыла и, затрачивая невероятные усилия, чтобы ее не снесло в сторону, добралась до урючины.

В люльке лежал годовалый малыш, весь промокший, но живой. Странно, но он не плакал. Из соседней усадьбы, где жил Каратай, доносились сквозь грохот и гул людские вопли. Надрывный женский голос повторял: «Сынок мой где? Сынок!»

Мактуба кричала в ответ, что ребенок спасен, но ее, конечно, не слышали.

Вода, благодетельница, сейчас несла людям беду. Все сокрушала она на своем пути.

В последний раз свирепо грохнуло, и небеса словно раздвоились. Ливень мгновенно стих. Унеслись черные тучи. Стремительно хлынул из-за гор свет, и наступило наконец утро.

Отовсюду слышались крики, что-то рушилось. Укрепив понадежней люльку, Мактуба по пояс в воде добралась до дома. Тетушка Саодат лежала на полу, бессильно раскинув руки. Теперь настал черед Мактубы. Едва накинув сухое платье, она выскочила на айван и закричала:

— Вай, люди добрые! Спасите!

Через обвалившийся дувал перебрался человек в майке и засученных по колено штанах. То был Анвар. Мактуба будто не удивилась его появлению.

— Я был здесь, рядом, — сказал Анвар. — У Каратая дом снесло совсем. Мы всех спасли, только годовалый ребенок пропал.

— Вот он, ребенок, — плача, Мактуба указала на урючину, к которой приткнулась люлька. — А у меня мама умерла. О-о-о!

— Погодите, — сказал Анвар. — Где она?

Он наклонился над тетушкой Саодат, взял ее за руку и вдруг улыбнулся Мактубе:

— Жива ваша мама.

Страшный вопль снова донесся из Каратаева двора. Кричала Ходжала:

— Ой, сынок мой! Лучше бы я погибла!

— Здесь он, ваш ребенок! — в один голос закричали Мактуба и Анвар. Он мигом добрался до урючины, достал ребенка — тот раскричался всю теперь — и понес его к Каратаевой усадьбе.

— Где он, где? — не веря своему счастью, спрашивала простоволосая, в разодранном платье Ходжала.

— Да вот он!

Ходжала схватила сына и, вся дрожа, начала целовать его. Ребенок орал, а Ходжала смеялась и плакала, прижимая его к себе.

— А Каратай-ака где? — спросил Анвар. — Что-то не видно было его.

Глаза Ходжалы зло сверкнули.

— Добро свое спасал, будь оно проклято. Деньги его, золотой заем, все уплыло. — Она дико засмеялась, взвизгивая: — Ковры вон в грязи валяются. Коровник рухнул: завалило весь скот. — Ходжала вдруг взвилась: — Так ему и надо! Из-за него, ненасытного, аллах покарал нас. И сыночек мой, сыночек чуть не погиб. Ой, спасибо тебе, Анварджан! Всю жизнь перед тобой в долгу буду.

— Это не я. Мактуба спасла его.

— И перед ней — тоже... Голуби вы мои! Ансты белые. Сколько горя причинила вам. Не сама, видит бог! Шайтан этот, Каратай, подговаривал. У-у, проклятый! Нет чтоб детей своих спасать. За добром кинулся.

— Будет, тетушка, успокойтесь.

— Нет! Я еще все, все расскажу людям. И как напраслину возводила на вас, и как открытку, что Юсуфджан навязал, подбросила Мактубе. — Она посмотрела на соседний двор и увидела Мактубу. Та сидела, обняв уже пришедшую в себя Саодат-холу.

Услышав последние слова Ходжалы, Мактуба покачнулась и прикрыла глаза ладонью.

— Душа золотая! Прости! — вопила Ходжала. — Не годница я. Прости меня. Век буду помнить!

— Умолкни, бесстыжая! Голая перед мужчиной стоишь. — Появился Каратай, весь обляпанный глиной, с открытой лысой головой. Золотистую шапку свою он потерял.

Он обхватил руками столб и прижался к нему, тяжело дыша. Потом взглянул на Анвара:

— Ну что? Беде моей порадоваться пришел, товарищ главный агроном? Любишь! Нищий теперь Каратай. Тебе ровня.

— Чушь вы несете, почтенный, — сухо ответил Анвар. — Придите в себя. Мне не хочется говорить с вами.

— А что же тебе понадобилось здесь? Прибежал, словно шакал на падаль.

Ходжала положила ребенка, приблизилась к Каратаю и плюнула ему в лицо.

Он поморгал красными веками, опустился в грязь и заплакал.

С рассвета, как только поднялась буря, и допоздна носились по кишлаку раис, Маликов с Садыковым, добровольцы — коммунисты и молодежь. К полудню прибыли из райцентра спасательные группы. С вертолета спустили ящики с лекарствами и продуктами.

Как это часто случается, бедствие показалось вначале куда более страшным, чем оно было на самом деле. Полностью снесло лишь Каратаеву усадьбу. Пострадало десятка полтора других домов, в том числе и тот, где жили Саодат-хола с Мактубой.

— Это мы быстро поправим, — сказал раис.

В часы бедствия он будто переродился, стал прежним Турдыевым, тем раисом, который действовал не зная устали, всюду поспевал, работал рядом с колхозниками, не боясь замарать руки.

Раис командовал на самом опасном участке, там, где, захлебываясь водой, люди возводили плотину, чтобы не пустить поток на поля. Им удалось сделать невозможное: они отвели воду в ущелье. Но в низине гектаров триста хлопчатника все же смыло вместе с землей, до самого каменистого грунта. По этому поводу и убивался раис, хотя его утешали. Дескать, получит же колхоз страховку, и государство, как всегда в таких случаях, уменьшит план, поможет пострадавшему хозяйству всем: деньгами, машинami, семенами... Раис только головой покачивал:

— Так я надеялся на нынешний год... Урожай был бы знатный. Я по росткам видел.

— Будет план, — сказал ему Маликов. — С лихвой.

— Шутить? — устало спросил раис.

Разговор происходил вечером в конторе. Из-под пола тянуло сыростью; вода затопила подвал. Чадя, светила керосиновая лампа.

Народу в кабинет набилось немало. Впервые за последние годы люди входили без доклада, рассаживались, как кому хотелось, дымили папиросами, угощали друг дружку насваем, даже пошучивали.

— Хонтахта, — сказал Маликов. — Она же целехонькая. Внизу поле смыло, а она стоит хоть бы что.

— А-а, — махнул рукой раис. — Думал я б этой вашей Хонтахте. Что с нее возьмешь: земли залежные, центнеров по восемь, не больше. Расходы едва окупятся.

— Да что вы, Ахмадали-ака? — Анвар даже вскочил. — Вы только воду помогите подать. За двадцать пять центнеров на круг ручаюсь.

— Прыткий ты у меня, парень! — раис произнес это, однако, без осуждения. — И нынче показал себя молодым. Хвала тебе и спасибо. Не от меня, от общества. — Он повел рукой, показывая на всех, кто сидел в кабинете. И люди тоже заговорили, загудели одобрительно.

— Если бы не он, погибли бы Каратаевы дети, — сказали из угла.

— А сам Каратай-то где?

— За добром своим вслед поплыл. К самому морю. На дне свои сокровища отыщет.

Все засмеялись, а раис насупился.

— И семена Анвар спас, — добавили громко.

Анвар смутился и рассердился:

— Да что вы заладили: Анвар, Анвар... Каратаева сына не я спас, а Мактуба. — Он все же покраснел, произнеся дорогое имя, и поспешно закончил: — А семена не один я таскал. Нас четверо было.

— Куда мешки перетащили? — спросил раис.

— На чердак. Он под шифером.

— Сообразили правильно.

— А если бы вода поднялась до крыши да снесла мешки? — спросил старческий голос.

— Тогда, отец, нам с вами уже не пужны были бы ни семена, ни плоды, — мрачно пошутил раис, но все дружно засмеялись.

В стороне секретарь занимался с теми, чьи усадьбы особенно пострадали. Люди эти, даже женщины, вели себя на удивление спокойно. Все семьи уже были разме-

щены в школе, а в ближайшие дни, как сообщил им представитель райкома, должны были прибыть строительные бригады с материалами, чтобы возвести новые дома.

— Дадим тебе воду, Анварджан, — сказал раис. — Видишь, сколько ее прибыло, — он кивком показал на окно. — А ты бы вилт задушил на тех полях, что не тронуты. А то сель пощадил, так вилт сожрет.

— Знал бы я, как душить вилт, я бы сейчас в академии был президентом.

— Ого! — сказал раис.

— А может, и выше. — Анвар разошелся. — Но я пока знаю то же средство, что и вы, Ахмадали-ака: оздоровить землю надо.

— Сель нам в этом уже помог. Триста га — как колова языком слизала.

— Увидите: на Хонтахте урожай будет выше, чем на старых полях. Ее вилт не коснется.

— Из обещаний, парень, халат не сошьешь! — Раис все же уступил, и все понимали это и радовались.

Анвар прежде всех почувствовал, что теперь Хонтахта стала из падчерицы законным детищем раиса Ахмадали Турдыева, а коли так — сто забот долой, и все будет хорошо, на нынешнюю беду невзирая!

С улицы, со стороны магазина, донеслись какой-то шум, фыркание мотора, крики: «Стой!», «Приказываю остановиться!» Мотор взревел: машина забуксовала. Потом вдруг все смолкло.

— Пойди-ка узнай, что там случилось, — велел Маликов одному из парней.

Тот не успел выйти. На пороге показались Садыков и милиционер, который вел перепуганного Юсуфджана. Шикарные кудри завмага, намкнув, развились. Голова его сейчас, казалось, была одета в грязную шапку. Глаза бежали.

— Я же спасал товар. Спасал! А вы меня задерживаете, как преступника.

— На складе у него было сухо, как в тандыре, — сердито сообщил Садыков. — А он машину нагрузил, чтобы угнать ее к себе домой. И все — с лучшими вещами. Откуда что взялось: ковры, посуда.

— Я же за товар отвечаю, — не сдавался Юсуфджан. — А что, если опять сель? Или дожди?

— Потому-то ты и прокопал арык к складу, — сказал Садыков. — Едва нагрузил машину, открыл, негодяй, запруду, и вода хлынула на склад. И актики на списа-

ние уже заготовил. Вот! — Он достал из планшетки листки, исписанные чернильным карандашом, и показал их всем.

Люди загудели. Теперь — возмущенно.

— Ахмадали-ака! Скажите, пусть не придирается. Кто он такой? Откуда он взялся в нашем кишлаке? Он сам вор и скрывается здесь.

Теперь вскочил Маликов. Он подскочил к Юсуфджану и взял его за грудки:

— Ах ты, негодяй! Да ты недостоин одним воздухом дышать с такими людьми, как Садыков, а ты на него...

— Пойдите, Вахаб-ака! — Турдыев оттеснил могучим плечом Маликова. — Посадите Юсуфа в дежурку, — сказал он милиционеру. — Прокурор разберется.

— Да не виноват я, не виноват! — отчаянно закричал Юсуфджан. Он встретился с непреклонным взглядом райса и понял, что помощи ждать ему нечего. Тогда он произнес отчетливо, чтобы все слышали каждое слово: — Ну, коли так, таксыр¹, то учтите: тонуть будем вместе. И я, и Каратай, и Асиллов, и вы вместе с нами! Слышите: вы тоже не спрячетесь!

Райс отшатнулся, будто его по лицу ударили. Но тут же показал рукой на Юсуфа и повторил:

— Посадить, чтоб не сбежал. — И ответил не Юсуфджану, а всем: — А я не прятался и прятаться не стану. Виноват — судите. А может, еще руку подадите. Как я вам нынче. Чтоб не утонул.

Вместо эпилога

Следствие тянулось долго: все лето и осень. Лишь в ноябре во вновь отстроенном колхозном клубе состоялся показательный суд. На скамье, отгороженной барьером, сидели инспектор Асиллов, Каратай, Юсуф и их дружки из райцентра, те, что отвозили и сбывали краденое. Был среди подсудимых и фотограф, который изготовлял для шайки поддельные документы. Как-то на допросе следователь показал ему приглашение на свадьбу с фотографией Анвара.

— Узнаете? — спросил следователь.

Фотограф, невзрачный человек с морщинистым лицом, смотрел на открытку непонимающе.

¹ Таксыр — господин, уважаемый.

— Ваша работа?

— Моя, наверное, но что тут плохого? Я сотни таких заказов получал. За них платят неплохо.

— А Юсуф Музаффаров вам никогда такую открытку не заказывал?

— Пойдите-ка. — Фотограф внимательно присмотрелся. — Было дело, — сознался он. — Принес мне Юсуф фотографию какого-то паренька. Я, говорит, ее из личного дела вытащил. Подшутить по-дружески хочу. Сделай, мол, пригласительную открытку, а вместо невесты поставь какую-нибудь киноактрису. То-то, говорят, смеху будет!..

Но среди многочисленных обвинений, предъявленных преступникам, это показалось и впрямь пустяковым. А мог ведь такой пустяк поломать судьбу двух любящих людей... Впрочем, Анвар и Мактуба вспоминали о случившемся, как о дурном сне. Осенью в Богистане был сыгран веселый и многолюдный той. Но до этого радостного дня произошли события, о которых следует рассказать.

Когда сняли урожай, то оказалось, что, несмотря на весеннее бедствие, колхоз выполнил план. Как предсказывали Маликов и Анвар, Хонтахта дала хоть и невысокий, но рекордный для первого года урожай: ее не коснулся вилт. Злая напасть словно обтекла Хонтахту, как вода, в ту злополучную весеннюю пору.

Удалось ослабить вилт и на других полях. Ранс старался, как в лучшие годы свои; поддерживал, чем только мог, своего главного агронома Анвара Каримова. Жилось, правда, рансу все это время невесело: то и дело вызывали в район, в прокуратуру, а главное — совесть мучила.

Кем был, кем стал? — не раз думал он. Из батраков вышел, кетменщиком в колхозе был. Глотку готов был перегрызть каждому, кто на общественный грош позарится. Кулаков ненавидел люто. Едва не погиб, когда мироедов этих трясли. Вот шрам на плече, в три пальца глубиной, до сих пор напоминает о тех годах. Потом люди председателем избрали. Поверили Ахмадали Турдыеву, рукам его, уму. Он и старался. И каждый день начинался с чистых помыслов, высоких стремлений. И награждала жизнь за это щедро. Съезд колхозников-ударников. Задыхаешься от счастья, когда вспоминаешь о нем. А слова, которые произнес Юлдаш Ахунбабаев,

вручая Турдыеву первый, самый дорогой орден: «Вы удивительный хлопкороб. Старайтесь. Пусть прогремит на весь мир слава узбекского хлопка».

«Когда же ты потерял себя, Ахмадали? Не в тот ли день, когда распил с подлецом Каратаем первую дармовую бутылку коньяку или принял в подарок от Юсуфа серую смушку на воротник? А может, еще раньше? В тот вечер, когда ты не ответил на приветствие соседа, с кем вместе когда-то у бая батрачили, только потому, что он выше поливальщика за всю свою жизнь не поднялся. А ведь он, тот сосед, и такие, как он, славу добывали и колхозу и тебе.

В бездне я, в бездне, — с тоской думал раис. — Сам себя в пропасть толкнул. Никто не принуждал подношения принимать от проходимцев, услугами их пользоваться. А они опутывали ловко! «На пиалку чаю загляните, Ахмадали-ака. Отдохните в прохладе». А там — коньячок, Мархамат эта с готовой любовью. А три дня спустя Каратай, вроде бы походя: «Подпишите актик, Ахмадали-ака. Бычок у нас утонул. Пошел к воде, глупый, и унесло его...»

Как же у тебя рука поднималась, Ахмадали, подписывать те акты? Себя обманывал. Дескать, не врет Каратай. Так было жить легче, веселее. Добро, хоть на носулы того, другого Каратаева дружка, что с хлопкопункта, не позарился. До приписок позорных не докатился. А ведь мог бы. Немного оставалось. Вот тебе и расплата: один остался, один».

Вскоре после наводнения Турдыев отправился к секретарю райкома, чистосердечно покаялся во всем и попросил, чтобы его с должности председателя сняли. Секретарь, однако, рассудил по-другому: бюро наложило на Турдыева строгое взыскание, но от должности не отстранило.

— Повременим. Вы сперва колхоз после бедствия на ноги поставьте.

— И поставлю, — заявил раис. — Не сомневайтесь.

Великим счастьем почитал он сейчас возможность работать для людей, перед которыми был виноват, хотя все понимали, что и Турдыев оказался своего рода жертвой: проходимцы ловко сыграли на его слабостях.

Осенью, еще до суда, было отчетное собрание. Раис явился в самом простом костюме, без наград. Он сидел, боясь голову поднять.

Сперва, как водится, выбрали президиум. Маликов предложил кандидатуру нового заведующего отделом райкома. Раис мимо ушей пропустил распространенную фамилию — Садыков. И только когда те, кого выбрали, — раис в их числе — прошли из зала на сцену, где стоял стол, накрытый красной бархатной скатертью, раис узнал Садыкова. Турдыева даже в жар бросило. «Теперь — все, — решил он и подумал не по-хорошему, о чем потом пожалел: — Так вот, оказывается, зачем Садыков в Богистан прибыл, чтоб выведать все исподтишка. Ловкач! А прикидывался простаком. Я, мол, друг Маликова. Друг...»

Турдыев прочитал отчетный доклад правления, а потом отложил бумажки, и тут началась его главная речь. Он говорил, не щадя себя, ничего не утаивая. А закончил так:

— Я рассказал вам обо всем, друзья мои, земляки. Рассказал не для того, чтобы вы приняли мое раскаяние и простили меня. Я готов понести наказание. Важней для меня другое: пусть послужит то, что случилось со мной, уроком для всех тех, кто сегодня руководящий, и тех, кто сегодня рядовой.

Это было первое за многие годы собрание, когда выступать хотели все. Никто не намекал, что уже поздно, никто не прерывал выступающих.

Решение было такое: деятельность правления признать удовлетворительной, а раису объявили строгий выговор.

Но когда начались выборы нового председателя, Маликов предоставил слово представителю райкома, и Садыков сказал, что имел возможность познакомиться с колхозом, с его людьми и потому он предлагает оставить председателем Ахмадали Турдыева.

Турдыев ушам своим не поверил.

Проголосовали за него все, и он, железный раис Ахмадали Турдыев, вдруг почувствовал себя слабым, как мальчишка, и даже поблагодарить не смог.

После собрания он сказал об этом Садыкову. Неловко, мол, получилось: даже спасибо не сказал.

— Ничего, товарищ Турдыев, — улыбнулся Садыков. — Вы отблагодарите людей сполна. Я в этом не сомневаюсь. Потому и настаивал на вашей кандидатуре.

Раис пожал протянутую руку и вдруг понял, какое

великое это счастье — пожать ладонь человека, который тебя называет и которого ты зовешь простым и дорогим словом — товарищ.

От усадьбы Карима-бобо круто сбегает к реке тропа. Она ведет к берегу, к тому месту, где растет могучая джида. Помнит джида все, что видела на долгом веку. Шумят по весне юные серебристые листья. Рассказывают воде о людях, о жизни. И влетает река эти простые вести в ликующую песню свою.

Рассказы

Н

еожиданно похолодало. В погожие, еще теплые ноябрьские утра, словно пронзительная нога, ворвались заморозки. Серый налет инея таял неохотно, синева неба стала еще гуще и

тревожней, как будто оно уже готовилось принять тяжелые осенние тучи, из которых вот-вот посыплется вниз мелкий холодный дождь. В такое время, когда до выполнения плана по хлопку остаются считанные тысячи тонн, общее напряжение, которым живут люди, становится особенно ощутимым.

Было раннее утро. Необозримые поля хлопка до самого горизонта — куда ни глянь — пестрели цветными платками женщин, фигурами дехкан. Сейчас здесь, на полях, трудились и школьники, и горожане, и белые горы хлопка отчетливо белели на темных прямоугольниках хирманов.

Бабакаланов смотрел на поля сквозь боковое стекло газика. Не удержался, сказал видящему позади с длинным охотничьим ружьем Армену:

— Посмотри, какой хлопок уродился! Прямо небывалый урожай. Еще бы несколько деньков хорошей погоды — и все заботы позади.

— Вам и сейчас не о чем заботиться, уважаемый Бек-ака. Каких-то пять-шесть процентов не делают погоды. Все и так встанет на свои места.

— Так-то оно так, но... Еще узнают, что мы в такое время поехали на охоту, неприятностей не оберешься. Надо было еще поднажать. Говорили же, что скоро ожидаются заморозки. Как это все неудачно!

— Наоборот! — засмеялся Армен. — Самая пора для охоты. В такое время мы с вами столько уток настроляем, что любо-дорого!

— Я говорю — садом пойдем, а он мне — через горы! — рассердился Бабакаланов.

— Не будете же вы сами собирать хлопок! Вон, есть кому! — как ни в чем не бывало показал Армен на поля. — А вам не надо волноваться. Что будет, если повысится давление? Сколько оно у вас сейчас?

— Вчера мерил — сто сорок.

— Я и говорю — отдохнуть надо! Другой бы на вашем

месте сейчас лежал спокойно на мягкой подушке да под теплым одеялом. Голова ведь тоже требует отдыха, дорогой Бек-ака.

— Какой сейчас отдых, о чем ты говоришь! День только не выйду на работу, все идет шиворот-навыворот. Вот давление бы отрегулировать...

— Говорите — давление, а от коньяка и казы отказаться не хотите, — полушутя-полусерьезно сказал Армен.

— Смешные вещи говоришь, братишка. Для чего ж тогда жить? От самого лучшего отказываться? Сказал — казы! Да если я от чего и умру, так это от нее. Люблю колбасу эту — слов нет как!

Бабакаланов громко рассмеялся. Армен засмеялся тоже — только тихонько, на свой лад, так что порой и не разобрать было, смеется он или хихикает.

— Если я о чем и беспокоюсь, так это единственно о вашем здоровье...

— Ладно, ладно, не оправдывайся! Я и так тебя ценю. А что касается здоровья, то... — Бабакаланов самодовольно посмотрел на себя в маленькое зеркальце над ветровым стеклом. — Я все же не хлюпик какой-нибудь.

— Не-ет! — тотчас подхватил Армен. — Вы еще — ого! Пусть всегда удача сопутствует вам, дорогой Бек-ака...

— Хватит, хватит! — остановил Армена Бабакаланов. — Нечего льстить!

Армен, крупный, черноволосый мужчина, слегка покраснел:

— Это не лесть. Это от чистого сердца. И напрасно вы так, Бек-ака...

— Ты что, обижаешься?

Армен молчал.

— Напрасно! — Бабакаланов весело хлопнул его по плечу. — Нечего тебе на меня сердиться... Кстати, — спросил он, немного помолчав, — я говорил тебе о том, что надо выбросить в продажу промтовары... помнишь, о которых тогда шла речь? Ты это сделал?

— Ну конечно! Будьте спокойны. Все будет так, как надо. Только скажу вам, Бек-ака: вашему другу я два отдал.

— Что? Два ковра Толибу?

— Ну да. Вы же сами так распорядились!

— Не из того же, что мы отобрали для хлопкоробов. Кому-то сейчас недодам один ковер. Думать надо!

— Других ковров пока не было, а приказ ваш надо выполнять. Вы сказали — так и должно быть сделано!

Бек-ака хотел возразить, но потом раздумал. Как ни груба лесть, но всегда есть в ней нечто такое... этакое, что волнует, приятно освежает сердце. И все же спустя некоторое время он вяло возразил:

— Смотри, дорогой, как бы нас однажды к стене не приперли за такие дела. Сам знаешь — сейчас везде проверки да перепроверки. Дефицитный товар не должен задерживаться на базе.

Армен понимающе покивал головой, но на его лице было видно что-то улыбочивое, потаенное, как будто он понимал, что Бабакаланов говорит это больше для формы, а не потому, что всерьез обеспокоен утечкой одного ковра на сторону.

А газик все шел, и постепенно разговор умолкал и собеседники погружались каждый в свои мысли, а потом, под конец дороги, уже и мыслей не было, а была какая-то усталая полудрема, тем более что холодноватый ветер постепенно утихал, так что, когда приехали на место, не хотелось вставать и разминать порядком затекшие ноги.

Степь лежала перед ними, настороженная, молчаливая. Иссохшая за лето трава рыжими космами торчала на пригорках, в ложбинках, красноватая глина поблескивала сыростью — стылой и уже привычной; огромная стая ворон снялась с места и с шумом полетела вдаль. Две-три любопытные сороки, громко стрекоча и с любопытством рассматривая неожиданных гостей, кружились над приезджами, часто взмахивая черно-белыми крыльями. Бабакаланов шутя взял их на мушку ружья, уже предусмотрительно вынутого Арменом из машины. Ружье было незаряженным. Бабакаланов быстро зарядил его и, прицелившись, нажал на курок. Одна из сорок на лету нелепо взмахнула крыльями и камнем упала вниз. Вторая, испуганно вереща, полетела прочь, в степь, уже начинающую темнеть на горизонте.

— Вы, оказывается, хороший стрелок! — громко воскрился Армен.

— Ну, что уж там, — проговорил, опуская ружье, Бабакаланов.

На выстрел откуда-то появился мужчина средних лет в форме лесничего, с длинной бородой и ружьем за плечами. Бабакаланов брезгливо откинул ногой мертвую птицу.

— Зачем вам эта птица? — заговорил егерь. — Ее мясо есть нельзя, оно жесткое. Значит, просто так, от баблства.

— А вы не читайте мне нотаций! — вспыхнул Бабакаланов. — Вы же егерь, так?

— Да, егерь. А вы, если не ошибаюсь, товарищ Бабакаланов.

— Вот видите, вам звонили. Значит, знаете, кто мы.

— Зачем нам ссориться? — вкрадчиво подошел Армен. — Уважаемый товарищ, как ваша фамилия...

— Турдыев моя фамилия.

— А имя? — не отступал Армен.

— Кокмас.

— Бесстрашный, значит? — иронически спросил Бабакаланов. — Что ж, мы о вас много слышали. Так как же с охотой, уважаемый? Что вы нам предложите?

— На фазанов охота запрещена, — угрюмо сказал Турдыев и перекинул винтовку на другое плечо. — Если хотите ловить рыбу — пожалуйста, могу дать крючки.

— Рыбу мы могли ловить в другом месте. Тем более что договаривались ведь! Рыбу!

Бабакаланов гневно посмотрел на Армена, и тот начал оправдываться:

— Да нет, о рыбалке не может быть и речи. Поймите, уважаемый, — мы ехали сюда, надеялись. Путь-то не близкий!

— Не обижайтесь на меня, но мы только привели в порядок заповедник, в начале года пустили около восьмисот фазанов. Надо же им хоть прижиться, а тут — стрелять!

— Ну, не обеднеет же заповедник, если из этих восьмисот мы и подстрелим двух-трех, — добродушно сказал Армен.

— Вот именно, не обеднеет, — подал реплику Бабакаланов.

Он уже начал остывать и теперь стоял, облокотившись о машину. Зачем портить нервы, не может быть, чтобы пришлось ехать понапрасну, просто этот Турдыев, наверное, из тех, кто хотят снять с себя всякую, даже малейшую ответственность, потому так и упрямится.

— Вы две-три, еще приедут, тоже попросят — две-три, вот так и всех фазанов перестреляете! — не отступал егерь. — Заповедник — это вам не просто степь. Здесь особые условия. Понимаете — особые!

Даже добродушный Армен начал терять терпение. И что ему надо, этому несговорчивому егерю! Надо же — Толиб держит у себя таких людей! Так ведь и дружбу можно потерять. Бабакаланов, пожалуй, в следующий раз и вспоминать о заповеднике не захочет, а терять его расположение Армену очень не хотелось.

— Начальник звонил? — коротко спросил он Турдыева.

— Звонил, ну и что?

— Почему же вы не выполняете его приказание?

— А пусть отдает письменное разрешение! — дерзко глядя в глаза Армену, ответил егерь.

«И ведь ничего же со своего упрямства не имеет! — искренне удивлялся про себя Бабакаланов. — Неужели не боится начальника?»

— Об этом разговора не было. Захотел бы — отдал. А раз получили приказ — должны выполнять! — Армен теперь шел напролом.

И егерь, понимая, что на этих приехавших вряд ли подействуешь магическим словом «нельзя, не положено», уже начиная сдаваться, сердито проговорил:

— Черт знает что! Говорят, никому нельзя стрелять, а потом сами свой приказ нарушают!

— Да вы бы не беспокоились, уважаемый, — заговорил Армен. — Мы подстрелим ли еще что? Может, просто по вашему заповеднику прогуляемся. Тогда что скажете? Будете себя ругать, что гостей неласково встречали?

Пока шел спор, Бабакаланов бесцельно ворошил носком сапога убитую птицу. Вдруг клюв приоткрылся, как будто убитая сойка хотела вцепиться в своего убийцу. Бабакаланов резко отшвырнул птицу в сторону. Егерь коротко взглянул на него, и, прочитав в его взгляде неодобрение и неприязнь, Бабакаланов почувствовал себя задетым. Он резко повернулся и пошел в степь. Недалеко, за иссохшими серыми камышами, прятался пруд, поверхность его отливала жидкой сталью. Бабакаланову захотелось взять убитую сойку и бросить ее в этот пруд, но, повернувшись, он увидел, что егерь наблюдает за ним. Он нехотя пошел назад. Разговор между Турдыевым и Арменом подходил к концу.

— Ладно, пойдемте! Только две штуки разрешаю подстрелить, но и то только самцов! — сказал наконец егерь.

— Что ж, и за это спасибо, — сухо усмехнулся Бабакаланов.

Взгляд Армена, брошенный в его сторону, словно горил: пусть мы с вами только попадем в заповедник, там посмотрим, сколько подстрелим!

— Ну что ж, пойдём, — махнул егерь в сторону дикого пруда.

Они зашагали за ним.

— Раньше стреляй, сколько хочешь, и никаких тебе заповедников! — тихо заговорил Армен. — Ещё мой отец сюда приезжал охотиться. Говорил — фазанов было видно-невидимо.

— Так раньше сюда почти нельзя было добраться, только самые отважные и приезжали, — ответил егерь. — Сплошные болота, и чего тут только не было, в самом деле! И волки, и олени, и даже барсы водились.

— И что потом?

— Потом? — задумался егерь. — Потом сюда человек добрался. Пострелял всех. Человек — он ведь самое хищное животное, если на то пошло.

Бабакаланов и Армен переглянулись, но спорить не стали.

— А сейчас барсы есть, уважаемый? — поинтересовался Армен.

— Если и есть, то, наверное, несколько штук всего. Один раз видел следы... А вот в низинах встречаются медведи и даже кабаны. Наш заповедник, если его привести в порядок, может вообще соперничать с самыми крупными заповедниками страны. Честное слово!

Бабакаланов решил отстать. Слова егеря почему-то, он и сам не мог понять почему, сильно уязвили его, смутно давали ощущение какой-то вины. Но Турдыев быстро обернулся к нему:

— Здесь топко становится. Вы лучше идите с нами.

II Бабакаланов неохотно прибавил шаг. Теперь он шел посредине, и это давало ему едва ощутимое чувство превосходства, когда егерь, сторонясь его, почти прижимался своим старым, уже истертым костюмом к кустам, — тогда летели на землю желтые, тоже словно истертые листья. Пробираться сквозь колючий кустарник, одинокие полузасохшие деревья и пни, густой камыш было трудно. Ветки арчи царапали руки, впивались в одежду.

Несмотря на то что, как сказал Турдыев, и здесь уже успели распугать диких животных, места эти все же были дикими, необжитыми. Заповедник расположился почти на середине болота, вокруг которого были пусты-

ные, голые степи, летом горячо дышавшие на сотни верст кругом. Но огромное болото, почти высохавшее в большую жару, давало жизнь сотням разнообразных деревьев и кустарников: здесь росли бадам, дикий урюк, ольха и даже кое-где встречались дикие яблони. Армен на ходу сорвал зеленый, какой-то скрюченный плод и, пожевав несколько секунд, с ожесточением сплюнул. Между деревьями, почти смыкаясь над узенькой тропой, шелестели камыши. Камыши были всюду, казалось, они росли здесь и тогда, когда на земле еще ничего не было. Места были и впрямь редкие, такие поискать. А главное — звери здесь еще сохранились такие, каких в других местах, пожалуй, и днем с огнем не найдешь. Воздух к вечеру стал прозрачным, и в воздухе далеко разносился скрип камышей и шаги охотников. Бабакаланов и раньше бывал в этих местах, помнил то сладкое чувство усталости и удовлетворенности, какое бывает после удачной охоты, после целого дня, проведенного на свежем воздухе, в неустанных поисках, и теперь, вспоминая те дни, чувствовал, как потихоньку поднимается в нем хорошее настроение.

Спелые ягоды устлали землю, и было похоже, что впереди расстилается огромный ковер — красный, с редкими желтовато-серыми разводами травы. Впереди во мху были видны следы. «Дикие козлы», — подумал Бабакаланов, и егерь, словно прочитав его мысли, наклонился к земле.

— Вот уже и дикие козлы, — негромко сказал он.

Воробей вспорхнул с дикой арчи, что росла неподалеку, но далеко улетать не стал, словно выжидая, когда же пройдут незваные гости.

— Эх ты, хитрец! — вслух проговорил Армен. — Ждет, пока мы уйдем, чтобы снова объедаться. Смотри, как было расположился. Ешь вволю, никто не мешает!

Бабакаланов наклонился к земле. А вот еще какие-то новые следы...

Армен и егерь ушли вперед.

— Бек-ака, не отставайте! — крикнул Армен.

— Идите, идите, я сейчас! — проговорил Бабакаланов.

Ему почему-то хотелось остаться одному. Потому, заметив недалеко куст со спелыми ягодами смородины, он пробрался к нему и, отложив ружье, стал осторожно выбирать крупные блестящие ягоды, готовые, казалось,

лопнуть прямо у него в горсти, такие они были спелые, крупные, как налитые тяжелым, сладким соком.

«Вроде в жизни не ел таких вкусных ягод», — подумал Бабакаланов и улыбнулся: здесь, на свежем воздухе, вдали от городского шума и суеты, все будет особенным, непохожим!

Невдалеке раздался первый выстрел.

«Наверное, это Армен стреляет, — подумал Бабакаланов. — Хотя ведь стрелок он неважный, вряд ли что подстрелит. А вот егерь, Турдыев этот, кажется, охотник неплохой — было это похоже по каким-то мелким, но значимым ему признакам. Может, этот егерь сам хочет подстрелить для нас этих двух фазанов».

Взяв ружье, он пошел вперед. Заросли окончились, он вышел на открытое место, поросшее густым камышом. Не успел он пройти несколько шагов, как рядом с ним поднялся фазан.

Это был крупный самец — в отблеске солнца ярко блиснули длинные желтые, с медно-фиолетовым оттенком перья его хвоста, темно-зеленые, оранжевые и золотые блестки возле головы. Он взлетел сразу высоко вверх («свечкой», как определил для себя Бабакаланов), потом стремительно ушел в сторону, постепенно снижаясь. Пока охотник, опешив от неожиданности, пришел в себя и нажал на курок, фазан скрылся в камышах. К тому же ружье не выстрелило: оказалось, что второпях забыл снять предохранитель.

С досадой выбросив прострелянные гильзы — в азарте выстрелил два раза подряд, — Бабакаланов вновь зарядил ружье. «Слепой один раз теряет свой посох», — успокоил он себя и, взяв на изготовку ружье, медленно пошел вперед.

Фазан, конечно, давно убежал. Тяжелые к осени, эти птицы летают неохотно и, поднятые несколько раз, обессилевают настолько, что уже не могут подниматься. Но зато бегают они так быстро, что даже собакам, привычным к охоте, нелегко за ними угнаться, тем более что они привычно и ловко скользят и в густых зарослях камыша, и в кустарниках. Такие места — как раз для них. Странно, что фазанов осталось так мало, ведь они плодовиты и неприхотливы. Впрочем, две прошлые зимы были очень снежными, с настом и гололедицей, наверно, фазанам было трудно зимовать. . . Да и люди тоже хороши — нет чтобы просто охотиться, так возьмет какой-

нибудь, подожжет камыши — и стоит себе стреляет, сколько душе захочется!

Вот даже в таких непроходимых зарослях кто-то, оказывается, уже крестьянствовал: остались корешки от скошенной джугары. А вот коровьи следы. Да-а, вот и ищи здесь фазанов. Хотя, впрочем, недалеко должны быть рисовые поля, а фазаны как раз любят такие места...

В раздумье Бабакаланов не заметил, как он оказался в низине. Здесь протекал широкий, медлительный арык. На другой стороне снова начинались заросли камышей. Там, наверное, спокойней, там скорее можно подстрелить фазана. Подумав так, он хотел спуститься вниз, к арыку, но, пройдя несколько шагов, почувствовал, как под сапогами чавкает вода. Значит, здесь топко. Он встал и, задумчиво глядя на противоположный берег, почему-то подумал о егере Турдыеве. На костюме у него, вспомнилось, орденская планка. Какие же у него ордена? Жаль, не рассмотрел. Смотри ты, как он ведет себя независимо, словно он является хозяином заповедника! Не на свои же деньги он купил эти восемьсот фазанов. Хорошо, что отстал от них, — ведь Турдыев наверняка увел Армена в те места, где фазанов нет. Сразу видно, что самые фазаньи места здесь, возле этого арыка.

Раздался выстрел. Вряд ли это те двое. Значит, кто-то еще охотится в заповеднике. Зачем же егерь разыграл из себя такого любителя редких птиц? Нет, обязательно надо сказать директору заповедника, чтобы уволил такого егеря!

Внезапно у него сладко заныло сердце: показалось, что там, среди камышей, мелькнула пара птиц с выводком. Самая пора сейчас для молодых фазанов, и мясо у них такое нежное, вкусное... Он решительно пошел вперед. Ну и что, если вымажется в иле? Ничего, зато всласть настреляет фазанов. Пусть потом егерь возмущается. А фазанов на всех хватит. В этом году лето удалось урожайное, и зима будет теплая. Он сделал несколько шагов и провалился по колено. Попробовал вытащить ногу — провалился в холодную трясику еще глубже, не в силах вытащить ни ту, ни другую ногу... Он испугался. Хотел повернуть обратно, но не мог, а наоборот, проваливался еще глубже и глубже. Он судорожно схватился за траву, но сухие пучки или рвались в его руках, или вырывались с корнем, а кустов поблизости не было. В одно мгновение он почувствовал, что, несмотря на холод, тело его покрылось испариной, в вис-

ках судорожно застучало. Перед глазами промелькнули кадры недавно виденной картины — девушка тонет в болоте, нечаянно провалившись в «чертов глаз»... Вспомнились рассказы о беспечных охотниках, пошедших напролом в местах, где нужно было поосторожнее идти и смотреть вперед... Он рванулся еще раз. Нет, трясина не отпускала. Казалось, кто-то крепко держит его за ноги, так что стоит пошевелиться — сразу потянет вниз, медленно, но неуклонно. Сила, державшая его, была безжалостной и неумолимой. Что же делать? Собрав все силы, он крикнул: «На помощь!» — но крик его слабо прозвучал в зарослях и затих где-то совсем близко. Он крикнул еще раз и почувствовал, что по горлу будто провели наждаком. Всего лишь несколько мгновений в холодной воде, а ангина оживает, сдавливает его горло. Доктора советовали удалить гланды, он не согласился. Теперь заболит основательно. И тут же пришла в голову мысль — до ангины ли? Еще неизвестно, когда он выберется отсюда и выберется ли.

Бабакаланов почувствовал себя зверем, попавшим в капкан. «Да как же это я так сглупил, что отстал от своих, — ругал он себя, уже забывая, что егерь оказался ему человеком капризным и не компанейским. — Неужели они отошли далеко? Что же это — и Армен не вспомнит обо мне? Ни разу не слышал, чтобы они позвали, подали сигнал. Друг называется! А егерь? Ведь он отвечает за тех, кто приезжает сюда на охоту! Что он завтра скажет директору? Впрочем, при чем здесь егерь? Он скажет, что предупреждал их, что не хотел, чтобы они здесь охотились. Будет сваливать всю вину на директора, а тот — на него...»

Опять издалека донесся звук выстрела. «Значит, они ничего не узнают, по крайней мере пока меня не засосет эта трясина. Да и тогда долго будут искать меня и, может быть, найдут в конце концов какие-то следы. Странно, однако, что я сейчас думаю о смерти, а они как ни в чем не бывало продолжают охотиться. Вот она какая, жизнь! «Кому свадьба, а кому учение», — именно о таком случае и говорится».

Он почувствовал слабость во всем теле. Трясина засасывала его все глубже. Длинные охотничьи сапоги, доходившие до паха, теперь были еле видны. Он боялся пошевелиться. Осторожно взяв свое ружье, стал стрелять в небо. От сильной отдачи запылило плечо и шея. Он подумал, что начинил в патроны слишком много пороха, и

это тоже вызвало досаду. Некоторое время он стоял, прислушиваясь, но ничего не услышал, только тихо шуршали камыши. «А те, наверное, подумали — вот здорово стреляет! — эта мысль отозвалась в нем болью. — Наверное, они здесь будут не скоро. Трясина к тому времени меня засосет. . .»

Он подумал о жене и сыне, и слезы навернулись на его глаза. «Парень еще только школу закончит в этом году. Совсем несмышленный. Помогать да помогать ему надо. Ведь чтобы золотая медаль досталась ему, надо сколько потрудиться да и мне кое-каких знакомых, что называется, пустить в ход. Золотая медаль сейчас решает многое, а он такой неделовой, мечтатель, да и только! Совсем не в отца! Вот сейчас выехал с друзьями на сбор хлопка, хотя недавно был в больнице. Говорит: «Вся школа поехала, как же я останусь?»

. . .Что-то зашуршало в камышах. Сердце Бабакаланова затрепетало. «А вдруг какое-нибудь хищное животное?» Вспомнилось, как совсем недавно говорили они о барсах. Турдысв рассказывал, что здесь водятся еще и рыси. Вдруг они почуяли его и направились сюда? Он выбросил прострелянные гильзы, потом зарядил ружье снова. Но никто не шел, только ровно и как-то зловеще шуршали под осенним ветром камыши.

Будто прощаясь с жизнью, Бабакаланов поднял голову вверх. Бескрайнее синее небо простерлось над ним. Тихая умиротворенность была в природе, как будто она тихо прощалась с летом, сожалея о каждой травинке, иссохшей в жару, о каждом листе, что слетал сейчас с деревьев, мягко кружась в воздухе. Природа равнодушна к горестям и заботам каждого, она царственно прекрасна и вместе с тем открыта для всех, но мы, занятые своими делами, редко обращаемся к ней, редко видим ее во всей прелести, думал он. «До чего мы бездумны и слепы! Вот и я от нечего делать убил вчера птицу. Может, за нее и наказан! — думалось ему теперь с печалью. Ведь, если можешь, не обижай даже мураша, говорят умные люди. Если только он останется жив — ни за что, никогда не будет понапрасну обижать природу — ни живую, ни, как говорят, мертвую! Впрочем, камыши, этот арык неподалеку, эти кустарники — разве они мертвы? Они живут, живут своей, непонятной человеку жизнью, прекрасной, вольной. . . — А я умираю. . . Умираю! . . — Что-то вскинулось в нем горячим протестом. — Что будет с моим добром, моими деньгами? Золотой заем, который

спрятал от жены, так и сгниет в старой печи в сарае. Сын не сможет стать настоящим хозяином. Жена быстро все растрянжит. Для чего тогда жил? Старался ради каждого рубля, хитрил, изворачивался, обижал людей?»

Он словно воочию увидел лицо молодого зоотехника, которого выгнал с работы за то, что тот написал о всех неблагоприятных делах Бабакаланова. Сколько он тогда купил ягнят вместо больших овец? Сколько продал на сторону зерна и корма? А кто знает о том, как он обманывал государство, отвозя на комбинат негодных баранов?

Зоотехник многого не знал, но была в нем молодая непримиримость и враждебность ко всяким махинациям. Поначалу думал — приучит его понимать, что государство — само по себе, а ты — сам по себе, что живешь-то так недолго и потому надо жить хорошо. Но парень смотрел на него не то с презрением, не то с сожалением. . . Почему бы это? И хотя, уволенный, он должен был чувствовать себя побежденным, уехал он в другой район как победитель, а он, Бабакаланов, едва тогда устоял. Друзья помогли. Те друзья, которым он был нужен, как нужен ему сейчас Армен. Но где же он, Армен, когда наступила минута, где его присутствие означало жизнь? Нет Армена, никого нет, и те друзья, с которыми и пил и клялся в дружбе, теперь далеко и вряд ли вообще вспоминают о нем, как не будут долго вспоминать и после его смерти. . .

Вода просочилась в охотничьи сапоги, и теперь холод стал мучить его все сильнее. Казалось, смерть подбегает к нему все ближе. Тело внизу стало как каменное. Доползет холод до сердца — и все, конец, не надо даже погружаться в трясины. Сердце у него не выдержит всего этого ужаса, хотя не раз приходилось ему слышать, что у него, Бабакаланова, нет сердца вообще.

Но это говорили те, кто вынужден был уходить от него, кому он сам не давал житья, — те, кто пониже, помельче. Начальство, наоборот, хвалило его. Старый, заслуженный работник, прекрасный кооператор, который достает из-под земли все, что нужно торгу. Вышестоящие работники любят ходить к нему в гости — и встретит хорошо, и отправит с подарком, и, главное, все тихо, никто ничего не знает, не догадывается. Умел Бабакаланов язык держать за зубами, вот и достиг того, что сам он ничего, в общем, не делает. Спичку, чтобы закурить, и то зажигают для него другие. . . Конечно, не обходилось

без жалоб, но никто ничего доказать не мог, а не доказано, — значит, и не сделано. Клеветников же в каждом деле хватает. Да и не любят у нас тех, кто жалобами надоедает, спокойно жить не дает. . . А теперь на те жалобы вообще не обращают внимания, считают — он не ворует — и потому идут к нему в гости со спокойной душой.

Теперь ему думалось: наверное, знают они, что на зарплату не построишь такой дом, как у него. Да, конечно, знают. Одно ожерелье с жемчугами на его жене стоит пяти годовых зарплат. А бриллиантовые серьги? А хрусталь, которого у него столько, сколько, пожалуй, только на фабрике хрусталя соберешь, многое так и лежит в подвалах нераспакованным. Но никто из них никогда не посмел спросить, на какие это деньги куплено, так же, как не интересовались они, на какие деньги куплены те подарки, которые они уносят домой. А подарки эти, хотя сам он их называет скромными, уверяет, что это от чистого сердца и в знак уважения, — они тоже стоят немалых денег!

Вечерело. Холод одолел его так, что не попадал зуб на зуб. «Наверное, ночью будут заморозки». Все, конец. Боже мой, да если б только вырваться отсюда, разве он стал бы так жить? Все отдал бы, от всего отказался, только бы встречать каждое утро рассвет, видеть, как розовеет над тобою небо, да дышать, дышать воздухом — свободному, не связанному с этой ужасной трясинной, никогда бы не видеть ее больше!

Он судорожно дернулся, забился в плаче. И вдруг. . . Почудилось или впрямь — ноги слегка освободились, чуть приподнялись в сапогах, которые по-прежнему крепко держит трясина? Он дернулся снова, еще, еще. . . Потом упал на спину и, вырвавшись из сапог, с развевающимися на ногах портянками, задом пополз прочь, все еще не веря себе, не веря, что вырвался из лап смерти, что все дальше и дальше уходит от трясины. . .

Потом, посидев на траве и осторожно придя в себя, он не спеша, выломав большой багор, достал сапоги — подмерзающая жижга неохотно, с хлюпаньем выпустила их, — обул и, закинув ружье за плечо, выбрался на бугорок. Потом вынул из карманов намокшие вещи и разложил их вокруг — билет охотника, удостоверение, поргсигар. Увидев мокрую десятирублевку, хотел было брезгливо выбросить ее — недаром только что с отвращением думал о деньгах! — но потом заколебался, почему-то

огляделся вокруг и осторожно сунул ее во внутренний карман.

По-прежнему неумолчно шуршали камыши. Но теперь шуршание это не казалось ему зловещим, наоборот — слышался в нем какой-то ликующий тон, как будто и они, камыши, тоже радовались освобождению Бабакаланова из болота. И небо показалось ему сейчас уже, теснее, как будто оно приблизилось к нему и стало тем привычным, на которое не обращаешь внимания, разве иногда, перед охотой, пытаешься определить, какая сегодня или завтра будет погода.

Арык по-прежнему журчал мягко и неторопливо, но Бабакаланов посмотрел на него с ненавистью: вот ты, оказывается, какой — тихий, приветливый, а едва не засосал меня так, что и ворон, наверное, костей бы не собрал! И надо же — какие только глупые мысли не приходили ему здесь. Чуть было не решил от добра своего отказаться, жить, просто радуясь жизни. Да какая же жизнь, если у тебя только и есть, что небо над головой да рассветы. Кому нужны такие глупости. Вспомнил о золотом займе, утаенном от жены. Как бы ни доверял жене, но кое-что всегда нужно иметь про запас. Жизнь так и кипит в нем, он еще совсем молод, он еще может попользоваться всем, что предлагает жизнь умному и удачливому человеку!

Он быстро пошел прочь знакомой тропой, торопясь быстрее добраться до машины, обсохнуть окончательно. Об охоте не думалось. Успеется, времени впереди еще много. Коль вырвался из лап смерти, теперь долго будет жить!

...Машина, как и прежде, стояла возле домика охотника. Армен и егерь уже были там, доставали припасенное еще со вчерашнего дня мясо, развели костер. Бабакаланов обрадовался. Только сейчас он почувствовал, как голоден. Где-то в рюкзаке есть бутылка коньяка. Выпьет — и все забудется: и ужас, который испытал недавно, и глупые мысли, которые приходили там, возле арыка, в вонючей грязи. Все, все забудется!

— Где же добыча, Бек-ака? Мы только на вас и надеялись. . . — заговорил Армен.

— Что это вы в грязи? Провалились в болоте? — спросил егерь, оглядывая Бабакаланова.

— Да, понимаете. . . Фазан туда полетел, я за ним. Совсем было подстрелил, но достать не мог — болото.

— Согрейтесь, а то, наверное, замерзли! — захолоптал вокруг Армен.

— А где же ваша добыча? — спросил Бабакаланов насмешливо.

Так и есть, егерь нарочно уводил их в сторону, чтобы сохранить своих фазанов. Надо будет сказать директору, чтобы не цацкался с ним. Если каждый раз, приезжая в заповедник, будешь встречать такой прием. . .

— Да мы всего-то и подстрелили одну птицу, в самом начале, как только ушли от вас, — заговорил Армен.

— Ничего, зато походили, чистым воздухом подышали, — сказал Турдыев. — Тоже неплохо.

Мертвый фазан лежал возле костра. Перья его отблескивали желтым, зеленым, фиолетовым — испуганная эта красота на миг вызвала в Бабакаланове воспоминание о том, что он пережил, и какое-то сожаление, но он тут же взял себя в руки.

— Неужели жива? — спросил он, потому что подул ветер — и перья шевельнулись, как будто фазан пытался встать и не мог. Он носком повернул птицу. Егерь подошел к нему, нагнулся и осторожно взял птицу за крылья. Глаза его были грустными.

— Да не , давно уже мертвая, — сказал он и опустил птицу на траву, которую уже начал покрывать сизый налет — то ли поздней росы, то ли начинающихся заморозков. . .

НАКАНУНЕ СВАДЬБЫ

лиджан и Назира...

Видел ли их кто-нибудь порознь, не вместе — за все годы студенчества?

В аудитории, в читальне — за одним столом. Экзамены идут сдавать — в один день, в один час. А уж если кто-то из них заболел, не пришел на занятия — второй места себе не находит.

И ростом, и обликом были под стать друг другу, и характерами сошлись.

Назира, если хотите знать, считалась одной из первых красавиц в институте. Многие вокруг нее похаживали, да ничего из этого не получалось: у Назиры есть Алиджан...

Но вот окончен вуз, оба получили дипломы. Назиру оставили в аспирантуре. Алиджан получил направление на завод, инженером.

А в личном?

Оба не знали ни сомнений, ни колебаний: конечно, они должны быть всегда вместе. И незачем откладывать дальше: люди взрослые, самостоятельные.

В дом Назиры пришли сваты, потянулись традиционные обряды, церемонии, угощенья.

...И вот сегодня они подают заявление в загс — по установленной форме, честь по чести.

Сердца полны радости — жених и невеста выходят из «Дворца счастья». Заявление принято, а свадьба тоже не за горами...

— Сюда зайдем! — Алиджан подвел невесту к дверям ювелирного магазина. Назира смутилась.

— Зачем это?

— Как зачем? У нас с вами такой счастливый день! Надо ж его подарком ознаменовать! Чтоб запомнился!

— Я счастлива потому, что люблю, — сказала Назира. — И ничего другого мне не надо, чтоб запомнить этот день...

— Нет, нет... Все равно — я должен что-нибудь вам подарить!

Алиджан выбрал серьги и кольцо с бирюзой. Преподнес их торжественно. Назира совсем застеснялась.

— Не надо мне. . . Ничего не надо.

— Пусть этот скромный дар всегда будет напоминать о самых радостных мгновениях жизни!

Алиджан нежно привлек к себе Назиру. Продавщица смотрела на них, улыбаясь, и вдруг предложила:

— На сдачу — возьмите два лотерейных билета? Вам должно повезти. . .

— Пожалуйста, очень хорошо! — Алиджан, взяв два билета, тотчас отдал один Назире. Мимоходом заметил: — Смотрите, розыгрыш как раз перед нашей свадьбой! Совпадение. . .

Женех с невестой вернулись в дом Назиры. Родные горячо поздравили их.

— Будьте счастливы! — Хабиболло-ака, обняв дочь, поцеловал ее в лоб, Махбуба-апа обняла Алиджана.

— Папочка, а это вам — от нас! — Назира протянула отцу тот самый лотерейный билет.

— Спасибо, доченька. . .

Во сне не приснится — случается же такое! Нежданно-негаданно — выиграл-таки тот единственный лотерейный билет! И не какую-нибудь «дорожку ковровую, три метра», а автомобиль «Жигули»!

Вот это радость! Старики опомниться не могли. Добрый знак! Счастливая, видно, у них дочь, удачливая.

— Это Алиджан счастливый! — улыбнулась Назира. — Это его удача — для вас. . .

— Спасибо, спасибо, доченька! Дай бог, чтобы всегда тебе счастливилось! Чтобы всюду удача была с тобой!

Звонок телефона. Назира сняла трубку.

— Алло! Это вы, Алиджан-ака? Спасибо, все хорошо! Готовьтесь, с вас суюнчи — подарок за добрую весть! Родители мои «Жигули» в лотерею выиграли! Да, да, тот самый билет! Вот ведь как вышло. . . Такой случай. . . Только что мне сказали. . . Вам привет. . . Вот как? Конечно, сейчас спрошу. . . Алиджан зовет — мы пойдем погуляем немного?

— Матери скажи и ступай. Да скорее приходи, забот еще много.

Алиджан ждал Назиру у большого фонтана площади Торжеств. Она бросилась к жениху, словно век не виделись. Столько ведь надо рассказать!

У Назиры светлый, веселый нрав. И шутки, и смех ей к лицу, улыбочивы ямочки на щеках. Кого не очарует звонкий девичий щебет?

Ничего не забыла, все выложила — и радости, и огорчения. И про то, что сестренке почему-то не нравится ее свадебное платье. И про то, что мама уже гору нашла одеял, курпачей, все ей мало кажется... И про то, что новый сундук привезли...

— Да, я уже говорила по телефону... Главная новость — машина! Надо же! В лотерею! Отец от радости себя не помнит...

Алиджан глянул, словно хотел что-то сказать. Но удержал слово.

Назира, ничего не заметив, снова с детским огорчением заговорила о платье, которое почему-то не одобрила младшая сестра. Вздохнула:

— Понятно почему... Она у нас такая... современная! «Хипповая». За модой гоняется. Говорит, что и для невест платья теперь шьют по-другому. Ну, ладно...

Назира, оставив эту тему, заговорила о друзьях, подругах, однокурсниках. Кого из них позвать на свадьбу?

— За столом, наверно, кто-нибудь из них скажет слово... Как вы думаете, кто это сделает, Алиджан-ака?

— А? Да, конечно... Будут речи, — рассеянно отозвался Алиджан.

— Вам это неинтересно? Вы о чем-то другом думаете?

Назира обиделась, как дитя, избалованное вниманием.

— Нет, нет, зачем же... Это не так.

Некоторое время шли молча. Потом Назира стала вспоминать о днях их юности, о том, как познакомились, с чего все началось.

— Помните? Мы на хлопке были тогда. Вдруг — землетрясение, ночью. Выскочили в чем были, дрожали...

— Да, да...

— Вы тогда в первый раз на меня посмотрели — не так, как на других. Выдали себя — взглядом...

Назира замолчала.

Ведь он не слушает! Где блуждают его мысли?

Прежде бывало: заведет она речь о незабываемых днях студенчества — Алиджан вмиг оживится, сам начнет вспоминать друзей, сессионные тревоги, разные смешные случаи. А теперь?

Алиджан вдруг сказал, не глядя в глаза невесте:

— Назирахон... а ведь тот лотерейный билет я в а м подарил...

Назира улыбнулась, вспомнив об удаче. Снова защебетала:

— Отец мой всегда говорит: «С добрым намерением — достигнешь цели». Этот выигрыш его особенно обрадовал, потому что он поверил в мою счастливую звезду... в мою и вашу. Хорошо, что ему повезло, правда?

— В самом деле... Однако я заботился о том, чтобы в а м повезло, — пробормотал Алиджан.

Назира бросила на него взгляд.

Странно... Столько лет быть вместе... Пережить всякое... Да не был ее Алиджан таким, как сейчас! Не было в его словах этой фальши...

Как будто совсем другой человек стоял перед ней.

«Нет, нет, — прогнала эту мысль Назира, — мне показалось».

А сердце защемило.

Назира сказала — уже без тени шутки:

— В чем дело? Все ведь в порядке, ничего плохого, так?

— Мне кажется, вы сами понимаете, Назирахон. Подумайте о своих интересах. Если бы билет... если бы мой билет выиграл, у нас с вами была бы своя машина. После свадьбы... поехали бы, куда захотели...

— Вот оно что...

Назира замолчала — стало трудно дышать. День померк. Солнце, что ли, спряталось за тучи? Тяжело и больно колотилось сердце.

А этот — все бормотал:

— Поймите меня правильно... Этот выигрыш мог бы стать праздником для нас. А повезло вашему отцу...

— Мо-ему отцу! Не чужому!

Алиджан говорил еще что-то — Назира не слышала. Скорее, скорее — к станции метро!

Ее нагнал запыхавшийся Алиджан:

— Разве мы не поедem к профессору? Ведь собирались!

Назира словно не слушала. Она сбегала по лестнице в вестибюль метро. Алиджан, спеша следом, уговаривал:

— Почему вы уходите? Разве я вас чем-то обидел? Думал только о вас!

В вагоне Назира отмалчивалась. Едва-едва отвечала Алиджану.

Они вышли на станции «Октябрьская революция» и направились к дому Назиры.

В этот день положено было собираться немногим — самым близким.

На айване накрыт большой стол. Там гости, родители Назиры...

— А, это вы? Добро пожаловать, дети мои, дорогие мои! Сюда, сюда, Алиджан, сынок! Садись рядышком! А ты, Назирахон, вот сюда!

Хабибулло-ака, не допуская возражений, усадил обоих. Гости, вставшие, чтобы приветствовать жениха с невестой, снова заняли свои места. Хабибулло-ака встал и поднял бокал.

— Дорогие друзья! Если позволите, несколько слов! У нас радость! В тот день, когда Алиджан с Назирой подали заявление в загс, они мне подарили лотерейный билет. Вот он, перед вами! Вот какая удача — выиграл этот билет! Машину «Жигули» выиграл! И я хочу сказать: спасибо вам, милые дети, за ваше уважение к старшим! За ваши честные сердца, родные мои! Оставайтесь всегда такими! Я немного затянул речь... На радостях сегодня уже выпил, да. Рюмку вина выпил. Не за выигрыш этот, не за машину... Самое важное — человек! Добро в человеке, в душе его! Вот он, этот выигравший билет. Я вам его возвращаю. Будьте счастливы вместе. Катайтесь на своей машине! Счастливых вам дорог!

...Хабибулло-ака обнял обоих, поцеловал. Торжественно вручил Назире билет. Все захлопали в ладоши. Послышались возгласы:

— На счастье, на счастье!

— Смотрите, как хорошо совместная жизнь начинается!

У Назиры блеснули слезы на глазах.

— Это — вам!

Она протянула билет Алиджану.

Все снова зааплодировали.

— Молодчина! — басовито крикнул дядя Назиры.

Алиджан молчал.

Поздравив жениха с невестой, гости начали расходиться.

— Ну вот, милая моя! Все будет еще лучше! Если вы...

Алиджан потянулся к Назире, хотел поцеловать.

Назира отстранила его — и молча вышла из комнаты.

УДИВИТЕЛЬНОЕ СВАТОВСТВО

к волоску.

— Если бы еще лицо побелее да росту поменьше, была бы ничего, — откликается сестра. — А то ведь такая рослая уродилась! Оттого и сутулится.

— Трудолюбива, — продолжает мама. — Только с работы придет — рукава засучила, в руках ведро да веник! Калитка — и та у нее блестит.

— Да, славная девушка. . . И отчего это не везет бедняжке? Годы идут, а она все одна да одна. Подруги ее давно замужем. . .

— Ничего! Как говорится, бусинка на полу не останется, поднимут. Встретит свое счастье и наша Салтанат. . .

Я в таких разговорах не участвую, но в душе согласен с мамой, а не с сестрой. В самом деле, почему Салтанат — «бедняжка»? Она работает медсестрой в родильном доме. Люди ее уважают. И мне она очень нравится — не воображает, не важничает, как другие. Хоть я еще не взрослый, Салтанат разговаривает со мной, как с другом. Делится и хорошим, и плохим. Ей нелегко приходится — мать у нее часто хворает.

И мне очень-очень хочется, чтобы в жизни у Салтанат все было хорошо. Например, чтобы встретился славный парень и посватался к ней. Разве это невозможно? Ведь она хорошая. Хотя это и не сразу видно: она очень замкнутая. Трудно сходится с людьми. Нет у нее близких подруг. . . Может, потому, что Салтанат всегда занята? Все дела по дому — на ее плечах. А может, у нее характер такой, стеснительный? Это мне неизвестно. Но ясно одно: я как близкий друг и, можно сказать, наперсник должен во всем помогать Салтанат.

Однажды я стоял у своей калитки, Салтанат выглянула — из своей, подозвала меня. Я тут как тут.

— Что-нибудь нужно?

— Это ты нарисовал? — Она показала на калитку, где мелом была нарисована лошадь.

Я покачал головой: нет.

— А рисовать ты вообще любишь?

— Да...

— Тогда идем! — И соседка повела меня к себе во двор.

Я еще ни разу не был у них дома и теперь с любопытством озирался по сторонам.

Кругом чистота, порядок, каждая вещь на своем месте. Двор — точно большой цветник. Загляденье! Сюда бы мою старшую сестру! А то ведь за глаза всякого наговорит, а зайти по-соседски, посмотреть — ее нету...

Салтанат подарила мне коробку цветных карандашей и тетрадь для рисования. С этих пор мы еще больше сдружились. Я очень много думал: как бы мне для соседки сделать что-нибудь хорошее? И постепенно утвердился в мысли, что надо найти для нее подходящего парня. Чтоб не называли ее «бедняжкой» и «невезучей»!

Однажды меня послали в магазин за хлебом. На углу стояли несколько парней, о чем-то разговаривали. Я подумал: который из них мог бы жениться на Салтанат? Вот тот Сабир, студент? Нет, он чересчур красивый и гордится этим. Не подойдет нашей застенчивой соседке. Ахмад, что работает продавцом в магазине, женатый. У Норкузи ветер в голове, выпить он не дурак. Да и ростом не вышел, Салтанат чуть ли не в два раза его переросла. А может быть, тот, усатый Халил? Я задумался.

В самом деле: живет он один, никого у него нет. Работает монтером. Если в нашей махалле где-то с электричеством неладно, зовут его, и он никогда не откажет, все сделает. Он даже чем-то похож на Салтанат: тихий, скромный. Очень подходящий жених!

В мыслях я уже и свадьбу справил, и все добрые пожелания молодым высказал. А сам тем временем тихонько приближался к беседующим.

Стал рядом и уставился на Халила. Один из парней, Ахмад, заметил меня.

— Эй, чего ты глаза таращишь?

— Я... так...

— Иди куда шел! Мал еще для нашей компании! — прикрикнул на меня Норкузи. И вдруг хитро прищурил

глаза: — Постой, постой! У тебя уже и усы пробиваются! Иди-ка сюда, послушай, что тебе скажем!

Сабир подхватил:

— Верно, верно! Если усы начали расти, должен устроить угощение! «Муйлов-оши» — плов в честь усов, слышал? Потом примем тебя в свою компанию!

Все расхохотались. Я покраснел, как свекла, и не знал, куда девать глаза. А парни, то один, то другой, продолжали прохаживаться насчет моих усов и обязательного в честь усов угощения.

...Когда я вернулся домой, первым делом подбежал к большому зеркалу, что помещалось в стенной нише. Было оно довольно старое и тусклое. Может быть, поэтому в нем и не отразились мои усы?

Я крепко протер зеркало рукавом. Бесполезно! Усов — ни признака. Даже обидно. Пора бы уж, кажется, повзрослеть...

На следующий день, возвращаясь из школы, я встретил того парня, Халила. Мне показалось, что он кого-то поджидал.

— А, это ты? Из школы? Ну, так когда же будет «Муйлов-оши»? — бросил Халил, когда я с ним поравнялся.

Я остановился и стал смотреть на него. Молча... Однако, бросив свою шкуру, он тут же забыл обо мне. Смотрел выше моей головы, о чем-то думал. Вот тебе и раз! Хочешь человеку добро сделать, а он тебя не замечает...

Заметил. Опять стал подначивать:

— Ну, как? Уже готовишься к приему гостей? «Муйлов-оши» — хлопотное дело!

Я вспыхнул.

— У меня же еще не растут усы!

Халил расхохотался и вдруг, проведя ладонью, взъерошил мне волосы.

— Ну, ты даешь!

И тут я заметил: по другой стороне улицы, семеня, точно перепелка, вышагивает Салтанат. Одета, как всегда, аккуратно. Ни на кого не смотрит, идет себе... А Халил на нее посмотрел — так, искоса.

— Это Салтанат, моя соседка, — с гордостью сказал я, перехватив его взгляд.

— Скажи пожалуйста! Соседка...

И Халил взглянул еще раз. Я приободрился.

— В роддоме работает. Доктор!

— Вот оно что, значит, доктор...

— А то нет! Она и уколы делает! Я сам видел.

Халил улыбнулся.

— Познакомить вас? — вдруг брякнул я.

Сам не знаю, как это у меня вырвалось. Сказал — и застеснялся. Покраснел до ушей.

Халил сам пришел мне на выручку:

— Так, значит... Ух ты, парень! Хоть и усов еще нет...

И вдруг поставил вопрос прямо:

— Ладно, познакомь! А как ты, приятель, это себе представляешь?

Халил положил руку мне на плечо. Я молчал, потому что никак не представлял себе, каким образом я их буду знакомить. И вдруг почувствовал себя почти взрослым. У джигита слово — одно! Раз обещал, надо сделать. И я сказал решительно:

— В таком случае приходите к нам в субботу. Салтанат тоже будет дома. Что-нибудь придумаем!

— Вот это мужской разговор! Договорились, — и Халил еще раз стукнул меня по плечу.

Халил пришел в субботу, в назначенное время — не опоздал. И я не подвел — ждал его у дверей. Посмотрел на него заговорщически:

— У Салтанат испортился электрический чайник. Может быть, пойдете почините?

— Ладно, ладно, с удовольствием, — сразу понял меня Халил.

Я повел его к соседям. Позвонили. Дверь тотчас открыла Салтанат. Матери ее не было дома, ушла куда-то.

— Мастера привел! — выпалил я. — Вы же просили...

Салтанат приветливо поздоровалась, пригласила нас в дом:

— Пожалуйста, проходите!

— А чайник, где же он? — пробормотал Халил.

— Дело — после, сначала — дастархан! — с искренним радушием сказала Салтанат.

Мы вошли в комнату — маленькую, уютную. Посередине стол, уже накрытый. И чего только нет на дастархане!

Халил шагнул с порога — и замялся: пол-то — как зеркало!

— Не нужно разуваться, проходите! — сказала Салтанат, но Халил не послушался, снял туфли.

Обувь его, со стоптанными каблуками, пропыленная, была в этой сверкающей комнате совсем ни к месту. Да еще Салтанат подошла — поставила туфли так, чтобы их удобно было обуть. Халил сгорал от стыда...

Смотрите-ка — поспел и чай! Салтанат протерла полотенцем и без того чистые пиалы, налила густого чаю, уважительно, приложив руку к груди, подала пиалу сначала Халилу, потом мне.

— Сидите, пейте спокойно! — сказала она и вышла.

Мы с Халилом переглянулись. Я не мог скрыть улыбку. Халил, словно предупреждая, что шутки не уместны, нахмурил брови.

Хозяйка вышла — чего стесняться? Я обмакнул кусок лепешки в варенье и стал уплетать в свое удовольствие. И Халила подбадривал:

— Берите, вкусно!

Парню захотелось есть, на меня глядя. Он протянул руку за лепешкой — но тут входит Салтанат с тарелкой винограда.

— Ой-ей, да что же вы ничего не едите? Отведайте вот этого — сама пекла, слоеные пирожки!

Салтанат забрала пиалу у Халила, вылила остывший чай, налила свежего, горячего. Халил отхлебнул — и глаза у него на лоб полезли. Он все же проглотил этот кипяток. Куда было деваться!

Я едва удерживался, чтоб не фыркнуть. Зажимал рот рукой. Салтанат, ничего не замечая, все потчевала нас. Халил, весь красный, мокрый, начал судорожно шарить в карманах, ища платок. Внимательная хозяйка заметила и это, — схватив полотенце, висевшее на спинке стула, подала гостю.

Халил долго и старательно вытирал пот с лица, не замечая, что конец полотенца купается притом в варенье...

Салтанат и тут не растерялась — быстренько заменила испачканное полотенце чистым. Халила, понявшего свою оплошность, вовсе бросило в жар, он заерзал, стул под ним заскрипел, как старая арба...

Не зная, куда деваться от неловкости, Халил потянулся за спасением — сигаретой. Повертел в руках пачку и стал затискивать ее обратно. Как тут закуришь, задымишь — в такой чистоте?

Салтанат ничего не сказала, но, кажется, ей поправилось, что Халил не стал курить.

Мы все трое молчали. Я с беспокойством поглядывал на Халила: как бы он снова не натворил чего неподобающего.

Салтанат что-то вспомнила.

— Я сейчас! — И вышла.

Халил наконец разыскал в кармане не очень-то чистый платок, вытер взмокший лоб. Шепнул мне:

— Уф, сил нет! Пойдем-ка отсюда поскорее!

— А чайник? — напомнил я. — Вы же чинить пришли. . .

Снова Салтанат, и снова угощенье: арбуз. Я съел ломоть и выскочил во двор: может, без меня эти двое скорее разговорятся?

На айване увидел я электрический чайник. Повертел его в руках, осмотрел — вроде бы все в порядке. Возле вилки шнур, оказывается, надорван. Я вмиг исправил это серьезное повреждение. . .

И в этот момент Халил пулей вылетел из дверей — туфли надеты кое-как, смяты задники. . .

— Что случилось? — удивился я.

— Э-эй, жарко там! — и он вытащил из кармана смятые сигареты.

Тут неторопливо вышла Салтанат.

— Куда же вы торопитесь? Скоро обед поспеет. . .

Мы в один голос сказали «спасибо» и — за ворота.

— Что вы там еще натворили? — спросил я Халила напрямик.

— Чайник опрокинул — на брюки себе. Провалиться бы на месте. . .

«И что же из всего этого вышло?» — спросите вы. Все в порядке!

Салтанат и Халил давно женаты, и ребятишек полон дом. А я, вспоминая детские годы и то удивительное сватовство, все же горжусь собой. . . Так или иначе, а вышло хорошо!

Мастон-биби шел восьмидесятый год, однако, как и в молодости, она была бодрa, деятельна.

Вместе с мужем, Садыком-бобо, возделывали они сады. Никому не кланялись, со всеми трудностями справлялись сами. Детей растили любя, но не балуя, с малых лет приучали к труду. И вырастили таких, что перед людьми не стыдно. Они нашли добрую дорогу в жизни. Дочь — главный врач областной больницы, сын живет в Ташкенте, занимает какую-то ответственную должность.

Три года назад Садык-бобо умер. Тяжело перенесла жена утрату, как-то сразу высохла, съежилась. Сын решил увезти мать к себе, в Ташкент, но куда там! «А дом, а усадьба — на кого все это брошу? — воспротивилась Мастон-биби. — Да и непривычно мне в городе, дышать свободно не могу!»

Сосед, старый Шербута, полез с советом: «Одной все же трудно, да и не сравнить твой старый дом с квартирой сына!»

Мастон-биби не поддавалась уговорам: «Пусть хоть травяной матрац, но свой!»

Так и жила одна. То в саду, смотришь, похаживает, то виноградник подвязывает, то перебирает рис...

Погода в ту весну выдалась непутевая. Ливни так зачастили, что земля не просыхала. С гор ринулись сели, затопили долину, погубили посев хлопчатника.

В районе созвали экстренное совещание — хотели как-то выбраться из беды, посоветоваться с народом. Приехал на совещание и сын Мастон-биби — Асрар. Перед тем как вернуться в Ташкент, заехал в родной кишлак повидаться с матерью.

Не ко времени, однако, явился. Открыл калитку, а Мастон-биби в это время, сидя на корточках, обмазывала очаг глиной. Видно, и до ее дома добрался сель, натворил бед.

Но не в очаге и не в селе оказалось дело. Глянула Мастон-биби на сына и, будто не узнав, стала снова возиться с глиной.

— Матушка, как поживаете, как здоровье ваше? — произнес озадаченный Асрар.

И на эти слова — никакого внимания. Огладила очаг, вымыла руки, молча пошла в дом.

Еще более удивленный сын поспешил за Мастон-биби.

— Мама, я это, Асрар...

— Вижу, — ответила она и принялась за уборку комнаты. Асрар, вконец рассерженный, вернулся во двор.

В это время в калитку просунулась голова кишлачного аксакала Шербуты.

— Ты здесь, оказывается, Асрар! А мы тебя у управления поджидаем. Ну, счастлива та мать, которой судьба подарила такого сына!

Шербута обнял гостя и похлопал по спине:

— Что не весел?

Тут Асрар и поделился своими огорчениями: не принимает его мать.

Шербута всплеснул руками:

— Эй, Мастон, что это на тебя нашло? Из ума выжила, что ли? Сын же приехал!

— Голова моя в порядке, и что сын приехал — мне тоже известно! — выглянула из комнаты Мастон-биби. И тут же накинулась на старика: — Сами бы подумали, каково мне! Три дня ездит по району. Радио о нем говорит, газеты пишут, на собраниях выступает.

— Да ведь приехал же, чего же теперь кричишь?

— Приехал... Проститься...

— Пойми ты, дел у него много, государственный человек... Разве можно на него обижаться?

— Кем бы ни был, для меня он — сын! Люди смеются. Шадманова жена язвит: «Мастон-биби, ваш Асрар, оказывается, приехал!» Джалил предупреждает: «Заедет к вам — сообщите!» А Таджитдин еще лучше отмочила: «Он теперь начальник, у вас в доме жить не будет!»

— Оставь эти разговоры! — махнул рукой Шербута. — Выходи, встречай сына! Нехорошо так!

Мастон-биби вышла во двор. И вдруг расплакалась. Асрар бросился к матери, обнял ее, прижал ее седую голову к своему плечу.

...И вот они уже сидят за накрытым дастарханом, и Мастон-биби говорит:

— Состарилась я, сил уже нету, еще сколько жить осталось, не знаю, наперед не скажешь... Отец тебе дом оставил, усадьбу, сад. Приезжай-ка ты лучше сюда...

Поддержи огонь, разожженный твоим отцом. Ведь говорят же: «Если сокол и летает, все равно на землю возвращается». Неужели в родном кишлаке не найдется для тебя достойного дела? Отца твоего здесь уважали, и меня встречают поклоном. Если что у председателя попрошу — не откажет. Вот недавно замолвила слово за Сабира — взял его на должность монтера. Тебе еще лучшее место приготовит. . .

Мастон-биби вытерла пиалу полотенцем. Сняла с самовара чайник, налила Асрару густо настоящего чая. Придвинула миску со сливками.

— В молодости любил разламывать лепешки и есть, макая в сливки, — бери!

Налила и себе чаю, но не притронулась к пиале, задумалась о чем-то. Потом сказала:

— Глаза у тебя ввалились. Наверное, очень устал. . .

Сын не ответил. Он смотрел и смотрел на мать, словно давно ее потерял и вот только сейчас нашел и увидел ее глаза, полные глубокой бесконечной любви. . .

каком-то полузабытьи я испытывал сладостный трепет. Он и не давал мне глубоко погрузиться в сон. Очнулся и не мог толком понять, спал я или мне это только казалось.

Небо усыпано яркими звездами, словно весенний луг цветами. Стройный тонкий месяц, важничая, расхаживает гоголем между сияющими подругами, выбирая самую прекрасную. Их много, он один — привередничает, щеголь. И невдомек ему, что скоро рассвет: они растают, исчезнут — и он останется один. Совсем один.

А я счастливее его. . .

Ничего, месяц, найдешь и ты свою любимую! . .

Я тоже искал долго. Мечтал о ней, самой прекрасной на свете, и сгорал от нетерпения скорее встретить.

Где была ты, где пропадала так долго? В газелях ли пряталась моих, став их ритмом и мелодией? Оборачивалась ли чудесной новеллой, обретая плоть в прозе моей? Нежным ли ростком была, веткой ли зеленой иль нераскрывшимся бутонем, что наливается силой и красотой в весеннюю пору? Как же я раньше тебя не приметил?

Вечерами, засыпая, думаю о тебе; проснусь, и опять мысли — лишь о тебе. Сердце то замирает, то галопом скачет, то так защемит, что на глаза наворачиваются слезы; то, радуясь, пляшет, а в голове музыка, и мне хочется петь; то меня одолевает неясное беспокойство, и я страдаю, сам не зная причины. Я и не предполагал, что такое может быть. Мне особенно нравится грезить, строить планы на будущее. Я часто вижу нас обонх в золотом лучащемся ореоле счастья. . .

. . . Я дотянулся до будильника и нажал кнопку — чтобы зря не трезвонил.

Однако долго же тянется ночь. Сердце мое отсчитывает секунды. С каждым его ударом все ближе рассвет.

Солнце всходит в пять часов и сорок минут. Так сказала она. Я встану в четыре. Еще можно немного понежиться в постели и подумать о Саодат. Люблю о ней думать.

Я увидел Саодат, когда она вышла с подругами из университета. Мне показалось, кто-то ткнул меня в

грудь прямо напротив сердца и сказал: «Она!..» Я безотчетно последовал за нею. Ноги сами вели меня. Наверно, даже если бы хотел остановиться, не смог бы. Я шел и смотрел на нее. Ну, просто не мог отвести взгляда. Так бывает, когда случайно увидишь что-нибудь очень красивое и знаешь, что больше никогда этот миг не повторится. Сначала одна девушка обернулась, потом другая. А она нет, не обернулась ни разу.

Они остановились возле киоска, купить эскимо. Я тоже пристроился к очереди, хотя терпеть не могу мороженого. Хотелось заговорить с девчатами. Конечно, было бы эффектно начать беседу с шутки. Но, как назло, ничего путного, не говоря уж о веселом, не приходило в голову. Я рассердился на себя. Что со мной? Ну, как можно быть таким тюфяком?

Девушки как будто прочли мои мысли. Во всяком случае, они взглянули на меня и рассмеялись. Купили мороженого и последовали дальше.

Я швырнул свое эскимо в урну и понуро зашагал обратно.

Никогда прежде со мной такого не случалось. Растаял, размяк из-за смазливой девчонки. Прямо дара речи лишился. Еще куда ни шло, если бы юношей был, а то взрослый человек, аспирант. А девчонки совсем юные, видно, только-только поступили в университет. Я же мог запросто подойти к ним и даже с некоторым чувством превосходства расспросить, с какого они факультета, поздравить с поступлением, пожелать успехов... Тюфяк! Так тебе и надо!..

Но мне повезло. Спустя несколько дней я опять увидел ее. На автобусной остановке.

— Вы первокурсница, верно? — спросил я.

Она мельком взглянула на меня и, кажется, узнала

— Да.

— На историческом?

— Нет.

— Извините...

И как оно вырвалось, это дурацкое «извините»? Вместо того чтобы продолжить беседу, я отвернулся и стал смотреть в ту сторону, откуда должен был появиться автобус. Будто для меня в эту минуту не было ничего важнее. Всего на несколько словечек и хватило духу. А ведь молчуном я никогда не был.

Девушка, видимо, стояла давно: ей надоело ждать.

Она повесила сумку с длинной ручкой на плечо и зашагала по тротуару. Я догнал ее, пошел рядом.

— А на каком?

Девушка взглянула на меня. Глаза большие, черные. А в них вопрос: «Ну, что пристал?..»

Мы приближались к следующей остановке. Она увидела автобус и пошла быстрее. А я почему-то замедлил шаг, хотя мне тоже был нужен именно этот автобус. Сам не знаю, почему я так сделал. Как-то непроизвольно вышло.

Таким образом и вторая попытка завести с ней знакомство не привела к успеху. Ну и ну, может, я, всецело поглощенный научными изысканиями, разучился общаться с девчонками?..

Я знал, когда у первокурсников заканчиваются занятия. Стал поджидать ее у выхода. Она с улыбкой отвечала на приветствие и, ни секунды не задерживаясь, проходила мимо, спешила к автобусной остановке.

А чуть позже, кажется, догадалась, что столь частые встречи со мной — не случайны. Стала здороваться сдержанно и уже без улыбки. И только тогда меня осенило, что поступаю, как неразумный мальчишка. Кого угодно может покоробить подобная навязчивость. Я как бы со стороны увидел себя, стоящего неподалеку от университетского парадного входа, а потом, при ее появлении в окружении подруг, спешившего навстречу с неизменной и, наверное, с наиглупейшей улыбкой. От захлестнувшего меня стыда сделалось жарко.

Однажды я освободился на два часа раньше обычного. Примчался домой. Перевернул все вверх дном, отыскивая ключи от гаража. Хорошо, дома никого не было. Старший брат строго-настрого запретил мне пользоваться его «Жигулями», пока не получу водительские права. Но чем не рискнешь, если хочешь привлечь к себе внимание девушки! Я подкатил к университету. Оставил машину на обочине неподалеку от остановки автобуса и стал прохаживаться по тротуару.

И вот она!.. В белом облегающем фигуру шелковом платье. До чего же к лицу ей это белое платье! Держится она прямо. Подбородок чуть приподнят, словно черные косы, собранные на затылке узлом, оттягивают голову назад. Ей навстречу шли какие-то парни. Остановились и посмотрели вслед. А меня вдруг злость разобрала. Ну, ни с того ни с сего. «Чего вытаращились?» — думаю,

— Салам, — поздоровался я как можно небрежнее, стараясь всем своим видом показать, что очутился тут случайно.

— Здравствуйте, — ответила она.

Я подбросил на ладони ключи с брелоком в виде боксерских перчаток.

— Может, подвезти? — кивнул я на стоявший неподалеку бежевый автомобиль. — Всегда к вашим услугам.

— Я к незнакомым в машину не сажусь, — сухо ответила она, задетая, как мне показалось, некоторой моей развязностью.

Кажется, переборщил.

Я всерьез обиделся. Решил выбросить Саодат из своего сердца. К тому времени я уже знал, как ее зовут. Перестал поджидать около университета. Старался внушить себе, как много у меня теперь свободного времени, которое можно использовать рационально и с толком. Но все равно ощущал в сердце непонятную пустоту. Я не знал, куда себя девать. Старался не думать о Саодат, а она постоянно возникала перед глазами. Слушал ли лекцию, сидел ли в читальном зале, листал старинные фолианты — видел ее то улыбающуюся, то грустную, то глядящую на меня с укором, то насмешливо...

Нет, раньше со мной такого не бывало. Я просто не узнавал себя. И прежде мне нравились девушки. Но чтобы так...

Родители забеспокоились. То отец пробовал дознаться, все ли у меня в порядке, то мать справлялась о здоровье. Сетовали, что сын их худеет день ото дня, стал раздражительным — не подступись...

«Здоров я, здоров!» — отмахивался. А сам-то знал, что болен. Вернее, кем. Видимо, любовь тоже — своего рода болезнь. Разница лишь в том, что она протекает без повышения температуры и РОЭ в крови. Но пока переболеешь, намаешься не меньше. Это я вам точно говорю...

Следовал месяц за месяцем. А болезнь меня не оставляла. Временами, правда, казалось, что отпускает и я вот-вот ее переборю. Но стоило увидеть Саодат, как я вновь лишался сна, покоя.

Чаще всего я встречал ее на студенческих научно-практических конференциях и занятиях кружков. Раньше я нередко пренебрегал подобными мероприятиями, а теперь, словно желая усугубить свою боль, не пропускал ни одного занятия. Мы здоровались, как старые

знакомые, и даже обменивались иногда двумя-тремя фразами.

Я успел обзавестись водительскими правами. И нередко пользовался машиной, если она не была нужна брату.

Вчера остановился около университета. Выйдя из автомобиля, захлопнул дверцу и хотел запереть, как вдруг увидел Саодат. Она шла к автобусной остановке. Приветливо кивнула мне.

— Может, подвезти? — спросил я.

Просто так, лишь бы что-то сказать.

Она остановилась. Окинула меня рассеянным взглядом, улыбнулась. Ни слова не говоря, обошла машину, открыла правую дверцу и села.

Я плюхнулся рядом. Все было столь неожиданно, что я растерялся. Видимо, слишком долго мешкал, потому что она сказала:

— Ну, что же вы, гоните!

— А... куда? — спросил я.

— На Урду. Я там живу.

Я нажал на газ, и машина, взревев, сорвалась с места.

— Оказывается, это вы и есть? ..

Я вопросительно посмотрел на нее.

— ...Чьи стихи и новеллы мы читаем в университетской газете.

Я кивнул и скромно промолчал, хотя гордость так и распирала меня.

Саодат была необычайно весела. Громко рассказывала о веселых происшествиях на экзаменах, смеялась. Потом умолкла. И мне показалось, вспомнила о чем-то грустном. Задумчиво глядя перед собой, она проговорила:

— Знаете, у меня к вам просьба... Скажите, вы природе любите?

— Ваша просьба имеет отношение к природе? — улыбнулся я.

— Сначала ответьте...

— Гм, природа... Это слишком растяжимое понятие. Может, вы имеете в виду что-нибудь конкретное? Я терпеть не могу, к примеру, змей, скорпионов, мух...

Девушка устремила на меня испытующий взгляд.

— Ну... птиц, зверей, деревья, горы, звезды! ..

— Кто же не любит этого?

— А вы? Вы сами?

— Как же иначе. Конечно, люблю.

— По-настоящему?

— Разумеется.

Она снова умолкла, и мысли ее, похоже, витали где-то далеко-далеко.

— Кто любит природу, тот не способен никому причинить зла, правда?

Я кивнул, радуясь, что мне наконец удалось обогнать троллейбус, мешавший продемонстрировать мои водительские способности.

— А вы наблюдали когда-нибудь с вершины горы, как всходит солнце?

Я покачал головой.

— Говорят, это очень красиво. Вот бы увидеть хоть раз...

— За чем же дело стало? Какой-нибудь час — и мы в горах!

— Правда? Вы согласны? — обрадовалась Саодат. — А когда? Когда вы сможете?

— Хоть завтра.

Она захлопала в ладоши:

— Значит, вы за мной заедете, да?

— Ага.

Минут через десять мы были на Урде. Саодат показала, где остановиться.

— Солнце всходит в пять часов и сорок минут. В четыре сорок я буду здесь, — сказала она и подала мне руку.

В ушах у меня и сейчас звучит ее тихий нежный голос. Рука помнит прикосновение легкой, как птичье крылышко, ладони.

...Я приехал на Урду рано. Выключил зажигание и, откинувшись на спинку сиденья, стал ждать.

В предрассветной мгле золотились шары фонарей и отражались в мокром асфальте. Столько времени живу в Ташкенте, но ни разу не видел свой город в этот ранний час. Улицы пустынные. На тротуарах ни единого прохожего, непривычно и странно. Окна домов темны, будто смежили веки. Спит город. Тишина.

Чу... торопливое постукивание каблуков. Она! В белом платье. В сиреневой тьме четко вырисовывается ее фигура. Все ближе, ближе. Сердце мое начинает учащенно биться.

Я распахиваю дверцу.

— Опоздала? — спрашивает с тревогой в голосе.

— Нет-нет.

Летим по пустынным улицам. Мигают светофоры. Зеленый, желтый, красный. Я не торможу. Ни машин, ни инспекторов. Через несколько минут — мы за чертой города. Вдали на фоне усыпанного звездами неба виднеются очертания гор. Упругий ветер врывается в открытые окна машины. Он пахнет землей и пылью.

Небо постепенно светлеет, начинают блекнуть звезды. Я сильнее жму на акселератор. Если бы у машины были крылья, мы бы взмыли вверх. . .

Я крепко держу Саодат за руку и, увлекая ее за собой, карабкаюсь по крутому склону. Все выше, выше. Я опьянен близостью девушки и свежестью утра. Ноги скользят по траве, седой от росы. Свободной рукой хватаюсь за пучки «оленьих ушек», риваджа, стараюсь попать ногой на выступающие тут и там острые камни. Дышим тяжело. Запыхались. Холодный воздух обжигает гортань. А небо над головой сначала стало зеленым, а теперь пожелтело. Вот-вот по ту сторону горы вспыхнет заря — и брызнут во все стороны лучи, пронизав облака. Мы успеем. Успеем. . .

Успели!

Мы достигли вершины в тот момент, когда еще только начал разгораться горизонт. Поток оранжевого света разливался во все стороны, едва-едва касаясь верхушек темнеющих вдали холмов, плоских крыш кишлаков, сгрудившихся на их склонах, окутанных туманом садов.

Из-за горизонта показался расплавленный краешек солнца.

Разлетелись веером жаркие лучи.

Небо объял пожар.

Багровый диск солнца всплывал величественно и плавно.

Дул холодный ветер. Платье на Саодат трепетало. Она была словно охвачена пламенем. Чтобы девушка не озябла, я обнял ее одной рукой, прижал к себе.

Стоим, замерев. И каждый наш нерв, каждую нашу клеточку пронизывает торжественная, никем не слышанная музыка.

Здравствуй, солнце — властелин и неба, и земли! Ты везде — и в сверкании молнии, и в красках радуги, и в гроыхании грома. В красотах четырех времен года и щедрости земли — доброта твоя; в несущих смерть и ужас селях, в грохоте ураганов и землетрясений — твой гнев. Да будешь ты справедливо!

Мы стояли, прижавшись друг к другу, пока не почувствовали льющееся на нас тепло. Солнце прикоснулось к нам, нежно погладило по лицу, по плечам, словно благословляя. Саодат, вдруг застыдившись, отступила на шаг. Посмотрела на меня нежно и вопрошающе.

Я мысленно сказал: «Спасибо тебе за эту зарю...»

Она улыбнулась, подала руку. Мы стали медленно спускаться. У подножия горы виднелась маленькая светлая букашка — наш автомобиль. Трава уже высохла. Топорщились темно-зеленые островки разбросанных по склону арчовников. Одурающе пахло цветами, хвоей.

Мы уже были недалеко от дороги. Вдруг я заметил, как слева качнулась ветка арчи. Что-то промелькнуло в высокой траве. Яркое. Будто золотистый луч, пробив облако, едва коснулся земли и тотчас угас.

— Идите к машине. Я сейчас, — сказал я девушке и быстро направился к арчовнику.

Закачалась высокая кашка, осыпая белую пыль, и в ней я увидел длинную спину лисицы. Она словно скользила, и стебли травы, быстро выпрямляясь и замирая, спешили ее спрятать. Я ринулся за ней. Конечно, я и не думал ловить ее. Просто хотелось рассмотреть поближе. Лиса удалялась не очень проворно. Ее как-то странно заносило вбок. И когда я понял, что смогу догнать ее, во мне проснулось, видимо, нечто от моих предков. Охваченный охотничьей страстью, я несся за нею, не замечая, как ветки арчи хлещут меня по лицу, как бьет по ногам, царапая сквозь брюки, колючий джангал. Лисе не уйти. Если б могла, давно ушла бы. Не может. Поранил ли ее сорвавшийся с кручи камень, удалось ли ей, полуживой, вырваться из когтей беркута, выскочить из капкана, поставленного у норы браконьером... Я видел, что силы ее на исходе. Она юркнула под куст шиповника и замерла. Затаилась. Я схватил камень и с маху ударил ее по голове. Она дернулась и затихла.

«Это фортуна наградила меня! Чтобы я преподнес возлюбленной подарок!»

Саодат стояла возле машины, облокотясь на открытую дверцу. Я поднял высоко над головой огненно-рыжую лису. Ее длинная шерсть вспыхивала и переливалась на ветру, как золото.

— Смотрите, прямо как заря!..

— И вы её убили... Зачем?... — сдавленно проговорила Саодат, и тут в ее глазах я заметил слезы.

— Это подранок. Она бы все равно погибла, — быстро сказал я. — Представляешь, какой у тебя будет воротник?!

Саодат села в машину и резко захлопнула дверцу.

Я бросил лисицу в багажник, сел на свое место и завел мотор.

То, что мой охотничий трофей не вызвал у Саодат восторга, немножко огорчило меня, но настроение оставалось по-прежнему приподнятым. На дороге уже было полным-полно машин, и я обгонял их одну за другой. Я громко разговаривал, шутил, стараясь развеселить Саодат. Вспоминал веселые анекдоты. А она и не улыбнулась. На вопросы отвечала односложно, не взглянув ни разу в мою сторону.

Вскоре запас моего остроумия иссяк. Я умолк и стал перебирать в памяти знакомых, через которых можно было бы связаться с опытным скорняком. Шкуру лисы я подарю Саодат, моей Саодат.

.....

Присыпанный нафталином роскошный воротник и сейчас лежит в шкафу. Как гляну — вспоминаю Саодат. И ту зарю, которую всего раз в жизни увидел с вершины горы.

Давно мы не виделись с Саодат. Очень давно.

Где же ты, любимая, где? Почему избегаешь меня? Молю тебя, не прячься. Не таись больше в песнях сердца моего.

Я жду тебя.

Каждый день.

На том же месте, где всегда.

одитель плавно остановил такси у широких голубых ворот.

— Приехали, отец. Тут живет Зоидбек-ака.

Над высоким дувалом нависали густые ветви раскидистых урючин. За кронами деревьев виднелся конек железной крыши дома.

Пока старик выбирался из машины, водитель достал из багажника вещи — старую клеенчатую кошелку и корзину, накрытую сверху чистой белой тряпичей.

— Благодарю, сынок. Выходит, мне повезло, что тебя встретил: знаешь, где мой сын живет, прямехонько подвез, — сказал Шербек-ата, расплачиваясь.

— Его у нас тут все знают.

Машина фыркнула, выбросив удушливый чад, и укатила.

Шербек-ата перенес вещи на тротуар и огляделся. «Смотри-ка, как все изменилось здесь. Сам бы я сроду не нашел... И тополей этих вдоль арыка вроде тогда не было. А если и были, то с тростиночку, я и не заметил... Сколько же лет минуло?..»

Шербек-ата опустил ся у арыка на корточки и зачерпнул ладонью воду.

Помнится, он приехал тогда поздравить Зоидбека и невестку с рождением сына, своего внука значит. Чему больше может радоваться пожилой человек, как не появлению ребенка у единственного сына?

А вроде совсем недавно и сам Зоидбек был ребенком. Резвым мальчишкой рос. Шербек-ата баловал его. Жили они далеко отсюда. В Бухаре. Жили втроем: Шербек-ата, его жена, да будет земля ей пухом, и Зоидбек.

И не заметил Шербек-ата, как вырос сын. Оглянуться не успел, а у того уж усы над верхней губой чернеют. Засватал ему красавицу — дочку близкого приятеля из Кызылтепа.

Хорошую, шумную сыграли свадьбу. Шербек-ата в то время еще работал и смог накопить денег на свадьбу единственного сына. Как вернулся с войны, с тех пор и работал в коопторге. И за все это время ни разу

не поступился совестью, честно жил, честно хлеб свой зарабатывал. Так что, когда борода поседела, ему не в чем было себя упрекнуть. Всегда мог людям прямо в глаза смотреть. А это в жизни главное. Пришло время, и его с почетом проводили на пенсию. «Спасибо за труд твой, — сказали, — за все, что ты сделал, а теперь отдыхай и о здоровье заботься!..»

И все шло вроде ровно-гладко. И доживать бы свой век Шербеку-ата в спокойствии да благополучии — не огорчи его Зоидбек. Уж больно расстроил его сын. Сперва, плут, ссылался на молодость, не желал иметь детей, хотел жить весело, беспечно, не обременяя себя пеленками. А потом, три года спустя после свадьбы, вдруг напустился на жену с упреками, что не рождает. Бросил ее да и умотал неведомо куда. Даже отцу не сказал, в какие подался края. Исчез, и все тут. Позже кто-то говорил, что Зоидбек в Душанбе живет, кто-то видел его в Термезе. А от самого — ни весточки, ни слова. Жена его ждала, ждала, все на что-то, видно, надеялась, бедняжка, а потом собрала вещи и вернулась в Кызылтепа, под кров своих родителей.

Через неделю нежданно-негаданно появился домой Зоидбек. Сказал, что направили его работать в другой район. И словно даже не заметил отсутствия жены. Снова уехал. Показался отцу, и на том спасибо.

Вскоре до Шербек-ата дошли слухи, что сын в заготпункте работает. Кем? Оказывается, заведующим. Обрадовался старик. Значит, сын не без царя в голове, если в начальники выбился. Правда, злые языки поговаривали, что он достиг этого, женившись на дочери какого-то начальника района. Да мало ли что люди болтают... А того не кумекают, что за недостойного дочь хорошего человека не пойдет.

Через полгода Зоидбек известил отца телеграммой: у него родился сын. Тогда и прикатил Шербек-ата из Бухары, чтобы поздравить молодых родителей. Немало воды утекло с тех пор... Сын и невестка изредка приезжали проведать его. А он больше ни разу не был у них.

Шербек-ата ополоснул в арыке руки, провел влажной ладонью по лицу. Затем утерся большим поясным платком и подошел к воротам. Надавил на кнопку звонка. Прислушался. Тихо во дворе, никто не откликнулся.

Неужели никого нет? На всякий случай несколько раз шлепнул ладонью о калитку.

— Кто-о? — донесся из глубины двора женский голос.

— Я это, дочка, открой.

— Кто «я»?

— Я, я, отец твой, Шербек.

Через минуту-другую звякнула отброшенная цепочка и послышался скрежет ключа в замке. Калитка открылась, и показалась голова женщины. Толстая коса обмотана вокруг вышитой бисером тюбетейки. Невестка. Шербек-ата сразу узнал ее. Обрадовался. Произнес слова приветствия:

— Здравствуйте, невестушка! Как вы тут, во здравии и радости ли пребываете? Как поживает мой внук, небось совсем уже вырос? Зоидбек дома?

Сураёхон окинула свекра с головы до ног взглядом, словно не узнавая, и равнодушно произнесла, все еще придерживая калитку:

— В командировке он, сын ваш. Дня через три-четыре возвратится, не раньше.

— И... где же? Далеко ли?

— Он передо мной не отчитывается, — передернула плечами невестка.

По тону ее Шербек-ата смекнул, что они или поссорились накануне, или она попросту недовольна отсутствием мужа. Испытывая крайнюю неловкость, он потоптался на месте, не зная, как поступить, войти или нет. Сам не зная почему, спросил:

— А дома кто?

— Никого. Одна.

— Как же нам быть-то, а, дочка? Устал я, пропади она, моя старость. Если позволишь, посижу маленько. Прочту молитву и уйду.

Сураёхон отступила, открывая калитку пошире, и пропустила свекра во двор. Он ждал, пока она возилась с замком. Небрежным жестом Сураёхон пригласила старика в дом и, шаркая комнатными тапками, пошла впереди. Выложенная жженым кирпичом дорожка вела к широкой застекленной веранде.

С тех пор как они виделись в последний раз, невестка заметно пополнела. Тогда она была совсем девчонкой, а сейчас у самой сын почти взрослый. Однако не сказать, что годы ее здорово изменили. Видно, следит за собой. Брови и ресницы сурьмой подведены. Платье свободного покроя из лучшего пестрого атласа кустар-

пой работы. Яркие шелковые шаровары у шиколоток прихвачены вышитой бархатной тесемкой. А тапочки на ногах с позолотой. С загнутыми кверху мысами, в каких, наверное, только по ханским покоям в былые времена расхаживали. На шее жемчуг один чего стоит. В несколько ниток, крупный, перламутром переливается. На руках перстни — чуть не на каждом пальце — так и сверкают, так и сверкают. . .

Неплохо, должно быть, живет сынок, дай аллах ему здоровья. Что еще родителям нужно? Лишь бы детям жилось хорошо.

— А двор у вас хоро-о-ошней, — с восхищением заметил Шербек-ата, поглядывая по сторонам, и вдруг осекся: — А с виноградником-то что? Эх-хе, его же тля сплошь покрыла! Погибнет виноградник-то. Растение, оно, конечно, без души, а тоже ухода требует.

— Э-э, ваш сын в этом ничего не смыслит, — с пренебрежением отмахнулась невестка. — Все хлопоты по дому на мне. У него все командировки да командировки. День-два побудет дома, и ему уже скучно. Сын десятый кончает, должен к экзаменам готовиться, а вместо этого целыми днями на мотоцикле носится, учебу забросил. Я ему слово — он мне десять в ответ. Совсем не слушается. А отцу до него дела нет. . .

Шербека-ата покоробили слова невестки. Особенно тон, раздраженный, резкий. Он закричал, но промолчал. Зоидбек, конечно, не сахар. Шербек-ата и сам об этом знает. Но одно дело, когда знаешь сам да тихонько в сердце носишь, и совсем другое — слышать неслестное о сыне от других, пусть даже от невестки. Шербек-ата покряхтел и ни слова не произнес в ответ.

Не переставая высказывать свекру свое недовольство, Сураёхон исчезла во внутренних комнатах. Появилась с курпачой под мышкой. Постелила ее на полу возле стенки и посмотрела на ноги гостя. Шербек-ата догадался, что означает этот взгляд, и, стоя на ступеньках веранды, снял сапоги.

— Можете и вещи там оставить, — заметила небрежно Сураёхон.

Ладно. Ничего не поделаешь, надо выполнять, что хозяева велят. Старик в носках прошел по гладкому крашеному полу и опустил на курпачу, подобрав под себя ноги. Сураёхон подошла к столу, накрытому клеенкой, боком примостилась на краешке стула и облокотилась о спинку. Шербек-ата раскрыл перед собой ладони

и приступил к молитве, предназначенной для благословения дома и домочадцев; по завершении ее провел рукой по бороде и, как того требовала традиция, еще раз осведомился о здоровье Сураёхон, ее мужа и сына. Разговор не клеился, и Шербек-ата сказал:

— Дочка, корзинка осталась на солнице. А в ней инжир. Боялся помять, еле довез. Поставьте в холодильник, чтобы не испортился.

— Вай, в холодильнике места нет, — с ленцой, растягивая слова и не меняя позы, произнесла невестка.

— Тогда поставьте, где попрохладнее.

Сураёхон нехотя поднялась:

— Напрасно беспокоились, у нас инжир никто не любит.

— Не говорите так, дочка, инжир считается райским плодом, полезен для здоровья.

С кислым выражением лица Сураёхон переставила вещи в тень.

— И дверь эту никак не отладит, не закрывается толком. Вставишь ключ в замок, потом никак не вынешь. Такой беспечный, такой беспечный... И ни к чему не приспособленный...

Эх, ну и брюзга, оказывается, невестка. Ее ворчание испортило настроение старику, и он насупился.

А в прошлый раз он такого за ней не заметил. Была внимательна, приветлива и, как отцу, оказывала всяческие почести. А сейчас... Ну и ну, другой стала, не узнать; совсем не та женщина. «Хулящая мужа жена свое счастье губит», — пришла на память поговорка. Чтобы отвлечь невестку и самому успокоиться, он сказал:

— Дочка, у меня в горле пересохло, нельзя ли пиалушку чая или воды...

Сураёхон из стоящего на столе большого фарфорового чайника нацедила в пиалу оставшегося с утра холодного чая, подала свекру.

Шербек-ата медленно, смакуя, выпил терпковатый, хорошо утоляющий жажду напиток и хотел было вернуть пиалу, но невестка скрылась в комнате; он заметил лишь мелькнувший в дверях подол ее платья. Поколебавшись, поставил пиалу на пол. Вынул из кармана платок, утер им вспотевшее лицо, шею. И стал рассматривать пестрые узоры на стенах и потолке. Красиво, ничего не скажешь. Мастер постарался, красок не пожалел, да мнут его все беды, да не коснется дурной

глаз рук его, тыфу, тыфу, тыфу... Разрисованные подобным образом стены Шербек-ата видел во дворце эмира в Бухаре, когда посетил несколько лет назад музей... Ходил из зала в зал вслед за экскурсоводом, слушал и все время хотел что-то подсказать ему, напомнить о кое-каких подробностях. Шербек-ата был одним из первых, кто с красным флажком на штыке ворвался когда-то в этот дворец...

Эх, было время-времечко! Да кому поведаешь?.. Думал, поживу у Зондбека, по вечерам буду сажать возле себя внука и рассказывать ему подробно, не спеша, о том героическом времени, когда был еще совсем молодым. Да, шестнадцать лет было тогда Шербеку-ата. На горячем коне, обгоняя ветер, с шашкой наголо неся он на врагов... Не из последних удальцов считался он в отряде. Никогда и ничего не боялся. Его наградили орденом боевого Красного Знамени. Не много людей носило в то время такой орден. Идет, бывало, молодой красноармеец Шербек по улице — прохожие оглядываются... В различные учреждения приглашали, просили выступить, молодежь засыпала вопросами. И сейчас тот орден, завернутый в белую чистую тряпицу, лежит в нагрудном кармане. Привез, чтобы внуку показать. Парень должен знать, каков у него дед...

В доме было темно. Невестка все не показывалась. Сквозь стеклянную стену веранды виднелись кроны деревьев с едва трепещущей листвой и просвечивающее сквозь нее голубое небо. Где-то, жужжа, билась о стекло залетевшая пчела...

Когда началась Великая Отечественная война, Шербек-ата одним из первых ушел на фронт добровольцем. Два долгих года, не щадя себя, бился с врагом, пока не упал под Курском, подкошенный пулей...

Сейчас у него немало и других наград. Но тот, первый, орден дороже всех. Его сам Михаил Васильевич Фрунзе прикрепил к гимнастерке Шербека-ата. Поэтому старик привез показать внуку именно его.

«Интересно, каким он стал, мой внук? Лишь бы в отца не пошел, не был, как отец, суетлив, беспечен. Где же он? Скоро ли придет домой?.. А ведь Сураёхон могла бы и послать за ним — передайте, мол, дед приехал... Впрочем, куда же она сама подевалась? Не спать ли улеглась?»

— Хой, невестушка, где же вы?

Старик повернул к двери ухо, которым лучше слышал. Никто не отозвался. Тогда он поднялся и стал прохаживаться по веранде, чтобы немного размять ноги.

«Эх, что же это получается, а? За столько лет раз приехал к сыну и...»

Шербек-ата подошел к двери и, заглядывая в полутемную прихожую, громко спросил, перейдя неожиданно для себя на «ты»:

— Эй, невестка, не уснула ли?

— Ну, что вам еще? — послышался из глубины дома недовольный голос.

Прошло несколько долгих минут, пока она появилась. Увидела, что свекор надевает сапоги.

— Вай, вай, что же вы спешите? Сейчас чай поставлю...

— Не надо, не беспокойся... — Шербек-ата надел сапоги и выпрямился. — Ты, невестка, не обижайся на меня, старика, но запомни мудрость старую: «Если кто-то причиняет другому зло, ему отвечают тоже злом».

— Посидите же, я сейчас накрою дастархан...

— Благодарствую, я сыт по горло.

— Вай, я собиралась сейчас что-нибудь приготовить. Куда же вы?

— Свет не без добрых людей, невестушка, к ним пойду.

— Вай, что же вы так? Сын узнает, обидится...

Выходя из калитки, старик обернулся:

— Запереть не забудь.

Медленно брел Шербек-ата по улице. И повторял про себя поговорку, которую напомнил невестке. Принимался думать о чем-нибудь другом, но спустя какое-то время она опять звучала в голове, разгоняя прочие мысли. И чего прицепилась? Разве причинил Шербек-ата за свою долгую жизнь кому-нибудь зло? Почему невестка приняла гостя так, будто на него в обиде?.. Нет, во всем сын виноват, Зоидбек. На него невестка в обиде. И, вероятнее всего, есть за что. Не смог, видимо, Шербек-ата вырастить из сына доброго человека. Баловал, ни в чем не отказывал, и... вот тебе — благодарность. Эх-хе, так что же это получается? Выходит, сам Шербек-ата и виноват во всем?.. Рано или поздно круг замыкается. Хитрая эта штука, жизнь. Ох и хитрая. Справедлива поговорка, которую он невестке напомнил, потому и не выходит из головы. Справедлива...

Лолохон приняла душ, накинула халат и подошла к трюмо. Села на пуфик, вынула из волос шпильки. Шелковистый черный поток хлынул по плечам и вдоль спины. Она стала неторопливо расчесывать волосы. Наконец-то можно никуда не спешить, побыть наедине со своими мыслями. День выдался хлопотный, и она устала. Зато гостиничный номер оказался столь уютным, так располагал к отдыху, что она сразу расслабилась и радовалась тому, что целых три дня может не думать ни о домашних делах, ни о работе. Как это хорошо — хоть немного побыть одной.

Ведь Лолахон, если подумать, ни зимой, ни летом не знает покоя. Она — механизатор. А по нынешним временам механизатор — главный человек в колхозе. Он и зябь поднимает, и хлопок сеет, а когда появляются всходы, проводит культивацию, а там, оглянуться не успеешь, урожай пора убирать. Словом, работы невпроворот с ранней весны и до глубокой осени. Впрочем, и зимой забот хватает: удобрение — не снег, с неба не падает, тоже надо вывозить на поля. Но больше всего механизаторам достается в страду — на уборке хлопка. Комар сядет — прогнать некогда. А хлопкоуборочный комбайн — не какие-нибудь «Жигули»: чтобы править им, сила да сноровка нужны. Не всякому мужчине под силу просиживать за рулем почти круглые сутки. Ведь чем мощнее машина, тем крепче надо держать руль. Особенно если ведешь агрегат не по ровной асфальтированной дороге, а по полям, по выбоинам да ухабам, по буграм да впадинам, то по склону едешь и думаешь, вот вот опрокинешься, то на крутые подъемы въезжаешь, того гляди мотор заглохнет. . .

Лолахон еще раз оглядела себя в зеркале. Кто скажет, впервые увидев ее, что она справляется с такой машиной? И ростом не особенно вышла, и хрупкая, как тростиночка, и руки изящные, как у музыкантши, и лицо свежее, чуть розоватое, как подрумяненное яблоко, хоть и обдувает его день-деньской ветер да печет солнце. Ни бровей подводить сурьмой не надо, ни румян накладывать — любая красавица позавидует. . .

Вдруг резко зазвонил телефон и заставил Лолахон вздрогнуть. Странно, кто бы это мог быть?

Лолахон направилась к телефону, укладывая вокруг головы косу, отчего широкие рукава ее шелкового халата соскользнули к плечам, оголив белые руки. Она сняла трубку.

— Добрый вечер, — слышался знакомый, чуть хрипловатый голос. — Как устроились?

— Превосходно. Благодарю.

— Вы, наверное, проголодались, не поужинать ли нам вместе?

— Спасибо. Я только что перекусила в буфете, Мехман Тураевич, — торопливо проговорила Лолахон и посмотрела в окно, за которым синел вечер и разноцветно светились окна многоэтажных домов.

— А тут такая музыка... Потанцевали бы...

— Ну что вы... я не умею...

— Чему-чему, а этому научиться куда проще, чем управлять комбайном. Возьмете меня в учителя, а?..

— Я сегодня очень устала, извините...

— Гм... — вздохнул Мехман Тураевич. — Тогда, если не возражаете, я загляну к вам, мне хочется вам кое-что сказать...

Лолахон положила трубку. С чего это вдруг Мехман Тураевич проявляет к ней такое внимание? Они не так хорошо знакомы, чтобы он мог запросто звонить ей и приглашать в ресторан... Они познакомились минувшей весной, когда Мехман Тураевич приезжал в их колхоз. Он спросил, как ей работается, не тяжело ли. Всего двумя-тремя фразами и обменялись... А потом ее пригласили на районный слет механизаторов, который проводится каждый год перед началом уборки хлопка, и Мехман Тураевич заставил ее там выступить. Именно заставил. Лолахон не помнила, что говорила, а Мехман Тураевич после совещания подошел к ней, с улыбкой пожал руку и поблагодарил: «Молодчина! Очень хорошо выступили, благодарю вас...»

И вот теперь, когда все области выполнили план по сдаче хлопка, Мехман Тураевич возглавил районную делегацию, приехавшую в столицу республики на курултай.

Лолахон быстро переоделась, пригладила у трюмо волосы, прибрала в комнате, заправила постель, которую разобрала, готовясь лечь спать. Ей было как-то не

по себе оттого, что Мехман Тураевич решил навестить ее в столь поздний час.

Вдруг кому-нибудь станет известно, что она находилась в номере наедине с мужчиной? Вдруг увидят, как он войдет в ее дверь? Что о ней подумает дежурная, сидящая в холле? На курултай они ведь не одни приехали, и другие люди есть из их района. Прямо удивительно, что такой умный человек, один из руководителей района, не понимает этого. Кто он и кто она? Он — Мехман Тураевич! А она — всего-навсего механизатор — молодая женщина, к тому же не замужем. Людям попадись только на язык — муху превратят в слона, и никто не разберет потом, где правда, а где ложь. Да никто и не станет разбираться... «Эх, Мехман Тураевич, сидели бы вы лучше в своем уютном номере да наслаждались телевизором!.. Что за важная новость, которую вы мне так спешите сообщить? Наверное, могли бы и завтра это сделать, во время завтрака или перед началом заседания... И себя поставите в неловкое положение, и меня...»

Лолахон ругала себя за то, что не осмелилась прямо сказать: «Нет, ко мне сегодня не приходите!» Но ведь она и не приглашала. Умный человек должен понять...

Трудно быть женщиной, очень трудно. Так и вьются вокруг тебя, как мухи около меда, охочие до легких побед мужчины. Прямо-таки устаешь от их двусмысленных комплиментов да намеков.

Но тут же Лолахон одернула себя. «Что это я о человеке плохо думаю? Что в том нехорошего, если он пригласил меня поужинать? Не съесть же меня собирался. А танцы — просто шутка. С тобой теперь и пошутить нельзя, девушка?.. Он, может, по-отечески о тебе заботится, а ты... Как-никак руководитель, столько дел у него, но он нашел время и приехал сюда с нами, хлопочет о нас. А я, глупая, вбила себе в голову непонятно что... Ну, и хороша же я, однако: вспыхиваю, как керосин, и уже готова обдать копотью подозрения порядочного человека, у которого такая славная семья. Про таких, как я, говорят: «Кишлачная». Наверное, и вправду только нам, кишлачным, свойственно принимать за покушение на нашу честь и достоинство даже малейшее проявление внимания со стороны мужчин. Это же глупо! Вон сколько женщин работает в районе, многие занимают даже руководящие посты и постоянно находятся в окружении мужчин — и ничего плохого с ними не слу-

чилось И в Ташкент приезжают, и в гостиницах живут, и никто их не съел до сих пор... Права моя мама, когда говорит: «Если женщина по-настоящему дорожит своей честью, то никакая грязь не запятнает полу ее одежды... И беды, свалившиеся тебе на голову, и блага — все зависит от тебя самой, от того, чего ты более достойна». И это — правда...

Нужно успокоиться. Нехорошо, когда приходят гости, а у хозяйки плохое настроение.

Лолахон включила телевизор. Передавали концерт для передовых тружеников сельского хозяйства. Она опустилась в глубокое мягкое кресло, подобрала под себя ноги и подперла рукой щеку.

В этот момент раздался тихий стук в дверь. Если бы телевизор работал погромче, она бы и не услышала. Лолахон не успела встать, как вошел, не дожидаясь ответа, Мехман Тураевич, чудом удерживая в руках целую охапку каких-то пакетов.

— Эхе, Лолахон, сидите в гордом одиночестве, как хозяйка прекрасного замка? Извините, что побеспокоил, — с этими словами он поставил на стол бутылку шампанского и рядом свалил пакеты.

— Ничего, ничего, — пролепетала еле слышно Лолахон, почему-то краснея.

Гость разложил по вазам и тарелкам апельсины, яблоки, миндаль, печенье и протянул Лолахон большую плитку шоколада:

— А это вам.

— Спасибо, не стоило беспокоиться, — еще больше смутилась девушка, однако шоколад взяла, взяла лишь потому, что ей было неловко: такой почтенный человек стоит перед ней с протянутой рукой, взяла и положила на стол.

От Мехмана Тураевича слегка пахивало коньяком, глаза весело блестели, и, по всему видно, у него было отличное настроение. Он сел на стул и принялся открывать шампанское, но, заметив, что на столе отсутствуют стаканы, по-юношески легко вскочил, взял в серванте два бокала и после этого, слегка наклонив бутылку, мастерски вынул пробку, и в бокалы, шипя и пенясь, полилась золотистая жидкость.

Мехман Тураевич поднял бокал, а второй вложил в руку Лолахон.

— Ну вот, Лолахон, теперь мы с вами познакомимся еще ближе, — торжественно произнес он. — Помните тот

день, когда я впервые приехал в вашу бригаду? Вы были в синем комбинезоне, такая изящная, на голове красная косынка, коса переброшена через плечо. Картинка! А потом на совещании... Помните? Вы все робели, а я вас подзадорил. Помните?

— Помню, — промолвила Лолахон и, улыбаясь всплывшим в памяти подробностям, опустила голову.

— Так и быть, признаюсь вам честно, Лолахон: с тех пор, как я впервые увидел вас, не перестаю восхищаться вами... Вот и для поездки на этот курултай своей рукой включил вас в список. Кому же еще ездить на курултай, если не таким женщинам! И поработали вы на славу — не каждому под силу собрать по пятьдесят центнеров хлопка с гектара. И еще какого хлопка! Вышего качества! Настоящий шелк, а не хлопок! Ко всему прочему, вы — извините меня за откровенность — так обаятельны! Если позволите, этот бокал я выпью за вас! Прошу, и вы тоже... Поддержите... Прошу, прошу...

Мехман Тураевич выпил шампанское залпом. Лолахон тоже пригубила и поставила бокал на краешек стола.

— Что же вы? — с укором произнес Мехман Тураевич и кивнул на бокал. — И глотка не сделали... Знаете, скажу я вам, такой обстановкой, как эта, — он обвел глазами комнату, — нас жизнь не особенно часто балует. Все время работа да работа... Вот и вы за столько времени впервые на курултай в Ташкент приехали...

Мехман Тураевич хотел добавить еще что-то, но вместо этого вынул из кармана пачку «Золотого руна» и закурил.

Комната наполнилась сигаретным дымом и запахом вина. Лолахон поднялась и, подойдя к окну, настезь распахнула его.

Мехман Тураевич снова наполнил свой бокал, не забыв капнуть и во второй.

— В этот раз наш район прямо-таки всех удивил своим хлопком. Да и другие показатели высокие... Вот только животноводство хромает. Но, будем здоровы, в следующем году подтянем. А что, думаете, не справлюсь? С тех пор, как я стал руководителем, в районе новую школу построил, больницу, баню, шесть детских садов, книжный магазин, да, а вы как думаете, за всем лично присматривал... — говорил Мехман Тураевич, уже захмелев. Лицо его пылало. Он еще что-то рассказывал о благоустройстве района, с горечью вспоминая о неко-

торых нерадивых людях, которые выполняют свои обязанности спустя рукава, кого-то нахваливал. В паузах наливал себе шампанского, докурив одну сигарету, зажигал другую. — А совсем недавно я побывал в вашем колхозе. Девушкам, хорошо потрудившимся на сборе хлопка, преподнес по отрезу атласа на платье. А трактористу Закиру Ахмедову дал мотоцикл. И еще одному парню из вашего колхоза, зоотехнику, устроил «Жигули». Такой уж я, всех могу облагодетельствовать, кто ко мне душевно относится...

— И все сами? Даже ни с кем не советуется? — спросила Лолахон.

— Ну, конечно, не без этого, приходится и советоваться, и договариваться, но многое зависит лично от меня...

Лолахон промолчала.

— А ну-ка, Лолахон, предложите и вы какой-нибудь тост.

— Вай, что я могу предложить, — смущенно улыбнулась Лолахон. — Вы уж сами...

— Если так, то давайте выпьем за мое здоровье, согласны?

— Конечно. Будьте всегда здоровы, счастливы, — Лолахон взяла бокал.

— Я себя очень люблю, Лолахон, поэтому выпью до дна. Заодно посмотрю, как вы ко мне относитесь, — Мехман Тураевич медленно выцедил все шампанское, не оставив ни капли, и даже продемонстрировал пустой бокал, перевернув его и встряхнув над столом. — Во как я себя люблю!

Лолахон рассмеялась.

— Вы так искренне это сказали. Наверное, и в самом деле любите.

Мехман Тураевич тоже захохотал, всплеснув руками, и, словно бы нечаянно, опустил руку на талию Лолахон.

— Что с вами? — Лолахон вскочила.

— Ну что вы, право, такая пугливая? Мы же с вами живые люди...

— Вижу, вы даже чересчур живой... — проговорила Лолахон с плохо скрываемым возмущением.

— Знаете ли... Правильно поймите меня, вы очень давно мне нравитесь.

«Что это с ним в самом деле? Он не отдает отчета своим поступкам? Или посмеяться надо мной решил?»

А может, какой-нибудь негодяй сказал ему обо мне что-нибудь недостойное? Если нет, то почему решил, что со мной не стоит церемониться, почему подумал, что нет у меня женского достоинства? Кто дал ему на это право?» — пронеслось в голове Лолахон, но у нее не хватило решимости задать их этому человеку вслух. Сбравшись с духом, она сдавленным от волнения голосом произнесла:

— Извините, вы намного меня старше и, видимо, мудрее, а значит, должны уметь разбираться в людях. Неужели я вам дала повод считать меня...

— Нет, нет, что вы! — перебил ее Мехман Тураевич. — Такого я и в мыслях не держал. Не сердитесь...

— Почему же тогда чужая честь для вас и копейки не стоит? — Лолахон не сводила с него горящего взгляда. — Почему вы не подумали о том, что можете быть кому-то просто неприятны?

— Бросьте, бросьте... не надо таких слов, прошу вас, — пробубнил, покрываясь красными пятнами, Мехман Тураевич и обиженно надул губы.

— Я, наверное, дочери вашей ровесница. Если бы на моем месте сидела она, а какой-нибудь прохвост, вроде вас, стал ее обхаживать, как бы вы посмотрели на это?..

Мехман Тураевич ерзал на стуле, словно взгляд девушки жег его. Опустив голову, он бормотал:

— Извините... Извините... Я не хотел вас обидеть...

— А теперь, прошу вас, идите к себе. Завтра столько всего предстоит, вам нужно отдохнуть.

— Ладно, ладно... Ухожу... Ради бога, простите, — бормотал Мехман Тураевич, нетвердой походкой и почему-то на цыпочках направляясь к двери. Он вышел и тихо закрыл дверь.

Лолахон до сих пор еще ни разу, разговаривая с мужчиной, не смотрела ему в глаза. А тут... Почитаемый всеми Мехман Тураевич сам не знал, куда глаза девать. И как только у нее смелости хватило так разговаривать с ним? Она успокоилась и вдруг почувствовала страшную опустошенность, бросилась ничком на кровать и закусила косу, чтобы никто не услышал, как она плачет...

История, о которой я хочу поведать, произошла еще в то время, когда в наших кишлаках проводилась земельная реформа.

Не более месяца минуло с тех пор, как Сулув оказалась в чужом богатом доме. Стены ее комнаты, как и в день свадьбы, все еще были сплошь увешаны большими красными коврами, а нарядные платья, которые ей надели, свисали с перекладины, никем не тронутые, накрытые дорпечем — вышитым шелковыми разноцветными нитками гобеленом. Ее муж, Нормурад, старался держаться подальше от всего нового, что происходило в кишлаке после установления Советской власти. Вставал он чуть свет и уходил в город, где занимался распродажей всякой мелочи. Торговал тем, чем богат кишлак, а вечером приносил домой городские товары. Нередко он исчезал из дому дня на три-четыре.

Сегодня он вернулся затемно после нескольких дней отсутствия, принес всякой всячины, еле дотащил и про подарки для всех не забыл. Вошел на свою половину дома, а там темно. Где же жена? Куда запропастилась, ведь ей после свадьбы еще несколько месяцев не полагается из дому носа высовывать?! Ах, чтоб тебя... Нормурад побледнел, как полотно. Кинулся сломя голову к летней кухне в углу двора, где мать, сидя на корточках перед очагом, варила ужин; длинные языки пламени лизали крутые закопченные бока котла и освещали навес над очагом и ближайшие деревья сада.

— Мать, а мать, где Сулув? — дрожащим голосом спросил Нормурад.

Мать обернулась и, продолжая палкой ворошить в очаге жар, окинула сына взглядом с ног до головы.

— Что случилось? Черти, что ли, за тобой гнались, почему такой бледный?

— Куда подевалась ваша невестка? В комнате ее нет!

Мать все еще не сводила с сына колючего взгляда, в котором смешались и ирония, и укор: не поздоровавшись, не справившись ни о ее самочувствии, ни о здо-

ровые близких, он сразу накинулся на нее с распротами про жену. Потом она, сломав о колено несколько сухих стеблей хлопчатника, подбросила их в огонь и спокойно сказала:

— Еще засветло явилась безобразница Марьямхон и увела ее в школу. Твою ненаглядную читать-писать научить решила.

— Почему же вы разрешили? — еще больше возмутился Нормурад, заметив в тоне матери усмешку.

— Да ты что, сыночек мой дорогой?.. — голос матери стал скрипучим. — Разве нынче они слова твоего послушаются? Да и попробуй-ка скажи им что-нибудь поперек — беды не оберешься...

— Ну, я ей покажу...

Нормурад выскочил со двора и зашел в ту сторону, где стоял огромный двухэтажный дом Тухты-байваччи. Недавно он слышал, что в покинутом баем доме будто бы открылась школа, но не придавал этому никакого значения. И вдруг на тебе...

В двух окнах неярко горел свет. У входа сидел сторож. Увидев Нормурада, он вскочил и загородил ему дорогу. Нормурад и вовсе вышел из себя. Ругая сторожа последними словами, он с силой отпихнул его и вбежал в прихожую, плечом распахнул первую попавшуюся дверь.

Несколько молодых женщин сидели за длинным столом и при свете керосиновой лампы что-то выводили на клочках бумаги. При появлении Нормурада они перепугались и сразу закрыли лица — кто концом платка, кто рукавом, а кто просто ладонями. Нормурад схватил жену за руку и, не обращая внимания на протесты Марьямхон, молоденькой учительницы, выволок ее из комнаты и потащил домой. Он вел Сулув темными безлюдными улицами, до боли сжимая ее руку и не переставая бранился:

— Кто тебе разрешил выходить из дому?.. Ты у меня спрашивала, негодная?.. Муж я тебе или нет?.. И ты заодно с теми, кто потерял совесть?

— Нынче все учатся, что в этом плохого? — еле слышно впервые возразила мужу Сулув.

— Как ты смеешь? — закричал он и так дернул ее за руку, что она чуть не упала. — Ты, оказывается, еще и дура! Вот я тебе дома сейчас покажу ученье! Тебе позволить, так ты еще и лицо при людях откроешь, начнешь торговать собой!

— Ну, зачем же вы так?.. Марьям-апа же ходит с открытым лицом, и ничего. И Айша...

— Заткнись! Ух-х, твою Марьям-апа... И Айшу тоже... Вижу, и ты испортилась, связалась с ними, подлая!

— Не оскорбляйте...

— Да как ты смеешь возражать мне, а? Своему мужу!

— А вы не говорите так о людях, которых не знаете.

— Ишь ты какая! Поглядите-ка на нее... и голос прорезался! Да какой там голос — язык с целый аршин вырос!.. Проклятье такой жене, как ты! И даже — «уч талак», троекратный развод! Да, да, развод! Троекратный! Не нужна мне такая жена!.. — не своим голосом заорал Нормурад и затопал ногами.

Втащив Сулув в комнату, где совсем недавно подруги воздавали ей все почести невесты, он намотал на руку ее косы, повалил на пол и начал бить. «Я тебе покажу, как мужу перечить... я тебе покажу...» Услышав крики невестки, прибежала мать. Ругая на чем свет стоит сына, она вытолкала его из комнаты. Затем усадила невестку, которую сотрясали рыдания, мокрой тряпкой утерла с ее лица кровь, смазала жиром ссадины на плечах, на груди. При этом приговаривала: «Такова наша доля, доченька... Мужу надо потакать во всем... На его стороне сила, а значит, и правда... И на что тебе сдалась эта учеба? Далеко ли пойдешь, если и научишься читать-писать? Ведь у женщины дорога — не далее порога». Свекровь поворчала еще немного, ругая сына, а заодно и невестку за непослушание, затем дала Сулув попить воды, сама приготовила у стенки постель и уложила ее.

А Нормурад тем временем находился в комнате матери. Он слегка перекусил и, успокоясь, чуть-чуть жалел о содеянном. Некоторое время посидел в одиночестве, обхватив руками голову, а потом лег и, натягивая до плеч одеяло, подумал: «Бабыя обида недолгая, завтра и забудется...»

Однако настоящий сыр-бор разгорелся только на следующий день.

Тут дома скажешь что-нибудь шепотом — и то рано или поздно узнает весь кишлак. А он, Нормурад, брякнул такое на улице, и к тому же во весь голос...

Прослышав о том, что Нормурад объявил жене «уч талак», чуть свет пожаловали в его дом отец Сулув и

ее брат. Часом позже пришли еще несколько уважаемых мужчин кишлака. Все они сидели в одной комнате при закрытых дверях, и приглушенный гул их голосов доносился оттуда, ни на минуту не смолкая. Хотя мужчины разговаривали, не повышая друг на друга голоса, все-таки временами громче остальных раздавался то голос отца Сулув, то отца Нормурада. Каждый защищал и пытался оправдать свою сторону, и все накопившиеся на душе обиды тут же были высказаны друг другу. И тем не менее обе стороны в конце концов пришли к выводу, что лучше, если ни работники сельсовета, ни так называемая общественность об этом ничего не узнают. Поэтому молодоженов нужно помирить — и все будет шито-крыто, не распадется созданная по воле всевышнего их молодая семья.

И тут их благочестивый сосед мулла Имомалиходжа вдруг возьми и заяви:

— Если муж объявил жене «уч талак», то жить с ней шарнат ему запрещает.

Все одновременно повернулись к нему. И воцарилась тишина.

— Вы, достопочтенный, все предписания шарната хорошо знаете, — произнес наконец отец Нормурада. — В таком случае дайте нам какой-нибудь дельный совет.

Имомалиходжа степенно кивнул, сосредоточенно перебирая четки. Бальзамом на сердце пришлись ему эти слова. Давненько не слышал он ничего подобного. И нараспев, как обычно читают Коран, громко возгласил:

— Все мы, сидящие тут, — добрые мусульмане. И потому не имеем права не следовать дарованным свыше правилам шарната... — Он помолчал и, качая головой, с сожалением в голосе забормотал: — Ох, напрасно этот парень, не подумав, объявил жене «уч талак», ох напрасно. Теперь близок локоток, да не укусишь. До чего же безответственна нынче молодежь! А мужское слово нельзя в копейку превращать. Плохи дела... — руки Имомалиходжи, перебиравшие четки, замерли, он опустил голову и задумался.

Нормурад, виновато потупясь, сидел напротив него. Он заерзал, с раздражением подумав: «Какой же ты всезнающий мулла, если такую простую задачу решить не можешь! «Плохи дела», «плохи». Заладил одно и то же!»

— На никохе¹ имеется печать самого аллаха. Да,

¹ Ник о х — молитва, скрепляющая брак.

да. И нельзя к никоху относиться так легкомысленно. Я ответствен перед всевышним за то, чтобы правверные следовали его указаниям...

— Укажите нам путь, почтенный, и мы вас щедро отблагодарим, — умоляюще обратился к мулле, поняв его намек, отец Нормурада.

— Прежде я должен знать, готовы ли вы следовать указаниям нашего творца?

Присутствующие в один голос заговорили: дескать, как почтенный мулла может в этом сомневаться?!

— Тогда, если будет угодно аллаху... мы такой путь найдем.

Все облегченно вздохнули и вновь обратили свои взоры на муллу.

— Шарият указывает нам один-единственный путь, — мулла прокашлялся и взглянул исподлобья на Нормурада; тот с готовностью из стоящего рядом с ним чайника палил в пиалу горячего чаю и протянул Имомалиходже; мулла шумно отпил глоток-другой и продолжал: — Клянусь всевышним, к любому святотатству мы не должны оставаться равнодушными. Мы должны указывать молодым истинный путь.

Сидящие закивали, выражая одобрение словам муллы.

— А путь таков, да не вкрадется в души ваши сомнение, утроив тем самым грех: мы должны молодую келин¹ выдать за кого-то другого.

Присутствующие опешили. Кто побледнел, у кого лицо пошло пятнами, а кое у кого на устах заблуждала схидная ухмылочка. Особенно неловко почувствовал себя Нормурад, глаза его округлились. Он, собравшись с духом, хотел что-то возразить и даже приоткрыл рот, но Имомалиходжа, решительно выставив ладонь, остановил его:

— Не громози один грех на другой!

И отец шикнул на Нормурада, не дав ему ничего сказать.

— Шарият требует, чтобы женщина, которой объявлен «уч талак», хотя бы одни сутки провела под кровом другого мужчины. А потом тот человек объявит ей «уч талак». Лишь после этого мы сможем снова засватать ее за вашего сына, уважаемый. И вы спокойненько вер-

¹ К е л и н — невеста.

нете ее в свой дом. Так велит шарнат. Любое же отступление от него — великий грех...

— Что же это получается, а?.. — закричал вдруг Нормурад, покраснев как рак. Он резко поднялся и хотел выйти из комнаты.

— А ну-ка, резвый мой, сядьте! — строго сказал Имомалиходжа, побагровев от негодования, и глазами указал, где он должен сесть. — Делать ошибки всегда легче, чем исправлять. Если однажды смалодушничили, то найдите теперь в себе мужество! Объявивший жене «уч талак» и продолжающий жить с ней как ни в чем не бывало предается всеобщему позору!..

Происшествие, повлекшее за собой столь неожиданные последствия, обсуждалось весьма и весьма долго. Присутствующие никак не могли сойтись в главном: за кого выдать Сулув на столь кратковременный срок, да так, чтобы тот и впрямь не возомнил себя ее настоящим мужем и не посягнул на ее честь. Наконец нашелся такой человек. Тихий, скромный, даже у овцы изо рта соломинку не вырвет, чтобы не обидеть. А главное, бедняк из бедняков, и от небольшой суммы денег, которую ему Имомалиходжа предложит, он вряд ли откажется. На том и порешили: засватать Сулув за Абдукадыра, одинокого и безродного джигита, живущего на окраине кишлака в маленькой развалюхе. Имомалиходжа лично взялся за это дело и заверил, что бедняк чабан и пальцем не притронется к келин...

Вечером Сулув отвели к Абдукадыру.

Имомалиходжа прочел нигах. Потом все молча удалились, а он еще несколько минут оставался наедине с чабаном и о чем-то с ним договаривался. Потом и он ушел, плотно прикрыв за собой дверь.

А Сулув как посадили на овчину в углу полутемной комнаты, так она и сидела, не поднимая головы, и думала о своей горькой судьбе.

Абдукадыр растерянно шагал от стены к стене, не находя подходящих слов и не зная, как себя вести с этой красивой женщиной, будто с неба ниспосланной в его бедное жилище. Да и Сулув испытывала крайнюю неловкость оттого, что из-за нее парень оказался в столь щекотливом положении.

Словно о чем-то вспомнив, парень вышел во двор и вернулся через несколько минут с охапкой дров. Он раз-

вел в печи огонь, вымыл котел, покрытый ржавчиной. — в нем давно ничего не варили — и поставил греться воду. Затем с вбитого в стенку колышка снял кусок вяленого мяса и опустил в закипающую воду. Наполнил водой черный от копоти кумган и пододвинул его к огню. Опустившись на колени, стал дуть на угли. Глаза его заслезились от дыма. Но вот сухие тутовые стебли затрещали и занялись ярким пламенем. Абдукадыр взял из ниши покрытые пылью касы, решив помыть их.

Сулув не выдержала. Она встала и, подойдя к молодому чабану, молча взяла у него из рук посуду.

Что значит женщина — через каких-то несколько минут все было перемыто, почищено, прибрано, и хижина обрела вполне жилой вид. И даже светлее стало, когда Сулув поправила скрученный из хлопка фитилек в глиняной плошке, на дне которой было немного масла, — язычок пламени сделался ярче и перестал коптить.

Тем временем в котле закипела, забурлила вода. Комната наполнилась запахом варящегося мяса. У Сулув со вчерашнего дня не было во рту и маковой росинки. Она с трудом дождалась, пока в большую миску был налит наваристый бульон, а разварившийся кусок мяса выложен на глиняное блюдо. Молодой хозяин расстелил дастархан и поставил еду посредине. Сулув взяла кусок черствой ячменной лепешки с торчащими отрубями и стала деревянной ложкой хлебать бульон. Бульон показался ей таким вкусным, какого она отродясь не пробовала.

Абдукадыр вынул из-за голенища длинный острый нож с роговой рукояткой, крошил мясо на мелкие кусочки и, положив их на кусок лепешки, пододвинул к ней.

— Пожалуйста, ешьте.

В кумгане заклокотала вода.

— Я сейчас... — Абдукадыр хотел встать, чтобы заварить чай.

— Нет, нет, сидите. Я сама, — сказала Сулув и проворно вскочила. Он впервые услышал ее голос.

— Что ж, ладно, так и быть, — согласился Абдукадыр, садясь на место. — Заварите сами.

— А где чай? — спросила Сулув.

— Вон в той коробке. Яблочный. Уж извините, настоящего нет.

— Не беда, я всегда в родительском доме пила такой чай.

Вот и чайник появился на дастархане.

Вяленое мясо было очень соленным, поэтому оба чаевничали с особым удовольствием. Сулув и чай из сушеных яблок, чуть с кислинкой, казался необыкновенно вкусным.

— Вы очень хорошо умеете заваривать чай, — сказал Абдукадыр, решившись наконец поднять глаза на молодую женщину.

— Ничего особенного... обыкновенно, — еле слышно произнесла Сулув.

— Если бы я заварил сам, он бы не был таким вкусным.

Сулув не ответила. Боялась, что голос выдаст ее волнение. Сердце в груди у нее билось, словно щегол, заключенный в клетку, и по всему телу разливалась сладостная истома. Не поднимая головы, она тихонечко пила чай красного цвета.

В окно светила яркая луна. Судя по ней, уже одним краем скользнувшей за уступы гор, время близилось к полуночи. Молодая женщина и джигит сидели молча. Хотя в течение часа никто из них не произнес ни слова, им в этой тишине казалось, что они поверяют друг другу свои горести и печали, делятся радостями, которые так редко выпадали им в жизни.

Абдукадыр думал о том, что и он, может, нашел бы свое счастье, не будь у него такая собачья жизнь. Что он видел за свои двадцать четыре года? Только беспросветную нужду и унижения. Дни и ночи проводит он на горном пастбище, пасет чужих овец, коз, коров, этим и живет. И мать, и отец его умерли в нужде. А он живучим оказался, с детства ни разу не болел, переносит и голод, и холод... За всю свою жизнь еще ни разу не сидел наедине с женщиной. За что ему такой подарок? Будто это не явь, а волшебный сон. Сидит напротив него освещенная луной, красивая, молодая женщина. Протяни руку — и достанешь. А он словно язык проглотил: ни слова не может вымолвить. Едва поднимает на нее глаза, ему кажется, что совершает грех. В ушах так и звучит противный голос Имомалиходжи: «Гляди у меня, не вздумай глаза на нее пялить, не прогневай бога. Коснешься ее пальцем, душу из тебя выну, запомни!..»

И все же он украдкой поглядывал на Сулув. Иногда на руки ее, когда она брала пиалу, падал голубоватый свет луны, и они казались ослепительно белыми. Порой

их взгляды встречались. Ее черные бархатистые глаза с пушистыми, как у газели, ресницами вдруг ослепляли его, словно излучали свет. По груди ее змеились две толстые косы... Если бы эта женщина действительно стала его женой, он был бы рад прислуживать ей всю жизнь. Тысячу раз жаль, что прочитанный вечером пигах — ненастоящий. Завтра Сулув уведут из его дома. И Абдукадыр снова останется среди этих неудобных стен один-одинешенек...

Будет ли суждено и ему, бедному чабану, когда-нибудь коснуться руки такой красавицы, падет ли луч радости и на него? Кто же за такого бедняка, как он, согласится выдать свою дочку? Никто. Каждый относится к нему свысока, как к бедному человеку. Видно, он для того и рожден на свет, чтобы прислуживать другим, чтобы толкаться у чужих дверей, спрашивая, нет ли работы. Если кто-нибудь играет свадьбу или где-то намечен пир по случаю какого-то праздника, то Абдукадыр таскает воду, наполняет котлы, рубит дрова, разводит самовар. При этом никто не зовет его: мол, иди присядь за дастархан, ведь и ты гость. Нет, он не гость. Он — прислуга. Ах, провались эта бедность, из-за нее и человеком не считают... Вот и революция произошла. Говорят, светлые дни настали. Но их свет еще не достиг его бедной хижины. Правда, как-то позвали его в сельсовет и сказали: «Вступай в наше товарищество, дадим тебе землю». А зачем Абдукадыру земля, одинокому, неприкаянному? Он привык пасти скот, а не пахать и сеять. Да и кто знает, что у них там за товарищество? Хозяева отар всякое про них говорят. Повременить решил Абдукадыр...

Сулув подправила иголкой начавший тлеть фитилек: видимо, вышло масло на донышке плошки. В этой тесной хибаре бедного чабана она почему-то чувствовала себя свободнее, чем в просторных хоромах Нормурада. Почти ежедневные скандалы, попреки свекрови и золовок, а в особенности большое сомнение мужа и его придирки заставили Сулув за несколько дней пожелтеть, как шафран. А теперь еще и «уч талак», этот троекратный развод, будь проклят такой обычай, выпало ей испытать. И бедному чабану из-за этого муки. А ему-то за что?.. Ей хотелось погладить руку парня, бугристую, со вздутыми венами, успокоить. Она была бы рада остаться здесь на целый год, а еще лучше — навсегда... Как вспомнит Нормурада, мороз по коже пробегает. Не

забыть ей, как он на третий день после свадьбы напился до чертиков и избил ее до полусмерти. . .

Этот чабан, наверное, никогда бы не поднял руку на женщину. А какими вкусными показались ей черствый кусок лепешки и бульон. Оказывается, если человек чувствует себя свободно, не боится, что через секунду на голову ему обрушится чья-то брань, то он и в шалаше может быть счастлив. Если для тебя выстроят золотой дом, но жить в нем придется под постоянными косыми взглядами, все будут следить за каждым твоим шагом, и ты за всю жизнь не узнаешь, что такое любовь, то зачем тебе такой «рай»? . . «Этот простодушный и скромный чабан беден, но по сравнению со мной он гораздо счастливее. Не в клетке живет. Дом ему — горные пастбища, простор. . .

Странно. . . Всего-то одну ночь я во власти этого робкого парня. Всего одну. . . Ну, почему не тысячу?! Я бы ничего не требовала у него — ни нарядов, ни лакомств. Разрешил бы только остаться в его убогой хижине. С ним рядышком быть разрешил бы. . . Но завтра. . . Скоро наступит завтра. . . Лучше бы оно не наступало. . . Я снова войду в тот неприветливый холодный дом. . .»

— О чем вы так задумались? Наверно, устали. Ложитесь спать. Укройте вот этой овчиной и спите.

— Нет, нет, я не хочу спать, вы не беспокойтесь, — быстро проговорила Сулув.

— Не бойтесь, я пойду во двор. Чабаны привыкли спать на свежем воздухе.

Абдукадыр снял со стены свой тулуп и положил рядом с Сулув, не посмеяв накрыть им ее плечи, а сам подошел к стоявшему на скамье ведру, зачерпнул полную касу холодной воды и с наслаждением выпил.

Видя, с какой жадностью он пьет, Сулув вдруг тоже почувствовала жажду.

— Дайте, пожалуйста, и мне, — попросила она нежным тихим голосом.

Абдукадыр наполнил касу и подал женщине. Сулув, как и он, с жадностью припала к ее краю и выпила всю воду до капли. Протянула джигиту пустую касу и, утирая рукой губы, улыбнулась. И почему-то их обоих ни с того ни с сего разобрал смех. Они громко захохотали. И это накотившее вдруг веселье как бы отодвинуло в сторону висевший между ними занавес отчуждения. . .

Сжимая обеими руками влажную касу, Абдукадыр лю-

бовался красивым лицом женщины, ее розовыми и нежными, как персики, щеками, ее огромными черными глазами, алыми и сочными, будто она только что ела вишню, губами. Сулув заметила это не сразу. Смутьясь, опустила голову, и ресницы, как опахала, бросили тени на ее щеки. Она взяла тулуп и накинула на плечи. Тулуп быстро согрел ее, продрогшую в этой сырой хижине, но не подававшую вида. Ей вдруг показалось, что она заключена в объятия чужого мужчины. Пошевелив плечами, хотела сбросить тулуп, но все ее существо обволокло какое-то мягкое и томное блаженство, словно желая обласкать и успокоить. Она плотнее запахнула полы тулупа, накрывая колени, взглянула на джигита и опять улыбнулась.

Абдукадыру было приятно, что Сулув укуталась в его тулуп. Джигиту казалось, что тулуп еще хранит тепло его тела, тепло, которое и греет сейчас женщину, и от этого душа его наполнилась радостью.

Абдукадыр обычно уходил в горы с рассветом. Сегодня же он не стал ожидать, когда небо начнет светлеть и на нем поблекнут звезды. Отправился раньше. Шел и не мог оторвать глаз от фиолетового неба, усыпанного густыми созвездиями. Словно искал среди звезд единственную, звезду своего счастья. Казалось, сегодня они сияют ярче, чем обычно, мерцают и перемигиваются. Отчего они такие радостные сегодня? Может, они за него радуются и поздравляют? А с чем... с чем они могут поздравить его? Не с тем ли, что с утра, как только взойдет солнце, он начнет новую жизнь? Он перегонит отару на другое пастбище и отправится в сельсовет к тем людям, которые его звали. Ведь, если зовут, значит, он им нужен. А как это славно — жить и чувствовать, что ты не один, что ты еще кому-то нужен...

И все же с восходом Абдукадыр не пошел в сельсовет. Не хватило решимости...

Весь день он бродил по горным склонам, перегоняя с места на место овец, и находился во власти сладостных дум. Он старался не думать о Сулув, но она, помимо его воли, возникала перед глазами, при этом щемило сердце и непонятная тревога заполняла душу. Он видел ее большие, полные тайны, блестящие в полумраке глаза, и в ушах неотступно звучал ее нежный певучий голос. И ему захотелось, бросив стадо, помчаться домой. Но тут снова вспомнились слова Имомалиходжи... В шелесте ветра ему почудился предосте-

регающий шепот: «Грех, грех, грех...» И он, не помня себя, стал взбираться на вершину, где еще лежал нерастаявший снег. Он карабкался по крутому каменистому склону, словно ниша себе смерти, оступаясь, расшибая колени, раздирая в кровь руки, цепляясь за колючий кустарник и острые уступы, и наконец достиг вершины. Вряд ли тут кто-нибудь побывал до него. На плотно слежавшемся снегу не было даже итичьих следов. Холодный упругий ветер обжигал лицо, грудь. А пониже, где, постепенно утончаясь, заканчивается ледяной кромкой, дающей начало ручьям, снежная шапка горы, склоны краснели от цветущих тюльпанов. Абдукадыр, набирая полные сапоги снега, спустился вниз и, упав на колени, стал рвать цветы, росистые, пахнущие снегом и алые, как кровь. Зачем? Зачем он рвет? Зачем ему цветы? Кому он их преподнесет?.. Ведь когда он вернется домой, Сулув там уже не будет... Ах, Сулув, Сулув!.. Сама как цветок, сейчас, наверное, сидит, укрытая его тулупом. Но скоро за ней придут. Уже скоро... Думая так, он продолжал рвать цветы. Все-таки он отнесет их домой, они хоть как-то украсят бедное жилище одинокого чабана...

Абдукадыр возвращался домой, когда уже почти догорела вечерняя заря и сгустились сумерки. Шел медленно, не спеша. Устал, весь день лазил по горам. Он нес целую охапку цветов, казавшихся в темноте черными. И на душе был мрак. И во всем мире так же темно, как и в его пустой выстывшей хижине. Вон она, уже виднеется вдалеке, с плоской крышей, заросшей травой, как могила.

Абдукадыр медленно приблизился к хижине. Из щели неплотно прикрытой двери просачивался свет. Он ускорил шаги, сильно заколотилось сердце, он почти влетел в дом.

Сулув сидела одна. Поднялась, сделала несколько шагов навстречу.

— Что случилось? Не пришли, что ли?.. — спросил он как можно спокойнее, но сдавленный дрожащий голос выдавал его волнение.

— Приходили... — Сулув опустила голову.

— А вы?..

Она глянула мельком. Глаза ее были полны слез.

— Мы же обручены нигахом. Я теперь уйду, если прогоните...

Абдукадыр шагнул к ней, алые цветы рассыпались

у ее ног. Он крепко прижал женщину к груди и погладил ее мягкие шелковистые волосы.

— Сулув, счастье мое...

В этот момент дверь с шумом распахнулась — и в комнату вошли Имомалиходжа и Нормурад.

— А ну-ка, объявляй «уч талак»! — прошипел мулла, встряв между Сулув и Абдукадыром и растолкав их в разные стороны.

— Нет! Не уйду я отсюда! — крикнула Сулув, метнулась к чабану и крепко прижалась к нему.

— Бесчестная-а-а! — заорал Нормурад и бросился к ней, подняв кулаки.

Абдукадыр заслонил собой Сулув и грозно произнес:

— Убирайтесь отсюда оба. Живо! — и опустил руку к голенищу, где прятал нож.

Нормурад попятился к двери.

— Оба! — процедил сквозь зубы чабан и обернулся к мулле.

— Что же это такое, а?.. — растерянно забормотал тот, бочком, бочком отступая вслед за Нормурадом. — Грех... Грех... Ты же... ты же...

— Не для того я женился, чтобы расстаться с этой женщиной раньше, чем умру! Проваливайте! — в руках у чабана сверкнул нож.

Тщедушный Нормурад и круглый, как бочка, Имомалиходжа одновременно ринулись к двери; застряв в ней, еле протиснулись наружу и исчезли в темноте.

Историю эту рассказал мне один седобородый чабан, когда журналистские дороги привели меня на горные пастбища Томди. А вечером он принимал меня в своем прекрасном доме с огромным садом, где, резвясь, бегали дети. У Сулув-буви и Абдукадыра-ата теперь уже четверо сыновей, две дочери и восемнадцать внуков. Постарели Абдукадыр и Сулув. Но так же красивы, как и в те давние годы. Любят друг друга ничуть не меньше и потому счастливы по сей день. Ведь, чтобы быть счастливыми, надо любить. Да, да, любить.

Содержание

ПОВЕСТИ

Сердце мое — факел. <i>Перевел Борис Боксер</i>	5
Проводы невесты. <i>Перевела Ольга Ипатова</i>	90
Серебристые листья. <i>Перевела Зоя Туманова</i>	153

РАССКАЗЫ

На охоте. <i>Перевела Ольга Ипатова</i>	229
Накануне свадьбы. <i>Перевела Зоя Туманова</i>	244
Удивительное сватовство. <i>Перевела Зоя Туманова</i>	250
Мать. <i>Перевела Зоя Туманова</i>	256
Спасибо за эту зарю. . . <i>Перевел Эмиль Амит</i>	259
Круг. <i>Перевел Эмиль Амит</i>	268
Обида. <i>Перевел Эмиль Амит</i>	275
Сулув. <i>Перевел Эмиль Амит</i>	282

МАКСУД ҚАРИЕВ
ПРОВОДЫ НЕВЕСТЫ

М., «Советский писатель», 1985, 296 стр.
План выпуска 1985 г. № 336
Редактор Э. О. Амигов
Худож. редактор А. В. Еремин
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректор Т. М. Павлюченко

ИБ № 4882

Сдано в набор 22.11.84. Подписано к печати 25.02.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 16,38. Тираж 30 000 экз. Заказ № 735. Цена 1 р. 10 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

г р. 10 к.

